



Нам уже 5 лет

• МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕДИА-ГРУППА •

Интеллигент



Как быстро летит время. Кажется, совсем недавно я обдумывал, как запустить издательский проект, но не как у всех, а особенный. Особенный своими интеллигентными манерами в творческом представлении и, в тоже время, вобравший в себя все слои различной русскоязычной, региональной и мировой мозаики... Несмотря на кажущуюся скоротечность времени, за пятилетний период произошло много событий, которые определили сегодняшнее состояние нашего проекта. Подводя итоги проделанной работы за этот период, прежде всего, хочу искренне порадоваться, что «Интеллигент» выжил. Более того, он вырос уровнем задач, которые мы сегодня ставим перед собой. Сам процесс выживания и роста был нелёгок. В период начального развития проекта в редакционный совет приходили самые разные люди, имеющие порой противоположные взгляды на его развитие. Объединить их было непросто. Но за пять лет была создана атмосфера нормального делового общения и сотрудничества. Поэтому у нас есть будущее. Итог пятилетней работы в том, что созданный нами издательский проект «Интеллигент» приносит ощутимую пользу русскоязычным авторам и читателям не только в регионах России, но и в ближнем и дальнем зарубежье.

Сегодня я и другой учредитель проекта «Интеллигент» Сергей Лебедев, помощник Андрей Медведев поздравляем с наступающим пятилетним юбилеем всех наших сотрудников! Главных редакторов: Дину Лебедеву и Наташу Крофте! Зам. редакторов: Вячеслава Барыбова. Совет редакторов: Светлану Савицкую, Екатерину Асмус, Майю Шварцман. Художественного редактора Наташу Гордееву, верстальщика Сергея Истомина и коллектив ООО РИЦ «Вяйнола» за их доброе, благородное, профессиональное и терпеливое участие в этом проекте. Мы благодарим наших активных представителей: Марину Викторову, Марка Луцкого, Ирину Явчуновскую, Яна Кауфмана, Ольгу Грушевскую, Андрея Насонова, Андрея Дюка, Людмилу Шарга, Веру Зубареву, Наташу Лайдинен, Ольгу Чинякову, Эльдара Ахадова, Злату Рапову, Зиновия Коровина, Сергея Гора, Елену Ерофееву - Литвинскую, Светлану Дион, Надежду Сергееву, Сергея Малашко, Александра Мельника и многих других, кто был и остается нашими представителями по всему миру.

Этот номер мы начинаем с наших юбиляров. В следующем номере мы не только опубликуем материалы от Веры Зубаревой (наш представитель в США), рас-

скажем о культурном сибирском городе Омске, представим известных художников, поместим информацию о музыке и конкурсах, но и познакомим читателей с удивительным человеком – Светланой Савицкой, которая этим году тоже отмечает свой юбилей. На страницах журнала «Интеллигент» она будет представлена интересными материалами о её путешествиях и наблюдениях.

В журналах «Интеллигент» мы стараемся собрать и представить самое лучшее, самое интересное, новое в открытиях, в творчестве и осмыслении. Опубликованная в конце этого номера беседа между мной и Андреем Дюка, а с ним мы общаемся как близкие друзья, для многих читателей, возможно, предстанет неожиданной картиной. Я открываю её для всех, как реальность разных социальных, личностных и масштабных представлений, которые так или иначе связаны с нашим проектом.

Всем приятного чтения!

Учредитель: Сергей Пашков

Соучредители: Сергей Лебедев, Андрей Медведев



EUROPEAN DIVISION

THE LIBRARY OF CONGRESS
101 INDEPENDENCE AVENUE, S.E.
WASHINGTON, D.C. 20540-4830

Provintial'nyi Intelligent
c/o Sergei Pashkov
ul. Gornjakov 7-61
186930 Kostomuksha
RUSSIA

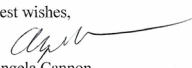
January 17, 2013

Dear Mr. Pashkov,

We just received your gift copies of the issues of the literary journals *Intelligent-Izbrannoe* and *Intelligent-SShA* and *Intelligent-Moskva*. Thank you very much for considering the Library of Congress as a recipient for your publications. They will make important additions to our Russian literature collection.

I have forwarded your publications to our acquisitions department for processing. When completed, the journals will be available to any researchers who come to the Library of Congress.

Best wishes,


Angela Cannon
Reference Librarian
European Division

В подготовке номера принимали участие:



Светлана САВИЦКАЯ
Материалы стр.: 3-6; 48-51;
62-68



Марина ВИКТОРОВА
Материалы стр.: 46-47



Вера ЗУБАРЕВА
Материалы стр.: 74-77



Наталья ЛАЙДИНЕН
Материалы стр.: 58-59



Екатерина АСМУС
Материалы стр.: 11-12; 52-53



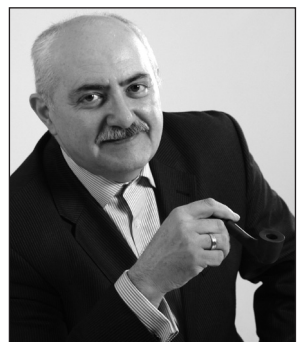
Майя ШВАРЦМАН
Материалы стр.: 19-29; 38-45



Ольга ГРУШЕВСКАЯ
Материалы стр.: 7-10



Татьяна СТРОГАНОВА
Материалы стр.: 55-57; 83-84



Эльдар АХАДОВ
Материалы стр.: 78-80



Елена ЛИТВИНСКАЯ
Материалы стр.: 13-16; 30-37



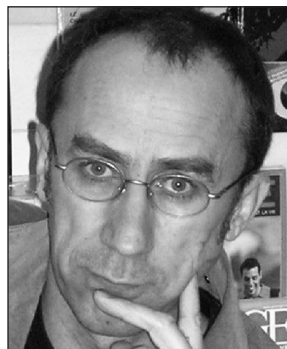
Людмила ШАРГА
Материалы стр.: 72-73



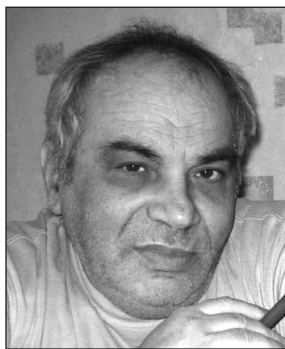
Евгений ФЕЛЬДМАН
Материалы стр.: 85-86



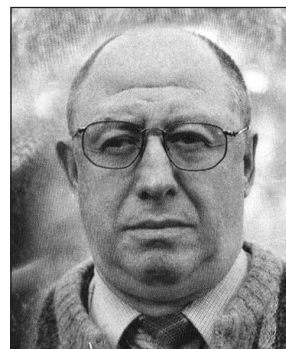
Андрей ДЮКА
Материалы стр.: 92-97



Александр МЕЛЬНИК
Материалы стр.: 87-91



М.И. Горевич
(Михаил Микаэль)
Материалы стр.: 60-61



Борис БЕМ
Материалы стр.: 69-71

При участии: Вячеслава БАРЫБОВА, Андрея НАСОНОВА, Аркадия БРОНШТЕЙНА, Татьяны ИЛЮХИНОЙ, Юрия ТОПУНОВА....

Юбилей

ОТ ДОБРА К ДОБРУ

Человек оставляет себя в этом мире в нескольких ипостасях — ребенком, отроком, зрелым человеком, стариком, и, если удастся, философом. Но вдруг на сотню, на тысячу рождается философ уже сразу, с детских лет. Перерождение его из жизни в жизнь идет вопреки законам внешнего мира, не из гусеницы в кокон, а потом в бабочку. А сразу, одаренный крыльями мастерства, воплощается он на новой спирали из бабочки в бабочку, из птицы в птицу, из ангела в ангела. И, в противовес поговорке «от добра добра не ищут», поиск жизни феномена трудными переходами проходит не терциями и не квартами, как у тысяч других, а сразу октавами от До до До: от добра — к добру.

Михаил Ножкин — уникальное явление современной эпохи. Не многие знают, что все барды пошли от Ножкина. Именно Михаил отворил путь философии песенной. И авторская песня полна смысла, лирики, мастерства. Она безупречна. Он весь — фундамент. Не окаменевший статичный. А движущийся, динамичный, как Земля, из которой произрастает все живое. Поверхностный и глубинный одновременно. Охватывающий все стороны медали — «орла» и «решку», «ребро» и, собственно, сам состав. Их много. Больше, чем мы бы могли себе представить. Мои любимые — песня про электричку, песня про тетю Ньюшу, про шею, песенка про кладбище, песня-реквием про Ржев, песня молитва «Помоги им Боже!»...

Звание «Народный артист» не совсем ему подходит. Этого мало. Слишком мало для нашего понимания Ножкина. Их достаточно, хороших народных артистов. И что такое артист? Сценарист написал слова. Режиссер вложил смысл. Оператор снял в выгодном ракурсе. Вот и все. Я знаю много народных артистов, которые на экране говорят одно, а в жизни они совершенно другие. Лживые. Мелочные. Порочные. Бывает, торгуются они со мною, как за пучок редиски, о цене выступления на нашей сцене. Бог им судья.

А он не торгуется. Он приходит. И в буквальном смысле слова «пашет», хотя уже и ноги не так резвы. И дыхание сбито. И голос теряет серебряный звон. Но звучит «Разведка ГРУ, разведка боем...», «Мы так давно не отдыхали...», «Я люблю тебя, Россия» на встречах с ветеранами и в молодежных центрах, на малой сцене из десятка зрителей и в шеститысячном Кремлевском дворце съездов, с оплатой и без, но всегда под бурю аплодисментов. И зал слушает стоя. Это песни-гимны. Песни-молитвы. Песни-хоругви. Эти песни-послания похожи на энергетические столбы от земли к небу. От настоящего — в прошлое и будущее.

Станиславский говорил о сверхзадаче. Сверхзадача Ножкина, как ни странно, в любви. Его герои любят друг друга, любят города, страну, планету. Любят всем естеством, а значит, их предназначение все это защищать. Отсюда песня: «Добро должно быть с кулаками».

Родоначалник «Голубого огонька», куда приходили интересные люди, был именно Михаил Ножкин. Все формы разговорного жанра освоены им блестяще! Это фельетоны, монологи, куплеты, частушки, новеллы, пародии...

Озвучены песнями и музыкой сотни песен. Тоже блестяще! Работают через сценарии, через вечера авторские встречи сотни идей. Великих идей! Не всегда звучит фамилия. Не всегда автор получает за это деньги. В нашей стране, почему-то это стало нормой. Согласно легендарной книге Святогора, изначально живут на Земле дети Земли. И дети Неба. Лучшие из детей Земли — Хранители, худшие — расточители. Худшие из детей неба — Хранители, лучшие — Творцы. Он творит. Расточители пользуются.

Михаил Ножкин относится к детям Неба. Лучшим детям неба. Он — Творец. Небесным огнем горят его очи. Так, у Альбины, одного из учеников древнегреческого философа Платона, говорится: «Установив на лице светоносные глаза, боги заставили их сдерживать заключенный в них огненный свет». А в его «Золотое Перо» вложен небесный дар. Он владеет, как мечом, СЛОВОМ! Это не только величайший дар, но и невероятная большая ответственность. Почему? Да, хотя бы потому, что вслед за Ножкиным выходят Хазанов, Задорнов, Иванов... А откуда «ножки растут»? От Ножкина! Вот показывают с экрана сериал за сериалом. Воины. Афганцы... Да, молодые. Да кра-



сивы. Да, искренни. Но все это лишь эстафета. Лишь второй шаг. А первый там, в киноленте «Освобождение» Ножкин кричит: «Пушку в метро!» Его герой, майор Шатохин, воюет в морской пехоте, в штыковую атаку идет подполковник Рошин, разведчик «Бекас» сражается борцом «невидимого фронта» в фильме «Ошибка резидента»...

Его лирические герои нежны и надежны. «Каждый вечер в 11» слушает проникновенный голос героиня актрисы Володиной, ждет, ждет и еще раз ждет и «ходит по мукам» героиня Пенкиной своего Рошина. А дома...

45 лет душа в душу с любимой женой Ларисой. Ей и посвящение нового двухтомника избранных произведений «Точка опоры» и «Будь человеком».

Почему зритель верит? Да потому, что скелет мироздания, внутреннего благородства актера совпадают со сценарными строчками. Потому что он, Михаил Иванович Ножкин, думает так же и так же поступил бы в жизни, как его нарисованный герой. Потому что многие ленты оживлены лучезарным светом авторской песни. А в них — душа. Его душа, но самое невероятное, твоя душа и моя душа, а, значит, общий стержень нации. А Михаил — носитель информации поколений.

Вот ступают на подиум политики. Но ответственен шаг поэта и гражданина Михаила Ножкина там, на Манежной площади, собравшей тысячи недовольных. Ситуация практической революционная. Одно неверное слово — и брат может пойти на брата.

— Здорово, мужики! — восклицает Ножкин. И многоголосым басом вторит ему легендарная московская площадь...

Мы познакомились не случайно. 80-тилетний юбилей моего давнего друга скульптора Видулова собрал друзей в зале гостиницы Измайловская в 1997 году. Ножкин читал стихи. А пела я. И первый его жест в отношении незнакомой «певуны» поразил заботой и простотой. Он подскочил к микрофону и помог его поправить, чтобы удобнее было петь. Только бард в этом эпизоде может понять барда. Я подумала: «Надо же! Он не просто знаменитый актер, он человек! Добрый человек!»

С этого чуткого жеста помощи началась наша дружба. Мы обменялись телефонами. С тех пор я отношусь к Михаилу Ивановичу, как наши предки относились к волхвам. Мне неважно, любит он меня или не любит, ценит или не ценит, знает о моем творчестве или нет. Он знает гораздо больше информации, чем попадает к зрителю с экрана. Работая над романом «Распутай время», я поделилась сомнением о том, что наших воинов под Москвой во время ВОВ бросали на танки без парашютов. Эта легенда семьи не давала мне покоя с рождения, наверное. Михаил Иванович одно время работал ведущим программы на телеканале «Звезда» и был допущен к хроникам Госфильмофонда. И — О! Чудо! Он не только подтверждает легенду. А дополняет ее новыми подробностями. Да. Такой факт

был. Сибиряков, прошедших мимо Сталина по Красной площади, направили напрямик на фронт. Да. Парашютов не оказалось. И легкие самолеты сбрасывали воинов (в том числе и моего деда Петра Федоровича) в белых масках прямо на снег. И новые подробности о смекалке сибиряков. Они придумали распустать порезанные лентами плащ-палатки, и как с горки скатываться с них, одновременно открывая «огонь» по вражеским танкам. Именно благодаря находчивости наших воинов, стойкости и смелости, танки в Химках под Москвой были остановлены.

Когда я была в Сербии и проходила путь наших артиллеристов, мне рассказал дедушка, очевидец освобождения русскими войсками славянских земель Европы, как русские воины угощали его круглым русским шоколадом. Что за круглый шоколад? Михаил Иванович уже в Москве поведал мне о том, что во время ВОВ, когда наши воины освобождали Европу от фашизма, для детей освобожденных стран была выпущена специальная серия шоколада в виде бубликов. Крестьянские ребята впервые в жизни пробовали его. Как такое забыть?!

Это только краткие фрагменты общения.

Михаила Ивановича награждали орденами и медалями. Общественные организации и правительства. Лауреат Государственных премий. Он почетный гражданин многих городов. Обладатель Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси». А в прошлом году обладатель высшего признания содружества литературных сообществ, обладатель знака номер Один как «Лучший автор нового тысячелетия».

И вот, юбилейный вечер. 75-летие. Колонный зал Дома союзов собирает друзей. Не простых людей, а витязей. Рыцарей «Золотого Пера Руси». Военных. Генералов. Политиков. Героев труда.

Подготовка идет на моих глазах. Михаил Иванович придает важность каждой мелочи. Пригласительным билетам, выпуску двухтомника, фуршету, видеоряду.

На сцене он вдруг преображается. Молодеет лет на тридцать. Глаза сверкают голубым огнем. Поет вживую без фона. Зал в живую реагирует. Смеется и плачет. И Ножкин плачет вместе с залом под песню о Ржеве. А потом танцует, да как танцует! И улыбается. А как улыбается!

Выступает Валерий Ганичев, Председатель Союза писателей России. Он выдвигает интересную и правильную мысль - утвердить звание «Народного поэта» и назвать этим званием Михаила Ивановича. Зал поддерживает идею единогласным голосованием.

Выступают артисты Лановой и Соломин, Задорнов и Михайлов. Но вот наша очередь поздравлять. Мы представляем Национальную литературную премию «Золотое Перо Руси». В Колонный зал съехались представители творческой интеллигенции из Сибири, Мордовии, Татарстана, Поволжья, Украины, Молдовы, Казахстана, Италии. Присутствуют представители посольств Сербии, Польши, Словакии, Кубы, Болгарии. Поздравления пришли от русскоязычных авторов Германии, Канады, Израиля, Австралии, Бельгии, Австрии, Франции, других стран. Толстую папку с поздравлениями мы передали юбиляру.

Я высказываю мнение, что поздравление наших главных политиков Михаилу Ивановичу построено неверно, в прошедшем времени. Говорю, что 75 лет для философа только начало творческого пути. Зал скандирует. Ножкин ликует.

Но нам выпала честь отметить юбиляра и официально.

По результатам десятилетней работы проекта Национальная литературная премия «Золотое Перо Руси» Михаил Иванович Ножкин в Содружестве русскоязычных сообществ признан ПОЭТОМ номер ОДИН!!!!!! в многомиллионном русскоязычном мире!

Зал взрывается аплодисментами!

В память об этом Александр Николаевич Бухаров торжественно вручает хрустальный кубок с дарственной надписью: «Достойному сыну России, выдающемуся автору нового тысячелетия и Человеку с большой буквы Михаилу Ивановичу Ножкину в день 75-ти летия от Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси» 19 декабря 2012 год», орден им. Г.Р. Державина «За верное служение отечественной литературе» и памятную плакетку. Да, это тот самый Бухаров, правнук прославленного гусарского генерала Бухарова, которому посвящали стихи Пушкин и Лермонтов, внука которого была известным литературоведом и Есенин подписал ей с благодарностью за путевку в жизнь свой первый сборник стихов. Тот самый Бухаров, учредитель нашего «Золотого Пера Руси». Для вручения этих подарков, а также картины Никаса Сафронова была приглашена также Президент содружества региональных авторов Вера Петровна Хамидулина, приехавшая по этому случаю из Татарстана.

Мы передали множество подарков, в том числе экзотических. Алкогольная Сибирская группа подготовила к юбилейным торжествам по числу прожитых лет сувениры «Пять озер», «Хаски» и, пользуясь уважением у москвичей особым уважением «Кедровица». Дивизионный директор компании Комиссаров Евгений Васильевич присутствовал в зале.

Я пригласила на сцену и еще одного друга Михаила Ивановича, изобретателя разноигольчатых аппликаторов Николая Ляпко, он привез из Донецка специально к мероприятию лечебные свои иглы в дарственной упаковке.

Михаил Иванович Ножкин внесен в Степенную книгу Княже-



ского Совета. Для вручения почетной странички с гербом Михаила Ивановича, который героически восстановили за несколько дней к юбилею, на сцену вышел Предводитель Княжеского Совета Василий Петрович Тишков-Одоевский. Дело в том, что предок Михаила Ивановича, начавшего свою трудовую деятельность с простого рабочего и инженера-строителя, был Генералом-губернатором. Но об этом мало кто знает. Юбиляр считает, что только личным трудом можно чего-то достигать в жизни. И он совершенно прав. Герб Михаила Ножкина отличался тем, что в центре его красовались символы труда - серп и молот.

Рампа была завалена букетами роз, ведь «любимым подарком не дарят, любимых подарками осыпают!» 4 часа, как одна минута, проходят на одном дыхании. Общественные организации награждают новыми медалями и новыми орденами. Михаил Иванович снимает их в перерывах, чтобы освободить грудь.

4 часа. Как мало этого, чтобы увидеть, услышать, понять! Как мало! Так хочется, чтобы все, оказавшиеся здесь, услышали все его стихи! И все песни! И чтобы полностью фильм «Освобождение» и «Финист ясный сокол», озвученный его стихами, и «Хождение по мукам» и «Ошибку резидента» и «Каждый вечер в 11», и...и...и... Так хочется, чтобы они услышали и все интересные истории лично из его уст, как слышу их я по телефону. Чтобы вот так вот рядом. Он здесь тихо поет под гитару. А они на расстоянии вытянутой руки... Ножкин в жизни гораздо интереснее, чем на сцене и в кино! И чтобы каждый задал свой жизненно важный вопрос, на который может ответить только он, носитель «культуры, чести и совести современной эпохи», как назвал его писатель Сергей Проценко, специально прибывший на вечер из Новосибирска.

Двухтомники Михаила Ивановича буквально разлетаются в Колонном зале. Нам же они достаются лишь на следующий день. Несмотря на «драйв» после выступления, Михаил Иванович одаривает команду «Золотого Пера» книгами «Точка опоры» и «Будь человеком». Мне достается букет невероятно огромных бардовых бархатных роз. Но главный трофей – надпись в книге, да непростая, а стихотворный экспромт:

«Светлана!

Талантлива во всем, за что берешься,

Годам, болезням, бедам не сдаешься!

Живи! Дерзай! Рисуй! Вяжи! Пиши!

И творческое празднество верши!

Храни Вас Бог! Михаил Ножкин 20.01.2012г.»

Вот оно, счастье. В твердых обложках, долгожданный первый выпуск. Мы так ждали его! Все ждали! 75 лет ждали между прочим. И 10 лет готовили... Открываю. Бережно. Не поверите. Затаив дыхание. Поэты не любят поэтов? Глупости! Поэты не любят плохих поэтов. Но великих читают. Значит, чтут!

Что же тут? Издательство «Вече». 500 и 630 страниц. Солидно. Критическая статья Валерия Ганичева. Стихи. Не все. Но лучшие. Много. Публицистика. Эстрада. Сценарий фильма «Сын земли родной». Музыкальная комедия «Насильно мил не будешь».

Во втором томе - песни. Их даже больше, чем стихов. И несколько статей.

Книги снабжены цветными лакированными вклейками фотографий. Фрагменты из фильмов. Знаковые люди. Политики. Священники... Люди – символы. Люди – бинарные точки времени.

На обложках то, что кажется автору важнее самого себя – рабочий и колхозница, храм Божий, и точкой опоры - Красная площадь Кремля, как центр русской Земли.

Светлана САВИЦКАЯ
21.01.2012г. Москва
Фото Михаила ТИЩЕНКО

Юбилей народного артиста Бориса Химичева



28 января оргкомитет «Золотого Пера Руси» поздравил Народного артиста России Бориса Петровича Химичева с 80-тилетием.

Около 10 лет Борис Петрович входит в состав жюри и оргкомитета нашего проекта. Мы рады, что в лице Бориса Петровича Химичева обрели надежного и главное, ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО друга.

Сегодня мы хотим от лица всего оргкомитета и жюри «Золотого Пера Руси» сказать, как мы все его ЛЮБИМ, ценим и гордимся быть его современниками.

В зал Центрального Дома Актера на Арбате от наших спонсоров компании «Алкогольная Сибирская группа» было доставлено 6 ящиков водки.

Наши партнеры из корпорации «АРГО» вручили присутствующим специальные наборы уникальной оздоровительной продук-

ции, имениннику в первую очередь. Это бальзамы на медвежьем и барсучьем жиру, экстракты пихтового масла. Это лучшие продукты отечественных производителей.

Газета «За сбережение народа» доставленным тиражом 500 экз. с нашей поздравительной публикацией разошлась мгновенно в фойе.

От Центральной библиотеки им. Некрасова мы передали подарки и приветственный адрес.

Специально к юбилею из Донецка привезли тираж книги «Планета Ляпко», где Борису Петровичу посвящена целая глава. Прибыл и сам народный целитель Николай Ляпко и от корпорации «Ляпко» вручил наборы ковриков, шариков, лент и пластинок присутствующим, а юбиляру специально подготовленный чемоданчик с аппликаторами.

Запись торжества по нашему приглашению вело Новое

Молодежное планетарное телевидение. Редакция журнала «Моя Москва». Медийная группа «Интеллигент». Редакция газеты «Трудовая доблесть России». Редакция интернет-версии «Золотое Перо Руси», редакция Альманаха «Аргамак Татарстан».

И главное — от нас всех был вручен СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДИПЛОМ следующего содержания:

«Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси» награждается:

**БОРИС ПЕТРОВИЧ
ХИМИЧЕВ**

За грамотную литературную русскую речь в театре, на телевидении, радио и в жизни».

Более полная информация и фотобанк на портале Золотое Перо Руси:

<http://perorusi.ru/blog/2013/01/юбилей-химичева/>



www.nptm.ru

★ ЮБИЛЕЙ В ЗВЕЗДНОМ ★



Юрий Розум

Правительство РФ 11 апреля 2013 г. приветствовало в Звездном городке летающий и нелетающий состав и их жен с Днем космонавтики. День этот явился также юбилейным во многих отношениях для отечественного космоса. Небольшой, но уютный камерный банкетный зал, названный здесь зеркальным, был торжественно украшен. Каждый присутствующий – легенда. История. Гордость Отечества.

Не просто доклады, а живые остроумные поздравления Алексея Леонова, Валентины Терешковой, Александра Волкова звучали в этот знаменательный день. Были показаны фильмы и документальные кадры побед русского космоса.

Горячо встречали только что прибывших с околоземной орбиты Олега Новицкого и Евгения Тарелкина.

Особыми гостями встречи были знаменательные личности нашего времени: певец Иосиф Кобзон, пианист Юрий Розум и писатель Светлана Савицкая.

Пение Иосифа Давыдовича вот уже более 40 лет радует жителей Звездного городка. И в этот раз администрация объявила о том, что он стал почетным его жителем. Естественно, Кобзон пел. Песни эти знают. Любят. Помнят. Естественно, ему подпевал весь зал.

Как всегда показал высочайший уровень пианист Юрий Розум.

Для писателя Светланы Савицкой этот год также является юбилейным. Даже в праздничный день она продолжала работать, не случайно оказавшись за одним столом с супругой

Юрия Гагарина и другими женами-вдовами космонавтов по их настоятельному приглашению.

- Книга получается потрясающая! Тонкий юмор, удивительный мягкий лиризм, где-то трагичность и где-то мистика – все это лаконично и точно подала Светлана! – отметила на встрече супруга космонавта Шонина Галина.

- Объясните, Светочка, как? В чем секрет внутреннего света? – удивлялась легендарная летчица, супруга космонавта Поповича Марина.

Кроме книги «Байки космонавтов», работа над которой практически завершена, в Харькове летом выходит двадцатитомник избранных произведений писателя, куда войдут романы, повести, рассказы, и другие произведения.

Также разными издательствами подготовлены к печати 12 книг с зеркальным переводом: Калькутта-Москва, Берлин-Москва, Мадрид-Москва, Брюссель-Москва, Харьков-Москва, Братислава-Москва, Ереван-Москва, Казань-

Москва, Белград-Москва, София-Москва, Монреаль-Москва, Венеция-Москва. Открыт юбилейный, двадцатый музей творчества писателя, на этот раз в Центральной Научной универсальной библиотеке г. Москвы им. Н.А. Некрасова.

По всем музейным точкам в течение года планируются встречи и авторские вечера.

Союз писателей России, МТОДА, оргкомитет «Золотого Пера Руси», правление ООО «Трудовая доблесть России», Редакция Медийной группы «ИНТЕЛЛИГЕНТ», друзья и соратники поздравляют с юбилеем автора Светлану Васильевну Савицкую красочным развернутым буклетом <http://www.brayland.com/zhurnaly/Svetlana-Savitskaya/index.html>, изданном в марте этого года не только в программе RAR, но и на бумажном носителе, при поддержке Юрия Бусова.

Мы желаем автору и дальше радовать читателей, и конечно не только творческих успехов, а большого личного счастья!

Сергей ПАШКОВ

Фото генерала авиации Бориса ЖИХАРЕВА



Иосиф Кобзон



Валентина Гагарина - Жена Юрия Гагарина

Светлана Савицкая

Марина Попович

Театр / Кино / Музыка

Ольга Грушевская

В ПАМЯТЬ ОБ «АТЛАНТАХ»

Материал предоставлен Московским Салоном Литераторов
В тексте использованы фотографии из личного архива О. Грушевской

**Зиновия Маркина** (1906–1993)

Актриса, киносценарист, член Союза писателей и Союза кинематографистов СССР.

Родилась 14 ноября 1906 г. в Ленинградской обл. (п. Колпино). В 1918–25 гг. жила в Воронеже, была знакома с Андреем Платоновым и его окружением. Выступала на сцене Театра Вольных мастеров. В 1922–24 гг. училась на правовом отделении ф-та общественных наук ВГУ. Позднее, в 1931 г., окончила сценарный факультет ГИКа. Автор сценариев множества фильмов. Работала с Михаилом Витухновским, Сергеем Герасимовым и др.

Лит.: Сценаристы советского художественного кино. 1917–1967: Справочник. М., 1972; ПМ; Ласунский (7); ГАВО.ф.Р-33. оп. 3.д.10458

По сценариям Зиновии Маркиной сняты художественные фильмы:

Последний табор, 1935, (совм. С. М. Витухновским), реж. Е. Шнейдер, М. Гольдблат;

Комсомольск, 1937, (совм. с М. Витухновским, С. Герасимовым), реж. С. Герасимов. Сценарий фильма был опубликован в журнале «Искусство кино», №11, 1936 г.;

Дурсун, 1940 г., (совм. с М. Витухновским), реж. Е. Иванов-Барков, текст песен: Михаил Светлов. Сталинская премия II степени (1941);

Освобожденная земля, 1946, реж. А. Медведкин.

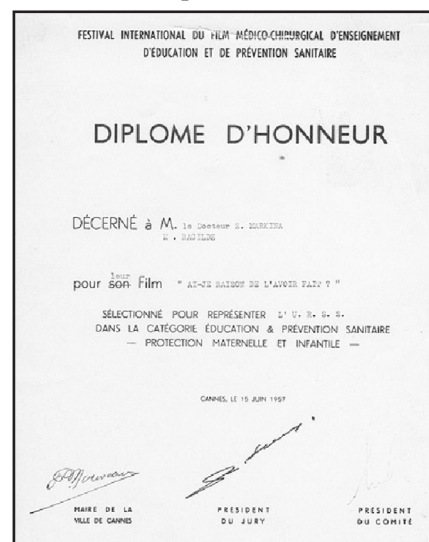
После 1948 г. работала в кино-документалистике.

На съемках фильма к/ф «Комсомольск», 1937 г., Зиновия на площадке



Фильм «Зачем я это сделала?» был отмечен на фестивале документального кино в Каннах в 1957 г. – За лучший сценарий по теме «Защита материнства и детства»

Почетный диплом Каннского фестиваля 1957 г. на имя Доктора кинематографии Зиновии Маркиной



Я пишу о своей бабушке, Зиновии Семеновне Маркиной, - о той, какой ее знала я и какой она осталась для меня по сей день.

Зина (так я ее называла) была человеком удивительным и незаурядным. Может быть, когда-то таких людей было много, и все они были «обычными», как, например, красавцы атланты – жители Атлантиды, истории о которых сохранились лишь в легендах и сказках. Не знаю. Но сейчас таких людей мало, если не сказать – «они исчезли как Динозавры».

Это было монументальное поколение харизматичных и одаренных интеллигентов – поколение Александра и Орловой, Леонида Утесова, Виктора Гусева, Юрия Милютин, Лебедева-Кумача, Игоря Ильинского, Сергея Довженко, Сергея Герасимова и Тамары Макаровой, Ляли Чёрной, Сергея Михалкова, семьи Кончаловских....



*Ялта, съемочная группа, 1928 г.,
Зиновия справа, в темном платье*

Можно долго перечислять известные имена - имена, которые в моем далеком детстве не очень-то много для меня и значили, но были на слуху и где-то рядом, и то, что эти великие старики говорили и делали, было мне - несмышленому ребенку - понятно.

Это было средой моего детского обитания.

В этих могучих людях всего было много: любви, таланта, иронии, мудрости и культуры.



*Выступление Леонида Утесова
на Красной Площади, 1937 г.*



*К/ф «Веселые ребята»,
Зиновия, пробы*

И в нашей Зине всего было много и это «много» фонтанировало ежеминутно. Женщиной она была яркой и эмоциональной. Драматургом - талантливым и самобытным. Другом - незаменимым и преданным. Хозяйкой - самой радушной и хлебосольной. Рассказчицей - виртуозной и ироничной. Домоправительницей - строгой и жесткой.

Она могла рассориться в одночасье, сказав «все, что она думает», но, вскоре забыв и простив обиды, помириться и покаяться.

Родилась она 14 ноября 1906 г. в городе Колпино под Санкт-Петербургом, затем родители переехали в Финляндию, позже - в Москву, где Зиновия пошла в гимназию, а позже, студенткой, закончила в 1931 г. самый первый выпуск ВГИКа - сценарный факультет.

В 2013 году ей будет 107 лет...

Это немыслимо!

Жизнь у Зинаиды была бурная. Жила она сразу на два города. В Москве - друзья и работа, в Ленинграде - дядя Саша Разумовский: любимый муж и преданный друг (Александр Владимирович Разумовский, писатель, сценарист, по происхождению - из известного рода графов Разумовских).

Думаю, Зина была бы современной и сегодня, легко вписавшись в этот жесткий и стремительный город. Она ставила цели и легко их достигала - с улыбкой.

Дни ее были насыщены до предела: вот кому в то далекое время требовались компьютер с Интернетом и мобильный телефон! По ночам беспрерывно стучала пишущая машинка - повсюду были разбросаны напечатанные страницы будущих сценариев. Днем по телефону без остановки обсуждались киношные дела: актерский состав и съемочный план.

Дом всегда был полон людей, никому отказа не было: во Внуково жили «изгнанники» и непонятые гении, в московской квартире принимали столичных и заезжих кинематографистов, родственников и соседей. Да и сама могла привести кучу друзей.

Порой, за столом оказывались даже те, кто не был лично знаком с хозяйкой. Но душевного и домашнего тепла у хозяйки Зины хватало на всех. Иногда, накормив, обогрев, она внезапно прерывала громкую беседу и уточняла: «А кто тот человек, что сидит рядом с Н.? Какой милый, не так ли?!».

Зина кормила всех домашними пельменями и пирожками, а к чаю подавала внуковское смородиновое



Зиновия Маркина, 14 лет



На съемках, рабочий кадр

варенье. Всегда помогала деньгами нуждающимся и давала транзитный приют диссидентствующим. Вечно шурачили и хрюкали в ее кабинете «Голос Америки» и «Радио Свобода».

Зина была центром Вселенной!

Но еще Зина была и бабушкой. Очень часто, бросив всех и вся, ранним зимним утром она приезжала по темноте с Внуковской дачи. Приезжала «на перекладных», на метро «Речной вокзал», чтобы отпустить моих молодых родителей на работу, а самой остаться сидеть с «опять заболевшей Олечкой». В широкой шубе, в пуховом платке, грузная, морозная, шумная она появлялась в нашей маленькой квартирке, где сразу от ее присутствия становилось громко и тесно. Она принималась категорично лечить, читать книги и кормить куриным бульоном с фрикадельками - меня и всех моих игрушечных друзей. Она бесконечно рассказывала мне свои собственные сказки, которых было всего пять и которые я, естественно, знала наизусть, но любила слушать опять и опять — в них каждый раз появлялось что-то новое и неожиданное.



Зиновия, кинопробы, 1929 г.

«Оля-ля, О-ля-ля! — запели котят, щенята и папа Костя с мамой Ирой, когда они однажды нашли в лесном дупле крохотную девочку, — рассказывала Зина, заливая в меня очередную ложку супа, — вот поэтому все и решили назвать эту девочку Оля-ля — О-Л-Я! Так ты стала Олей».

Зина была моим самым сокровенным другом! Ей можно было рассказать все — она все понимала. Была демократичной, ироничной и мудрой. Никогда не осуждала, не корила. А еще... она знала, что такое страстная любовь. И я, юная барышня, полная иллюзий, с замиранием сердца слушала ее удивительные истории.



После съемок «Последнего табора», Зиновия в центре — ей дарят цветы

Когда-то, по ее словам, она была влюблена в цыганского барона. А случилось это так: она приехала в табор, поскольку писала сценарий к будущему культовому фильму «Последний табор», и должна была провести с цыганами около месяца, чтобы понять и передать колорит их жизни! Там же она и влюбилась в красавца Барона. Чего только она не делала, чтобы завладеть его сердцем! Но он не отвечал ей взаимностью и оставался верен жене. В отчаянии Зина все бросила и уехала, и даже отказалась работать над фильмом. Госзаказ чуть не сорвался...

Но все-таки... сценарий был написан, фильм снят, а главную женскую роль исполнила Ляля Черная, которая навсегда с тех пор осталась доброй подружкой Зины.

Зина всегда была по-детски любопытной и задавала кучу вопросов, сохраняя до конца жизни искренний интерес ко всему новому. Она много читала — в доме были издания всех выходивших тогда литературных журналов; следила за новостями, умела внимательно выслушать собеседника и отличить причину от следствия.

Она хорошо знала современную для тех времен моду и, что было совершенно удивительно, могла говорить на любую тему, близкую для нас — молодежи. Первые мои в жизни джинсы, Levi's, вещь особой гордости, были куплены мне именно бабушкой у какой-то знакомой Марго — «спекулянтки» из Польши. Помню, как между делом, бросила она через



К/ф «Последний табор», 1935 г., Ляля Черная

плечо «Не выдавай меня, не говори маме, сколько они стоят», – когда я с замиранием сердца крутилась в обновке перед зеркалом.

Зина, как и все старшее поколение, многое повидала и пережила. За спиной были тяжелейшие годы войны – эвакуация, голод, смерть близких. Как активистка творческих Союзов и как человек широкой души, она помогала всем, кто нуждался в помощи – помогала продуктами, деньгами, связями, добрым словом. Ее дом был приютом для многих.

Она умела терпеть и ждать, выработав в себе удивительное спокойствие и снисходительность ко всему негативному: завистникам, наговорщикам, глупцам.

Она видела мир в положительном свете, хотя внутри себя всегда имела два-три сценария развития ситуаций – недаром же она была драматургом.

Она была великим стратегом!

Но было и кое-что, чего она не любила: она терпеть не могла, когда кто-то опускал руки, хныкал, жаловался на жизнь и неудачи, старался сознательно вызвать к себе жалость или завидовал и был неискренним – тут она видела притворщика насквозь. А мне, когда я распускала «нюни» или обижалась на нее (она ведь была порой и «взрывной» бабушкой!), всегда говорила:



На даче во Внуково, 1977 г.

«А! Прекрати. Твои слезы мне дешево стоят!» – и махала рукой, и выходила из комнаты. Через минуту я, успокоившись, приходила к ней, и мы поделовому решали, что предпринять.



В своем кабинете в квартире на «Аэропорте», 1983 г.

Сегодня она по-прежнему с нами: я живу в ее квартире, дышу ее «воздухом», сижу в ее креслах, читаю письма Стейнбека, адресованные ей, и смотрю на ее такие разные лица с фотографий, развешенных по квартире.

Она приходит ко мне в снах: большая, тяжелая, идет с палкой и садится в холле в свое знаменитое кресло... Мне не страшно, хотя вид у нее внушительно-грозный. Она всегда приходит по делу и на минуточку: поддержать, когда на душе тяжело, или разделить мою радость. Иногда она что-то говорит, но, проснувшись, я никогда не помню ее слов и очень переживаю. Но потом... поступаю так, что все удастся, словно она вкладывает свои слова, сказанные мне во сне, в мои собственные мысли и действия.

Я люблю ее бесконечно и благодарна за все деяния.

Ее любит и мой, уже ставший взрослым, сын Александр, которому было только пять лет, когда она умерла. Но краткого общения с этой удивительной женщиной ему хватило, чтобы хранить в сердце особую сверкающую ярким огнем память. Я счастлива, что он застал ее – представительницу того грандиозного поколения «атлантов», которое безвозвратно кануло в наше культурное прошлое, и что она успела «озарить» его своим «атлантическим» светом.

Мы помним тебя, Зина, ты по-прежнему помогаешь нам жить.

ГОРЕНИЕ ДУШИ. БЛЕСК И НИЩЕТА ЭМИРА СЕРЬСКОГО

Екатерина Асмус. Интервью с режиссером Эмиром Кустурицей



Блистательный Эмир - цыган современного кинематографа. Человек, создавший мифическую кинострану на руинах собственной порушенной родины, подобно тому, как американский классик Уильям Фолкнер добавил в свое время на карту США несуществующий округ Йокнапатофа, населив его реальными людьми со всеми проблемами, чувствами, мыслями развенчанного Юга. В красочном мире Эмира Кустурицы так же проживают реальные люди, погрязшие в пороках и грехах, но такие искренние в своих порывах, что невольно сопереживаешь им, вместо того, чтобы осудить.

Имея достойное базовое образование (Пражская Академия исполнительских искусств, давшая миру немало знаменитостей, в том числе Милоша Формана), Кустурица не утерял самобытности и фольклорности своего киностилия. Возможно, столь богатыми красками наделяет его творчество окружающий разноряд, впитанный с детства – борьба мусульманства и христиан-

ства, революция, коммунизм, мелкие мафии, неизменно расцветающие на переворотах, - все это как кусочки цветной мозаики вплелось в его детско-юношеский мир и превратилось в цветистое панно мастера-режиссера. Краски и музыка – первое, что замечаешь в любой картине Кустурицы прежде, чем увлечешься сюжетом.

Его картины, просмотренные неоднократно, уже настолько «родные», что узнаешь каждого персонажа, словно родственника. И вот, недавно мне довелось лично выслушать мнение любимого Мастера о перспективах современного кинопроизводства.

«Я наблюдаю, - говорит Кустурица - как мир современного российского кинематографа меняется и становится совершенно иным. Безусловно, он в корне отличается от кинематографа времен советской системы. Молодое российское кино находится как бы на развилке двух путей: коммерческого – по «голливудскому принципу» и авторского. Коммерциализация кинематографа по системе подобной Голливуду неизменно приведет к «откату» в систему цензуры. Иначе и быть не может, неважно, какая именно конъюнктура управляет творчеством – коммерческая или политическая! Так или иначе, там, где все решают деньги, сразу возникает опасность погружения в «заказное кино». Печально наблюдать, что современный российский кинематограф именно к этому и склоняется - и в выборе собственных проектов, и в выборе прокатных фильмов. Если бы хотя бы часть российских производителей решилось пойти по пути свободного, как я его называю «черного» кинематографа, это было бы намного интересней, потому что страна находится в ярчайшей фазе перелома строя, власти, системы! И этот факт мог бы дать много пищи для настоящего кино, поднимающего острые проблемы, отвечающего на острые социальные вопросы. Но это уже – андеграунд, и такое кино постоянно попадает под современную цензуру - коммерческую цензуру, которая, прежде всего ратует за количество продаж. То есть получается, что у таких проектов мало шансов быть профинансированными телеканалами, государственными структурами и, соответственно, быть показанными широкой публике. В современном мире деньги охотнее всего выделяются для проектов легкого жанра, тогда как серьезные проблемы, вызывающие боль всего общества, часто являются непопулярными у финансистов».

«Я поклонник ленинградской школы кинематографа, – говорит Эмир, – Герман, Овербах – это люди, которыми я восхищаюсь и с которыми нахожусь на одной волне. Я люблю и ценю их творения. Режиссеры и актеры часто конфликтуют и завидуют друг другу, но я открыто признаю превосходство Тарковского и Германа. Я многому научился у них и продолжаю учиться. Кстати метафорам в кино научил меня Довженко. Поэтому вдвойне печально наблюдать, что ваши молодые режиссеры копируют любой западный мусор, а не учатся у своих собственных мастеров. Вы не хотите использовать то богатство, которое у вас есть. Я смотрю на киноафиши в Москве и вижу парад глупых голливудских героев! И мне обидно: вы в рабстве штампов и денег. А ведь у вас есть масса профессионалов, которые могли бы снимать достойные фильмы. Страна находится на границе двух строев, и социальные изменения – отличный материал для создания нового героя и нового антигероя. Но пока остается только надеяться на то, что в России появится по-настоящему хорошее кино!»

Не будем забывать, что сам Эмир многократно и с успехом эксплуатировал (в наилучшем смысле этого слова) и тему переворотов («Жизнь как чудо»), и тему андеграунда или ухода от действительности в тяжелую пору (фильмы «Андеграунд», «Аризонская мечта»), и тему войны (фильмы «Кафе «Титаник», «Герника», «Папа в командировке»). Режиссер никогда не скрывал своих политической, религиозной и гражданской позиций, за что неоднократно подвергался нападкам собственного правительства. Однако он продолжал творить, несмотря ни на что, зачастую вкладывая свои деньги в проекты, дабы отстоять личные и творческие убеждения.

Кустурица поясняет: «Андеграунд в сербском кино привлек внимание мировой общественности, потому что идеи этих проектов несли людям правду об их собственной жизни, а соответственно – и право размышлять над свободой выбора. Это не новое течение – это процесс, неизменно сопровождающий любую мировую катастрофу, войну, перемены во властных структурах. Вспомним, что после окончания Второй Мировой войны, неореализм как стиль кинематографа появился одновременно и в Италии, и во Франции, и в Чехии. Это был отклик на желание говорить правду и претворять в жизнь новые идеи. Сейчас кинематограф снова заперт в рамки цензуры, которые меняют восприятие эстетики. Раньше мы смотрели и восхищались Рубенсом и Да Винчи, а теперь каждый может снять кино на свой телефон. Это и есть настоящая чернуха. Потому что это не несет ни идеи, ни смысла, ни эстетики. Стираются грани между дилетантством, «хоум видео» и профессиональным кино! Русский кинематограф, к сожалению, как раз сейчас такой, не профессиональный. И это при том, что техническое оснащение самое что ни на есть новейшее! Но технологии должны быть на службе у идей, а не наоборот. А именно идеи-то и отсутствуют! Хорошие камеры на площадке – это еще не факт хорошего кино. Кинематограф должен развивать свои идеи, культуру и эстетику. Диктат олигархий и общества потребления убивает экзистенциализм, позицию и ум режиссера. Ин-

теллектуальное кино не находит места на экранах. К счастью, существуют несколько фестивалей авторского кино, которые дают возможность «умному кино» найти своего зрителя. Но это же ничтожно мало!»

Ни для кого не секрет, что не один уж год тянутся удивленные беседы типа: «А где же вообще хорошие режиссеры (артисты, сценарии, фильмы)? А куда же все подевалось?» Конечно часть накопленного ранее мастерства, потенциала, навыков уже исчезла без следа, но это не значит, что не может появиться новое. Дайте же дорогу!!! Студент заканчивает институт, снимает «за свои» дипломную работу и... прочно повисает в виде резюме где-то на просторах интернета или в лучшем случае – в виде картонной учетной карточки на какой-нибудь киностудии. И это неизбежно. Количество проектов, финансирующихся нынче, намного меньше, чем в «застойные» времена, когда правительство СССР не решалось игнорировать формулу Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» (благоразумно умолчав о цирке). Что же остается молодежи? По совету Кустурицы идти напролом, посвятив всю свою жизнь чистому искусству. До конца. До последней капли крови. Ох, задача эта не для слабаков! Сам Эмир именно так и делает. Берет свои собственные средства, покупает технику и снимает!

Кустурица рассказывает об этом: «Я не снимал ничего в течение четырех лет! Я не хочу быть служащим при олигархах, неважно из каких они стран. Я ждал, когда цифровая камера «Аррифлекс» достигнет наилучшего качества для съемки фильма, чтобы приобрести нужную модель и снимать самостоятельно свой новый проект «Любовь и война». Я – левосторонний антиимпериалист. Хотя слово «левый» в наше время претерпело смысловое искажение, но для меня остается непреложным фактом, что империалисты – это люди, пытающиеся подчинить себе весь мир. Но каждый художник может воплотить свою идею независимо от правительства. Самое сложное на сегодняшний день – это привлечь внимание людей и финансистов к глобальным проблемам общества! Никто не хочет покидать уютный диван, где с телеэкрана транслируют дешевый сериал и слышится смех покойников, записанных на пленку в прошлом веке. В мире слишком много денег, но слишком мало чувств! Поэтому я сейчас стараюсь снимать малобюджетные фильмы, исключительно на свои средства, чтобы иметь возможность донести свою идею людям. Чтобы раскачать, их нарушить сонное существование. Потому что главное сейчас в мире – это человечность, которой нам всем катастрофически не хватает. Я очень люблю русскую культуру, у нас даже языковые основы одинаковы, но меня пугают постоянные страдания наших стран, это плохо для людей, хотя хорошо питает творчество. Но настоящий творец должен мечтать показывать свое кино на фестивалях, а не огребать кассу кинозалов, состряпав заказной проект! Я напутствую вас: будьте свободнее, не нужно зависеть ни от Голливуда, ни от других монополий. И не нужно пытаться войти в систему звезд, нужно донести до зрителя свои чувства, свою идею и свою личность!»

«...В себе бы это сохранить»



Герман Юкавский

Заслуженный артист России Герман Юкавский – яркое явление в современном музыкальном театре. У него голливудская внешность и славянский темперамент, редкостный по красоте тембра и силе звучания бас и блестящий актерский дар. На его счету более тридцати ведущих оперных партий в спектаклях Камерного музыкального театра им.Б.Покровского, роли в кино, множество сольных концертных программ. Он один из лучших на сегодняшний день исполнителей русских и цыганских романсов. Юкавского называют новым Шалепиным. И действительно, такое впечатление, что его голос, как и у его великого предшественника, звучит из какого-то непостижимого космоса...

– Откуда у вас музыкальные гены?

– Наверное, от деда, Германа Николаевича Юкавского. Я его, к сожалению, не застал – он умер задолго до моего рождения. Но мама и бабушка много рассказывали мне о нем, как о человеке, обладавшем множеством всяких талантов, и музыкальных, в том числе. В молодости он перепробовал несколько профессий. Служил фельдшером на заводе. Не имея музыкального образования, работал в ленинградской оперетте, аккомпаниатором, тапером в кинотеатре «Колизей», подбирал и играл популярные мелодии по слуху, прекрасно пел, увлекался авиацией, морем, живописью. Затем с блеском окончил медицинскую академию, стал военным врачом. Всю блокаду проработал в военном госпитале, где и познакомился, кстати, с моей бабушкой, тоже врачом. В послевоенные годы оставил медицину, заведовал домом культуры. Обладал яркой внешностью. Курил трубку. Был душой любой компании, где бы он ни увидел пианино или гитару, сразу же садился и начинал играть, петь. Сначала, не без давления моих родителей, меня повело по его стопам – я оказался в медицинском училище и почти его закончил. Но потом пение и гитара пересилили. Я поступил в Гнесинское училище и начал учиться совершенно другой профессии.

– Что вы знаете о своих корнях, ведь ваша фамилия очень редкая?

– Да, редкая. И долгое время для меня оставалось загадкой ее происхождение, но благодаря моей маме многое прояснилось. Мама у меня, доцент, кандидат философских наук, умнейшая женщина, интеллигент «до мозга костей». Когда она вышла на пенсию, увлеклась генеалогией и историей дворянства. Со свойственным ей вдохновением и методичностью, стала заниматься историей нашей семьи, посылала запросы в архивы и музеи. И выяснила, что род Юкавских восходит к Речи Посполитой. В источниках она нашла упоминание о Григории

Юхневиче Юкавском, которому в XVII веке польским королем Сигизмундом за ратные подвиги было даровано имение в Дорогобужском стане. С тех пор наши предки Юкавские, польские, а позднее, русские дворяне, занимали разные и довольно высокие должности в Смоленске, Вязьме, Петербурге, Москве.

– Так пан поляк?

– Из поляков. Наверное, из тех, кого Сусанин завел не туда, в лес, а они там и остались. Правда, с тех пор в нашем роду смешалось много кровей.

– У вас хорошие отношения с родителями?

– Да, неплохие. Наверное, время разногласий и юношеских противостояний уже закончилось. Отец уже умер. Он был юристом, служил в НИИ МВД на улице Воровского, теперь это Поварская. А с мамой – чем я становлюсь старше, тем лучше и добрее становятся наши отношения. Такая вот закономерность. В принципе, наверное, как у всех. А в детстве по-разному случалось. Я же очень непослушный был, беспокойный. Мама так просто говорит, что я был кошмарный ребенок. Все наперекор, все по-своему. Рогатки, гулянье, костры. Курить начал очень рано. От меня вечно какие-то были проблемы. То стекло разобью, то кого-то ударю, то что-нибудь сломаю. Мои увлечения приобретали порой немыслимые масштабы. Я увлекался, допустим, птицами и начинал ловить птиц. Легче всего было ловить их в заповеднике на Лосином острове. Или занимался химией, опытами, и все заканчивалось бомбами и взрывами. Все время шел какой-то перебор. Но по мере взросления начинаешь больше ценить и себя, и, соответственно, родителей.

– Какие черты вам достались от родителей?

– С мамой мы оба светловолосые, светлоглазые. Но внешне я больше похож на отца – сутуловатый, как он, фигура такая же, привычки, манера держаться. У него была совершенно уникальная память. И у меня, не скажу, что уникальная, но память очень хорошая, я быстро



все запоминаю и надолго. А от мамы перенял творческий подход к делу, живость восприятия, да еще, некое постоянное недовольство собой. Но для моей профессии это даже полезно. Иногда сомневаюсь — свое ли место занимаю? Но все же думается, что свое, судя и по реакции окружающих меня людей. Еще мне передалось увлечение родителей книгами. Они очень много читали. Искали раритетные издания. А купить хорошую книгу было непросто. Это сейчас все книжные магазины забиты любыми изданиями, а если вспомнить, как было раньше — магазин на Кузнецком мосту, зима, мороз двадцать пять градусов, очередь, талончик за заданную макулатуру на приобретение книг. В свое время я читал взахлеб. Днем гулял, а по ночам погружался в чтение, под одеялом, с фонариком. Все глаза себе испортил. Доходило до скандалов. Родители отбирали книги, проверяли подушку — не спрятан ли под ней фонарик. В метро постоянно читал. Мама просила, чтобы я взял учебник, а у меня Джеймс Кервуд какой-нибудь, «Бродяги Севера», ну, что там мальчишки обычно читали. Позднее, читал, конечно, и классику — Гоголь, Толстой, Чехов, Куприн. И поэзией увлекался — Маяковский, Заболоцкий, Пастернак, Серебряный век, Северянин, Мандельштам, Нарбут, Ходасевич. Очень уважаю я наш родной русский язык, его вкусность и образность, а в поэтах меня всегда восхищало умение подобрать рифму, точное слово.

— Кем вы хотели стать в детстве?

— О чем тогда мечтали пацаны? Стать летчиками, космонавтами или милиционерами! Конечно, я тоже через это прошел... Вообще я мечтал о разных вещах. Помню, когда мне было лет десять, хотел торговать сигаретами в ларьке. Мне очень нравился этот особый запах — не курения, не табачного дыма, а ларька, сигаретных пачек. Особенно когда болгарские сигареты привозили — у них такой сладковатый запах. Мне казалось, что это очень хорошая работа — сидеть и продавать сигареты мужикам. Им же не так, как сейчас — совсем немного нужно было для счастья. Кому рюмашку хлопнуть, кому газетку почитать, кому сигаретку выкурить. И шли на работу в свои конторы, на

заводы... Ну, что вы хотите — детские мечты, не торговал бы я ничем, конечно... Еще, из того, что помню — хотел стать ихтиологом. Всякой живностью увлекался, особенно подводной — рыбами, водорослями. У нас дома было два огромных аквариума. Часами сидел перед ними, наблюдал, кого-то пересаживал, вылавливал, откармливал, что-то записывал, книжки в библиотеке брал по океанологии, ихтиологии. Одно время мечтал о военно-морском флоте. Воображал себя моряком, в тельняшке, в брюках-клеш — романтика! Да много всего было... Но никогда, ни при каких обстоятельствах, ни в каких мечтах я не представлял себя артистом. Потому что для меня артист был таким небожителем, властителем умов и дум, он находился на такой недостижимой сказочной высоте, что надо было либо принадлежать к театральным кругам, либо обладать неслыханной смелостью, чтобы ступить на этот путь. Маме спасибо огромное, что она уговорила меня пойти прослушаться в Гнесинку. Поступление туда было настолько для меня неожиданным! Попал в другой мир. Помню — боялся, робел, сомневался ужасно! Но вскоре почувствовал вкус и интерес к этой профессии. Попались прекрасные педагоги, Ошеровский Матвей Абрамович, Федорова Галина Сергеевна, Маторин Владимир Анатольевич. И пошло-поехало... Не успел оглянуться, а уже — первые роли, а уже — в театре. Дело случая, наверное, или голос крови. Господь так распорядился.

— Вам удаются комические роли. А какой вы в жизни?

— Наверное, полная противоположность тем персонажам, которые я играю на сцене. Среди театральных ролей в силу особенностей голоса у меня преобладают всякие благородные отцы, разные прохиндеи-негодяи, «героические» старики. Мы же в опере. Ну, а в опере бас — это кто? Как правило, возрастные роли, комические, характерные. Есть среди них и полные дураки, и простодушные самодуры, и веселые алкоголики. Когда люди меня видят в первый раз после спектакля, они говорят: «Какой вы молоденький! А мы-то думали...». Я же с двадцати лет играю стариков. Кривляюсь и коми-

кую вовсю. Конечно, это накладывает свой отпечаток и на жизнь, и на образ мыслей и на поведение вне сцены. Но, надеюсь, что в жизни я совершенно другой. Наверное, более серьезный, занудный, скучный. В общем, другой. Хотя, вам виднее.

– **У вас много концертных программ, посвященных романсам. Чем они вам дороги?**

– В театре я играю, в основном, острохарактерных персонажей, они полны ярких преувеличенных недостатков или достоинств. Они у меня и злобные, и глупые, и смешные, я и сам над ними смеюсь, но, все равно, это гротеск, некая маска, некий обман – и зрителя, и себя тоже. Это же не я. Не хватает какой-то искренности, тонкости, чистой эмоции – вот я люблю, страдаю, что меня не любят. Чем она чище, тем, может быть, открытей. А романс – это искренность. Возможность показать потаенное и честное, что ли. В нескольких фразах – одна-две эмоции. Но это только мое. Я словно открыл дверку – вы заглянули туда, посмотрели, послушали, и вас это тоже коснулось. Мое переживание. Попереживайте со мной. Не хотите – ну, не надо. Вот я встретил девушку, она меня презирает, или младше она меня на двадцать лет, или живет на другом краю земли, и что мне делать? Не знаете? И я не знаю. А в романсе можно задать этот вопрос и ответить на него. Где же пережить эту боль, этот восторг, эту «лирическую страсть», как не в романсе? Ему нельзя придавать какое-то огромное значение, но и принижать его тоже нельзя. Романсы для меня – это часть жизни. Где я их только не пел! Пел на улице, на эстраде, во дворе, на слетах КСП (Клуба самодеятель-



ной песни). Помимо спанья в палатке, питья водки, курения и рассказывания анекдотов, мы, естественно, пели – Визбора, Окуджаву, Высоцкого, Розенбаума, Макаревича, свои авторские песни. А я решил выпендриться и петь «белогвардейские романсы»: «Господа офицеры», «Гори, гори, моя звезда», «Поручик Голицын» и т.п., при этом пел не дворовым сипатым голосом, а басил «под Штоколова». Смотрю, получается, слушают. Мне даже прозвище дали – Кадет, у всех, я помню, были какие-то прозвища. Вот так и пошли романсы. И гонорар свой первый получил за романсы. Меня, студента Гнесинского училища, как-то пригласили выступить. Я пришел с гитарой, спел и заработал деньги, причем неплохие. Был счастлив безмерно, потому что исполнял мои любимые романсы, получил такую массу удовольствия, а мне за это удовольствие еще и деньги заплатили!

– **Как вы отдыхаете? Как восстанавливаетесь после спектаклей, концертов?**

– Меня научили буквально по щелчку пальцев входить в творческое, приподнятое состояние, настраиваться на роль, «включаться». А вот выходить из этого состояния не учат ни в одном учебном заведении. Поэтому я не могу после спектакля, вернувшись домой, щелкнуть пальцами и заснуть в благодущии. Образы, фразы, переживания вертятся в голове. Спектакль продолжается еще несколько часов. Уверен, что любому творческому человеку знакомо это состояние. Хотя, все зависит от спектакля, конечно, от роли. Лучший отдых – это отвлечься, переключиться, на другую роль, например. Лучший способ восстановиться – это сон. А вообще отдыхать не умею. Говорят, что я трудоголик. Лежать на диване читать или смотреть телевизор не могу. Мне надо обязательно что-то делать, куда-то бежать или уж спать. Да и сон иногда бывает весьма далек от отдыха, потому что во сне подчас случаются такие навороты, что просыпаешься, как будто вагон дров разгрузил. Правда, в отпуске могу себе позволить неделю проваляться. Сначала буквально себя заставляешь, а потом привыкаешь и зависаешь в каком-то непонятном состоянии.

– **Любите ли вы природу?**

– Конечно, люблю. А кто же ее не любит? Лес люблю, реку, поле, море, скалы, камни. Но как редко удается во все это окунуться! Совсем нет времени. Никого в этом не виню, просто – мне некогда. Театр, роли, работа, распыляюсь на множество текстов, мыслей, идей и проектов. На природу сил не остается.

– **Вы общительный человек? У вас есть друзья?**

– Я бы не назвал себя общительным человеком. Но друзья, конечно, есть, и они сопровождают меня по жизни уже, наверное, не один десяток лет. Их немного, но они интересные, замечательные люди и очень добры и терпеливы ко мне. К сожалению, мы редко встречаемся, потому что работаем в совершенно разных сферах. Кроме того, со мной очень трудно совпасть по времени. Они все женаты, с детьми, с определенным взглядом на общение и на отдых, и среди них я чувствую себя немного «белой вороной». Не даю этому оценок, хорошо это или плохо, просто пока так складывается. Если бы было иначе, возможно, нашлось бы больше точек соприкосновения. Ну, допустим, они звонят: «Юкавский, бери своих, поехали на шашлыки». И Юкавский берет жену, детей, сажает в машину, заезжает в «Ашан», покупает мясо и едет со всеми на природу. Дети разбегаются по

своим делам, женщины режут овощи и делятся впечатлениями, мужчины с достоинством общаются на «нерабочие» темы. Такой вот стандарт отношений, в который я не помещаюсь, хотя бы потому, что мне пока некого посадить в свою машину. Конечно, я могу поддержать беседу за чашкой чая, но, все равно, потом сбиваюсь и отвлекаюсь на разговоры о театре, трудностях и прелестях профессии, а это, по большому счету, не всегда понятно и интересно.

– **Какие качества вы цените в мужчинах?**

– В первую очередь, цельность. Мужчина должен знать, что он хочет, и не разбрасываться. Ум. Юмор. Талант. Умение постоять за себя и не только за себя. Конечно, можно приобрести черный пояс или машину с охраной, но я не это имею в виду. Наверное, он должен быть хорошим отцом, которого любят дети. Еще, наверное, честность – и перед другими, и, в первую очередь, перед самим собой.

– **А в женщинах что вам нравится?**

– Я вообще женщин люблю... Женщины – удивительные создания!.. На самом деле, все это настолько индивидуально, интуитивно и обусловлено различными ситуациями, что описать идеальную женщину практически невозможно. Однозначного ответа на этот вопрос нет, наверное, ни у кого, не только у меня. Она мне нравится – или не нравится, а почему – не знаю. Не всегда можно это объяснить. Если в общих словах, в женщинах нравится нежность, тонкость, чувственность, конечно, и ум, и чувство юмора. Отталкивает – фальшь, неискренность. Меня трудно обмануть. Не скажу, что невозможно, но трудно. Мы же на сцене все время «врем», поэтому во лжи-то разбираемся, по сравнению с нормальными людьми.

– **У вас подтянутая фигура. Как вы относитесь к спорту?**

– Прекрасно! В детстве все мы увлекались физкультурой, бегали, плавали, с гантелями упражнялись. Я к тому же занимался современным пятиборьем, имел разряды по плаванию и по стрельбе. Серьезно этим занимался лет, наверное, до семнадцати, а потом бросил – не до этого было. Сейчас по утрам не бегаю, не плаваю и зарядкой не занимаюсь, хотя, нет, вру, иногда случается. Взбодриться помогает чашка кофе. Театр – мой спорт. За иной спектакль теряю по два килограмма, вот и остаюсь подтянутым.

– **Чем вы увлекаетесь помимо театра?**

– Конечно, жизнь на театре не заканчивается. Увлекаюсь фотографией, в свободное время позволяю себе прогуляться с камерой, снимать. Птички, веточки, листочки. Делаю портреты близких, знакомых, говорят, что неплохо получается. Долгое время увлекался живописью, рисунком. К сожалению, сейчас, на это не хватает времени. Я постоянно чем-то увлечен – новым проектом, новой песней, новой идеей...

– **Если бы не карьера певца, кем бы вы стали?**

– Трудно сказать. Вспомните конец восьмидесятых – начало девяностых. Жилки коммерческой у меня нет. Никакого своего дела я бы, скорее всего, открыть не смог или куда-то мотаться за товаром и им же торговать. Работал бы себе на скорой помощи или в больнице, пел бы песни под гитару. В медицинский институт я бы поступать не стал, учиться дальше поленился бы. И постепенно, возможно, спился бы, как многие.

– **Вы творческий человек. Как вы ощущаете себя в современной жизни?**



– Я вырос в интеллигентной семье, и мне досталась эта, так называемая, рефлексия, нервозность, незащищенность. Иногда это хорошо, но по жизни, наверное, надо быть поциничней, жестче, попривыкшей. Излишний романтизм и «витание в эмпиреях» зачастую мешает. Человеку, воспитанному на определенных идеалах и устоях, на определенных книгах, фильмах, музыке, нынешний окружающий мир порой кажется грубоватым, в чем-то несправедливым. Меня очень печалит потеря престижа актерской профессии в обществе и уровень оплаты творческого, порой очень изматывающего и неблагодарного, труда. Какое может быть отношение к артисту, или к поэту, или к художнику, или к учителю, если у него зарплата меньше, чем у уборщицы в метро? Конечно, у нас особая миссия, неизмеримая деньгами, ведь мы сеем разумное, доброе, вечное, но хотелось бы, чтобы она соответственно и оценивалась. Ведь это, извините за пафос, Божественная миссия! И духовная, и нравственная, и воспитательная. Это же очень важно! О каком культурном возрождении России можно говорить? Ведь мы бьемся, стараемся, вертимся, как белки в колесе, пытаемся выживать всеми доступными способами. Уже речь не о том, чтобы кому-то что-то привить, кого-то воспитать, скажем, молодежь приучить к чтению или заставить слушать классику – самим бы живым остаться, в себе бы это сохранить. Самого бы себя заставить слушать Моцарта и Чайковского или перечитать любимые стихи после стояния в пробках, забот о хлебе насущном, среди всей этой чернухи, суеты и беготни...

Беседовала
Елена Ерофеева-Литвинская.

ВИРТУОЗЫ МОСКВЫ В ПРОВИНЦИИ

Мое стихотворение, о солдате-запевале, заканчивается так:

Я — христианин, и взял все от Него,
Чтоб Это мое, стало Игом его!

О чем это в стихотворении, где речь идет о том, как голос и песня одного солдата сплавивает, а вдохновение располагает воинов к высотам духа Славы и Доблести? В этой концовке речь идет о том, как господство над своими чувствами, талантами, страстями и прочими личностными качествами приводит к возможности свою волю передавать некой уже группе соратников. Тем самым как бы переходить от эгоцентризма к возможности располагать многих в едином порыве, направлять к общей цели или соединяться в гармоничном созвучии. Так и в 70-х годах прошлого века, у всемирно известного скрипача Владимира Спивакова зародилась мечта об «ансамбле ансамблей». В 1979 году со своими единомышленниками он создал коллектив под названием «Виртуозы Москвы». Его дирижёрской карьере предшествовала серьёзная работа. Маэстро проходил обучение дирижёрскому мастерству у знаменитого профессора Израиля Гусмана в России, а также у выдающихся дирижёров Лорина Маазеля и Леонарда Бернштейна — в США. Л. Бернштейн в конце обучения подарил Владимиру Спивакову свою дирижёрскую палочку, тем самым символически благословив его как начинающего, но многообещающего дирижёра.

Начинали занятия в подвальном помещении, в свободное от основной работы время. Перед тем, как в 1982 году оркестр получает официальное название «Государственный камерный оркестр Министерства культуры СССР «Виртуозы Москвы», он в основном гастролировал в провинциальных городах СССР. Когда с распадом СССР началось не только уничтожение науки, промышленности, сельского хозяйства, но и культуры, а страна переходила на сырьевое положение в мировом сообществе, многие таланты, в том числе и Владимир Спиваков с семьей покинул страну и переехал во Францию.

Сейчас, когда все же с большим трудом, но удалось собрать новую группу музыкантов «Виртуозы Москвы», география гастролей его все так же чрезвычайно широка. Она включает в себя регионы России, страны ближнего и дальнего зарубежья. Музыканты выступают в залах «Концертгебау» в Амстердаме, «Мюзикферрайн» в Вене, «Альберт Холл» в Лондоне, «Плейель» и «Театре Елисейских Полей» в Париже, «Карнеги-холл» и «Эвери Фишер-холл» в Нью-Йорке, «Сантори Холл» в Токио. Выступают они и в обычных концертных залах небольших провинциальных городков.

Как сейчас принимают «Виртуозов Москвы» в провинции, что советует Владимир тем, кто из провинции метит на серьёзный столичный и международный уровень, когда от личной воли следует переходить к управлению в общественном унисоне, читатель узнает из материала нашего журнала.

Учредитель Сергей Пашков



В воскресенье, 30 мая, в Деловом комплексе «МИР» г. Реутова прошел концерт классической музыки в исполнении Владимира Спивакова и камерного оркестра «Виртуозы Москвы». Музыкантов по праву можно назвать виртуозами. Их выступление, пожалуй, не идет в сравнение ни с каким другим. Блестящее исполнение вызвало неимоверный восторг у публики. Крики «браво!». Огромные букеты цветов. И... бесконечные аплодисменты.

Не знаю даже, на кого был похож во время выступления Владимир Теодорович: на бога или волшебника, держащего волшебную палочку, по мановению которой рождалось чудо, называемое музыкой. В любом случае, Владимир Спиваков - мастер, который умеет говорить с инструментом как никто другой, на особом языке звуков и чувств.

А ведь все начиналось так просто. Мама Владимира Теодоровича преподавала в музыкальной школе. Поэтому музыкальные произведения, конечно же, звучали в стенах родного дома. Что самое интересное - когда маленький Володя едва научился стоять,

он подпрыгивал в своей кровати, если мама играла польку, и раскачивался, когда мама играла вальс.

В семь лет мальчика отдали в музыкальную школу учиться по классу виолончели. Но этот инструмент оказался достаточно громоздким для начинающего музыканта, и он попросил что-нибудь полегче. Взамен получил скрипку. И вот уже 54 года они неразлучны. Первые три месяца обучения музыке не были успешными. Но однажды он услышал, как один из старшекласников играет «Размышление» Чайковского. Эта музыка настолько впечатлила юного музыканта, что, придя домой, он подобрал ее одним пальцем на одной струне.

Учитель на уроке от услышанного пришел в восторг. И похвалил талантливого ученика.

Через некоторое время состоялось первое выступление маленького Володи. Он развеселил зал тем, что, выйдя на сцену, положил скрипку на рояль и деловито подтянул штаны. Потом невозмутимо взял скрипку и сыграл «Мазурку» Бакланова.

Но это все было давно. Теперь Владимир Спиваков известен как выдающийся скрипач, главный дирижер Российского национального симфонического оркестра, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, народный артист Российской Федерации, президент Московского международного дома музыки, создатель, художественный руководитель и дирижер камерного оркестра «Виртуозы Москвы», который вот уже 27 лет демонстрирует миру высочайший уровень музыкальной исполнительской культуры.

История «Виртуозов» начинается в далеком 1979 году, когда, собрав своих друзей и творческих единомышленников - лауреатов международных конкурсов, солистов и концертмейстеров лучших симфонических и камерных оркестров столицы, Владимир Спиваков принял решение о создании коллектива. Заданный с самого начала высочайший исполнительский уровень позволил оркестру доказать свое право на амбициозное название «Виртуозы Москвы».

На протяжении всех этих лет существования оркестра идет напряженная, но радостная творческая работа по созданию из совокупности музыкантов-виртуозов, каждый из которых - яркая индивидуальность, музыкального ансамбля мирового уровня, обладающего огромным - от Баха до Шнитке - репертуаром и собственным исполнительским стилем. С «Виртуозами» выступали такие выдающиеся музыканты, как Мстислав Ростропович, Юрий Башмет, квартет им. Бородина и другие.

Оркестр «Виртуозы Москвы» отличается от множества других камерных оркестров прежде всего истинно европейская культура ансамблевого исполнения, внимание к мельчайшим деталям и нюансам, бережная, неформальная активно-сотворческая позиция по

отношению к авторскому замыслу, яркий артистизм и любовь как к исполняемым произведениям, так и к пришедшей на концерт публике. Оркестру чужд эстетический эскапизм и снобистское отношение к слушателю, который мог оказаться на концерте случайно. Одной из своих важнейших задач «Виртуозы Москвы» всегда считали задачу эмоционально взволновать и интеллектуально увлечь любого, пусть даже неподготовленного человека, подарить ему радость общения с музыкальными шедеврами, возбудить в нем желание еще раз прийти на концерт. Своеобразное просветительство, приобщение к лучшим образцам камерной музыки нескольких поколений молодежи и многочисленных неофитов, являются, по мнению многих, главным, никем не превзойденным результатом активной творческой деятельности прославленного коллектива.

За 20 с лишним лет работы Владимир Спиваков и «Виртуозы Москвы» объездили с гастролью почти всю Европу, США и Японию. Принимали участие в бесчисленном количестве международных фестивалей. Но всегда музыкантов тянуло на родину, в Россию.

Музыканты приехали в Реутов прямо с гастролей, очень уставшими. Но на выступлении это никак не отразилось. Они еще раз доказали, что вправе называть себя Виртуозами.

По завершении концерта зал встал и аплодировал стоя. Никак не хотел отпускать музыкантов. «Браво, браво!» - выкрикивали то там, то тут. Никто не хотел расходиться. «На посошок!» - не выдержал мужчина из зала. Все засмеялись. Это создало необыкновенно добрую и веселую атмосферу в зале.

После выступления музыканты очень быстро собрались, они торопились на фестиваль. (Такая у них жизнь - в разъездах, гастролях.) Мне не удалось взять большое интервью у маэстро. Но я выследила его на выходе из Дворца культуры и, пока Владимир Теодорович шел к своей машине, смогла задать ему пару вопросов.

* * *

- Владимир Теодорович, как вам наша публика?

- Очень понравилась. Поклонники выразили свой восторг уходящему маэстро аплодисментами.

- Что вы можете посоветовать молодым начинающим музыкантам?

- Не лениться - самое главное. (Смеется.)

- Как вы считаете, вы скорее всего волшебник, у которого есть волшебная палочка, или... или ученик?..

- Ученик. Учиться надо всю жизнь!

Татьяна ИЛЮХИНА
Фото Алексея Оводова

Виталий Самошко в Генте

Лауреат первой премии Конкурса королевы Елизаветы 1999 года пианист Виталий Самошко дал сольный концерт в зале консерватории Гента. Он исполнил «Арабески» и «Крейслериану» Шумана в первом отделении, сонаты и этюды Скрябина — во втором.



Программа была выстроена тонко и интересно и шла по нарастающей.

Пианист словно давал воочию убедиться не только в исторической логичности развития фортепианной музыки, играя Шумана, затем Скрябина (между ними по умолчанию подразумевая Шопена), но и в мощи развития собственного таланта интерпретатора.

Применительно к музыке термин «арабеска» был использован именно Шуманом, вероятно, позаимствовавшим его из балетной терминологии или напрямую из живописи и архитектуры. Как бы то ни было, именно этой пьесой было положено начало новому жанру для пьес с тонко сплетённой, прихотливо-кружевной музыкальной фактурой.

«Крейслериане» дал название безумный и романтический капельмейстер Крейслер, наполовину придуманный писателем Гофманом, наполовину списанный им с себя самого. Шуман был под большим впечатлением от фантастических книг Гофмана и обращался не раз к его персонажам.

Самошко выстроил удивительную линию от романтизма до символизма и даже экспрессионизма, если, конечно, Скрябина можно безоговорочно отнести к двум последним стилям. Исполнение музыки, выбранной пианистом, дало стереоскопический эффект: от эпохи музыкального искусства, которое новаторски отошло от строгих форм венской классики, но осталось всё же искусством некоей музыкальной симметрии, — до фантастической эры импульсивности, которой характеризуется музыка Скрябина.

Нечего и говорить, что разнообразие приёмов исполнителя вложило в эту стереоскопичность львиную долю убедительности. Самошко играл, словно постепенно разворачивая тонкую материю, вырастая в виртуозности и звучании от филигранных деталей «Арабесок» до мощных, исполински полыхающих во всё небо «Состояний души», написанных Скрябиным.

Пианисту удалось ярко показать широкий диапазон двух полярных творцов, интраверта и экстраверта, позволив слушателям не заметить ни малейшего шва в столкновении и противоположности двух столь различных музыкальных гениев.

Техничности и музыкальной интуиции Самошко не занимать, исполнение им музыкальной программы напомнило сжатую пружину, которой он позволил постепенно разворачиваться в поступательном движении, не позволяя ни произвольно замедлять обороты, ни неоправданно «выстреливать». И бурная стихия и взволнованная речь «Крейслерианы», и последующие захлебы многослойной полифоничности скрябинских сонат и этюдов были сыграны им с выверенностью и сосредоточенностью мастера — и эмоциональностью тонкого художника.

После полной программы пианист щедро играл на бис и исполнил ещё этюды Рахманинова и Листа.

Публика была идеальной, собрались стар и млад, что очень порадовало, внимала солисту благоговейно и благодарила за концерт, единодушно поднявшись с мест.

Майя ШВАРЦМАН

источник: Belcanto.ru

Автор фото — Frederique Debras

«Смерть Клеопатры» во Фландрии

На концерте Кристиан Стотейн



Человеческий голос, по-моему, – самый природный из всех музыкальных инструментов, когда не надо никаких приспособлений и орудий, чтобы излить свою душу: ни прихотливо обработанного дерева, ни металла, ни камней, ни полых дудок, ни колокольчиков. Самую великую музыку человек носит в себе, и она появляется на свет из его связок и лёгких, из воздуха в гортани и дыхания – что может быть естественнее?

Такое чувство – поющего естества и в то же время большого артистизма – вызвало у меня выступление нидерландской меццо-сопрано Кристиан Стотейн, исполнившей «Смерть Клеопатры» Берлиоза в сопровождении симфонического оркестра Фландрии (дирижер Сейкио Ким).

Лирическая сцена, написанная Берлиозом, не делится на части и включает в себя переходящие друг в друга контрастные фрагменты пения и речитативы

от почти что мелодекламации до потрясающих фор-тиссимо.

От первой до последней ноты Кристиан Стотейн ведёт единую непрерывную линию, выстраивает экспозицию, выстраивает кульминацию, повергает слушателей в безбрежное Largo в Meditation и приводит к трагическому финалу. Такого поразительного проникновения в замысел, буквально срастания с ним, и столь блистательного его сценического воплощения мне давно не приходилось слышать. У Кристиан Стотейн нет ничего в помине от дежурной оперной «страстности», она настолько вся ежесекундно вкладывается в каждую букву текста и в каждый звук своей партии, что, кажется, у неё музыкой и чувствами пронизаны не только ноты, но и паузы между ними. Всё в её голосе дышит и живёт переполняющими эмоциями. Технически всё спето и выверено безупречно, пение этой певицы находится на



таком уровне, когда в нём не слышно труда, а это и есть высочайшее мастерство – преподнести слушателю вокал такой естественности и чистоты.

Востоку (самому глубоко равнодушному к Западу) необъяснимо и странно повезло в том интересе, какой проявляла к нему классическая европейская культура. Сколько этих Клеопатр и Дидон разошлось по картинным галереям всех веков, сколько опер и симфонической музыки затронуло восточную тематику с её сералями и гаремами, пряной духовой востока и страстями Семирамид и Синдбадов-Мореходов, сколько драм и трагедий прогремело на театральных подмостках. Вряд ли историческая Клеопатра имела хоть что-то отдалённо общее с той французской музыкой, в которую облек её Берлиоз, но в том-то и волшебство: певица исполняет лирическую сцену так, что перед слушателем возникает словно воочию страстный, порывистый, кипучий характер легендарной царицы Египта, не поверить которому – невозможно.

Это настоящий моноспектакль, ничуть не менее захватывающий, чем «Человеческий голос» Пуленка.

Стоит отметить прекрасные внешние данные певицы, ведь визуальная часть при таком богатом пении немаловажна. После симфонического начала концерта, оркестровой «Смерти Изольды» Вагнера, которое само по себе уже подготавливает атмосферу кипучих страстей, на сцене появляется высокая статная женщина с удивительной красоты рыже-золотыми кудрями ниже пояса – просто ожившая «Саския» Рембрандта – и завораживает зал и своей неординарной внешностью и своим голосом.

Но главный сюрприз ожидал меня после концер-

та, когда я, не выдержав, подошла к ней с поздравлениями и благодарностью.

Оказалось, что Кристиан говорит по-русски и регулярно ходит на уроки русского языка. В ответ на моё изумление она объяснила, что много поёт по-русски, очень предана этой музыке и старается расширять свой русский репертуар как только возможно. Она поёт и романсы Чайковского, и «Песни и пляски смерти» Мусоргского, и цикл Шостаковича на стихи Марины Цветаевой. Уже по исполнению «Клеопатры» я поняла, что текст для певицы – не просто заученные фонемы, но, поверьте, сообщением о Цветаевой я была просто сражена. Ведь это сложные конструкции с перебивками ритмов, знаменитыми говорящими цветаевскими тире, с анжамбеманами, с раскалённой сконцентрированностью звука и смысла, понять которые и русскому-то не каждому удаётся! Но тут Кристиан воскликнула: «Марина Цветаева – мой любимый поэт, я люблю её куда больше Ахматовой», чем покорила меня окончательно. Голландская певица, читающая в подлиннике Цветаеву и Ахматову, чтобы полноценнее воплотить слово в музыку – согласитесь, такое встречается не каждый день.

Если кому-то доведётся прочесть имя Кристиан Стотейн на афише – не пропустите этого концерта, даже при нашей избалованности хорошими записями и прекрасными исполнителями, она – явление яркое и неординарное.

Майя ШВАРЦМАН
источник: Belcanto.ru



Ночь без царицы



Рождественские каникулы богаты представлениями для детей. Рождество — праздник светлый, тем более, что находится между приходом Святого Николая (6 декабря в католических странах) и Новым годом, и весь месяц проходит в приподнятой атмосфере.

Еще в сентябре я запаслась билетами на детский вариант «Волшебной флейты» и 24 декабря отправилась с восьмилетней дочерью в Оперу Фландрии в Генте.

Шесть лет назад тот же театр уже давал адаптированный для детей спектакль, но дочь была двухлетней и, вероятно, мало что запомнила, хотя вела себя образцово, внимая музыке. Я ожидала, если и не повтора того прекрасного представления, то просто нового взгляда на запутанную историю поиска принцессы — с гарантированно прекрасной музыкой. Как же жестоко я ошиблась, в том числе и в музыке.

На афише значилось, что музыка предлагаемого спектакля принадлежит перу Вольфганга Моцарта и Яна Ван Утриве.

Моцарт присутствовал в минимальной дозе, а основной звуковой фон, на редкость мрачный и диссонантный, создал новый соавтор Моцарта.

Оркестр задействован не был, на сцене прямо рядом с артистами трудились аккордеонистка Анне Нипольд и флейтист Стефан Браковал. Моцарта исполняла... шарманка. Перфорированные карты аккуратно шли по кругу, душевно сипели трубки, и нам удалось прослушать арию Папагено в непрофессиональном напевании артиста Хайдера Аль Тимими, арию Царицы ночи в исполнении почему-то Памины (Хадевих Де Мейстер) и дуэт Папагено и Папагены, также перелицованный для

Памины и Тамино (дисканта Корнила Ван Несте).

Вся наша домашняя подготовка, кто есть кто, кто кого любит, кто кого разыскивает и что поёт, пропала втуне, за что спасибо режиссёру Гюсту Ван ден Берге.

Весь спектакль был таким депрессивным (это на Рождество-то!!!), что мрачнее и представить невозможно.



Краткий пересказ. Детский хор изображает стаю ворон во тьме. Царица ночи — Гритье Бейма — слепая женщина, которая вечно бродит во тьме, её водит за руку её дочь, Памина, пока её не ловит сачком Папагено и не похищает в личное пользование (она ему стирает рубашки и бельё). Папагено — блистательный драматический актёр, но абсолютно никакой певец — объясняет этот «киднеппинг» монологом, словно выдернутым из оперы «Паяцы»: о том, как несчастен лицедей, и как никто не может разглядеть живого сердца под костюмом птицелова. На вопли оставшейся без поводья Царицы ночи является мальчик Тамино, берет деревянный меч и освобождает Памину. Царица ночи прозревает, но её — вместо счастливого финала по образцу «Иоланты» — уводит в глубину сцены Папагено, где она вдруг окостеневает, застывает, воздев руки кверху, вообще морально и физически умирает, как ненужный персонаж, и вот этот-то кадавр Папагено и Памино с Таминой опутывают гирляндами и украшают игрушками.

Так «весело» заканчивается спектакль: из трупа матери, оказывается, можно сделать ёлку, и всё будет хорошо.

Наибольшее впечатление произвела певица, вернее, «голосовой мастер», как было обозначено в программе, Гритье Бейма. Как-то довелось мне много лет назад услышать тувинское горловое пение, а позже, в Германии, встретить женщину из советских эмигрантов, которая обучала желающих кричать как чайки. Группа была полна, и слушать записи их занятий было жутко.

Артистка походила на городскую сумасшедшую и на Белую королеву из «Алисы в стране чудес» одновременно. Кричала, голосила, переливалась обертонами и выла она, может быть, и очень искусно, но для притихших в зале детей, пришедших с папами и мамами на рождественский спектакль, это был вой собаки Баскервильей.



Голосовой мастер с необычной артикуляцией в глотке или гортани — да, конечно, но при чем тут Моцарт?

...Можно было бы произнести ещё много разнообразных слов, но лучше сразу перейти к финальной фразе.

Как я устала от этих мрачных и бесплодных экспериментов в опере!

Майя ШВАРЦМАН

источник: Belcanto.ru

Автор фото — Felix Kindermann

Рождественский рецепт от Россини



К счастью, второе детское представление, «Зимняя классика», увиденное на Рождественских каникулах, испустило впечатление от первого похода в оперу на «Царицу ночи».

Симфонический оркестр Фландрии по руководством Мишеля Тилкена, артисты Стивен Бирсманс и Тина Маревут и певцы Аня Ван Энгеланд и Оливер Бертен представили очаровательный концерт с музыкой Россини из «Севильского цирюльника».

Органичный, живой спектакль, решенный в стиле наилучших традиций детского утренника, с общением с публикой, приглашением детей на сцену, с переодеваниями, розыгрышами и умеренным дурачеством стал настоящим отдыхом и праздником на зимних каникулах.

По незамысловатому сюжету Фигаро и Розина — не те, за кого себя выдают: Фигаро притворяется графом Линдором; Розина, чтобы выяснить, кто же это на самом деле и проверить его истинные чувства, выдаёт себя за собственную служанку, и вся эта неразбериха к концу спектакля успешно распутывается ко всеобщему удовольствию.

Рассказ ведется быстро, весело и непринужденно, время от времени на подмогу драматическим артистам приходят певцы, а розданные всем при входе в зал программки с напечатанным текстом помогают всему залу (особенно усердствуют дети) азартно подпевать арии Берты, ставшей лейтмотивом представления. За час ребяты прослушивают увертюру и «Tempoale», арии Розины и Берты, каватину Фигаро и дуэт Розины и Фигаро — и не устаёт нисколько.

Стивен и Тина успевают в доступной форме сообщить некоторые сведения об опере вообще и о Россини в частности, дают возможность оценить искромётную музыку популярнейшего опуса итальянского композитора, вовлекают в действие дирижёра и оркестр и создают настоящую россиниевскую атмосферу.

Спектакль завершается несколько неожиданно.

На закуску оркестр играет «Tournedos Final», современное произведение бельгийского композитора Йориса Бланкарта, название которого, если постараться, можно перевести как «Финальная вырезка», где слово «вырезка» подразумевает не кусок газетной странички, но солидный говяжий антрекот, сочное филе. Подзаголовком опуса служат слова: «Рецепт для двух голосов и оркестра».

В довольно мозаично скроенном попури по мотивам «Севильского цирюльника» сопрано и баритон поют наперебой, закатывая глаза, названия излюбленных блюд Россини, бывшего, по слухам, изрядным поваром и гурманом. Этот разношёрстный и какой-то непричёсанный «десерт» звучит — на мой взгляд — совершенно чужеродно, как довольно необязательный бонус к уже состоявшемуся и вполне завершённому концерту.

Часть же публики, с которой мне удалось поговорить, нашла это добавочное блюдо вполне уместным, что еще раз доказывает: что в меню, что в музыке, всё является делом вкуса — во всех смыслах.

Майя ШВАРЦМАН
источник: Belcanto.ru



В небольшом немецком городе Вирсене состоялся концерт большого артиста Мориса Штегера. Честно говоря, даже неловко начинать рассказ об этом событии такими будничными словами. Штегер исполнил в сопровождении камерного оркестра и чембало два концерта для блокфлейты: Леонардо Лео и Георга Филиппа Телемана. Чтобы достойно передать словами впечатление, которое производит этот музыкант, нужно опустошить несколько словарей.

«Умопомрачительно», «прекрасно» — это всё не то...

Позволю себе несколько отвлечься и отойти от темы чуть в сторону, чтобы задуматься вот о чём.

Сейчас не только в оперных театрах, но и на строгих подмостках концертных залов происходит некоторый перекокс в сторону пресловутого «перформанса». То ли веяния времени, то ли такая духовная раскомплексованность начинают потихоньку идти рука об руку с классической музыкой.

Я не считаю себя таким уж академичным слушателем, и мне не обязательно, чтобы платье на исполнительнице Бетховена было глухим, причёска волосок к волоску, или чтобы солист стоял как вбитый в сцену гвоздь, не покачнувшись и не дрогнув лицом.

Но где-то проходит эта трудноуловимая грань между визуальным выражением искренней эмоциональности и началом шоу.

Самый первый пример, который почему-то приходит на ум, это скрипачка Патриция Копачинская, которая будучи, безусловно, ярким виртуозом, не довольствуется этим и приковывает внимание к своим выступлениям не только игрой на скрипке, но и поведенческой манерой — словно бы сиюминутно-спонтанной, но на самом деле жёстко просчитанной и запатентованной.

Выход на публику босиком (для лучшего контакта через голые стопы с кармой сцены), взвизгивания и прыжки, сальто и кульбиты — всё это стало неотъемлемой частью её выступлений, и смотрится всё это довольно свежо... пока свежа она сама.

Что она будет делать после сорока, пятидесяти и далее? Неужели всё так же играть на полусогнутых ногах, топтать пятками и рысью прыгать в сторону концертмейстера, якобы в запале чувств? Искусственное приедаётся публике довольно быстро, а вот исполнителю отказаться от вьёвшихся привычек — трудно.

ТРЕПЕТ КОЖИ МАРСИЯ

На концерте Мориса Штегера

Выступление Штегера, игравшего концерт Телемана на альтовой блокфлейте, а концерт Лео на блокфлейте-сопранино, произвело на меня феерическое впечатление. Он гнулся и струился вместе с музыкой как гимнаст, это было настоящее зрелище, он — безусловный шоумен, но шоумен — аутентичный.

На трели, приходящейся на фа-диез, он поднимал одно колено, помогая звуку... но это было прекрасно.

Это был дух Папагено и его ярчайшее воплощение; Птицелов из стихотворения Багрицкого. Зрелище это было настолько органичным, что трудно представить, что барокко можно исполнять по-другому, настолько это выглядело восхитительно. Его виртуозность не подлежит описанию словами.

Тут вспоминается всё, даже слова из книги Сельмы Лагерлёф «Путешествие Нильса с дикими гусями»: «Как одна палочка и девять дырочек могут спасти целый город». Писательница использовала легенду о Гамельнском крысолове, который в июне 1284 года увёл из города крыс, а затем и детей. Не знаю, отношусь я к тем или другим, но я за флейтой Штегера пошла бы без оглядки.

Один из самых наиприродных инструментов, блокфлейта, с минимальным вмешательством прогресса, не имеющая металлических клапанов и прочих ухищрений, буквально полая дудочка — творила чудеса, оживлённая пальцами и дыханием Штегера.

Когда он успевал брать дыхание — непонятно;

как мог так петь, щебетать и свистеть простой инструмент из самшитового или грушевого дерева — непостижимо. При природной холодной окраске тембра блокфлейты, всё это было сыграно в рамках стилистики барокко, но с высокой степенью чувственности самого солиста! И как он умудрился произвести из столь противоречивого сочетания исходных данных столь блистательный результат, для меня осталось загадкой.

Греческий миф повествует о том, как сатир Марсий, найдя флейту, брошенную Афиной, научился играть на ней и вызвал на состязание самого Аполлона, которому, разумеется, проиграл: греческие боги были ревнивы к единоличному успеху как многие нынешние президенты — или наоборот, если угодно. В наказание за заносчивость с Марсия содрали — с живого! — кожу и повесили её на дерево во Фригии у истоков реки Меандр.

По преданию кожа Марсия по сию пору шевелится как живая при звуках флейты.

Я прослушала концерт не дыша, замерев, стиснув руки, в полной уверенности: при игре Штегера на блокфлейте где-то далеко, в мифических Келенах, каждый раз приходит в трепет кожа Марсия

Майя ШВАРЦМАН
источник: *Belcanto.ru*

Три анти-оперы Чайковского в Бельгии

Бедная Бельгия, она тут совершенно ни при чём

По расхожему мнению считается, что загадочная русская душа – по крайней мере, по канонам представлений об эмигрантах вот уже почти столетней давности – ищет утешения в чём-то исконно русском, чего не понять никому другому: то впадает в предынфарктно-плаксивое состояние при виде придорожной берёзки, то находит отраду в пьяном распевании цыганских романсов. С берёзками и цыганщиной лично у меня, вот уже почти четверть века прожившей вдали от левитановских пейзажей, никаких недоразумений нет. А утешения, тоже неизвестно от какой тоски, поскольку и хандры у меня никакой нет, я ищу совсем в другом, независимо от времени и места моего проживания на планете: в музыке.

Поэтому, когда я узнала, что в опере Фландрии будут по одной в сезон поставлены три оперы Чайковского («Мазепа», «Евгений Онегин» и «Чародейка»), я загорелась энтузиазмом и решила обязательно выкроить время в своей собственной концертной деятельности и побывать на всех трёх спектаклях.

Лучше б я этого не делала – или отправилась к надёжным берёзкам.

В последней четверти двадцатого века как-то сама собой, как глобальное потепление, в опере установилась необъяснимо задержавшаяся в музыкальном климате традиция. В музыкально-драматическом спектакле главным стали не музыка, не композитор и не дирижёр, интерпретирующий произведение вместе с огромным коллективом музыкантов (оркестр, солисты и хор), а один-единственный диктатор – режиссёр.

Все три спектакля поставила одна и та же молодая женщина Татьяна Гурбача из Германии, которая теперь, очевидно, за все эти заслуги, стала оперным директором театра в Майнце. Родившаяся в Берлине – не последнем музыкальном месте на земле, – Т.Гурбача училась там же и дебютировала как постановщик с пуччиниевской «Турандот» в опере Граца.

Её послушной список включает множество громких названий, но я-то была заинтересована именно в любимых русских операх.

Наслушавшись и начитавшись о том, какое пренебрежение к нежным и трепетным шедеврам (а «Онегина» я могу характеризовать только так) выказывают российские режиссёры, в частности, печально известный Д.Черняков из Большого театра, я надеялась, что вдали от буйства вседозволенности на родной земле, дескать, наше – значит моё, что хочу, то и ворочу, молодая европейская режиссура даст свой взгляд на трактовку всемирно известных опер русского композитора. Что она, вероятно, сумеет отойти от рутины и показать что-то свежее и новое там, что мы воспринимаем как шаблонный «Отче наш» – настолько хорошо знаем...

Если в постановке «Мазепы» ещё можно было более-менее согласиться с современной интерпретацией событий и современным антуражем оперы о любви старого Мазепы к молодой Марии (с примесью политики), всё было замечательно, хотя по трактовке Т. Гурбача Полтавскую битву там выиграла в одиночку меццо, мать Марии.



Но «Онегин» и «Чародейка» повергли меня в ужас.

Я даже не знаю, с чего начать, настолько я была шокирована увиденным.

Начнем с технической стороны. Выучено было очень слабо. Оркестр не готов, сцена с ямой расходятся, особенно в первых сценах и хорах. Дирижёр Дмитрий Юровский, которого нынче в прессе принято хвалить во все колокола, показал себя не с лучшей стороны. Все было крайне сыро, лирические пассажи, передаваемые из группы в группу (а весь «Онегин» так написан!) дробились на куски; создалось впечатление, что оркестр даже не в курсе горизонтальных мелодий, не говоря о гармонических вертикалях и сыгранности. Фальши было полно, особенно у деревянных духовых. Темпы очень приблизительные: неожиданно бешено быстро звучал фа-мажорный экосез в предпоследней картине, так быстро, как я ещё не слыхала. Откуда это торнадо? Чем вызвано, чем продиктовано, чем оправдано? Он играет *vivo*, но не до такой же степени! или просто, чтобы быть «впереди планеты всей»? После этого взрыва всё возвращается в прежнее колышание.

Певцы были очень недурны, может, у мамыши Лариной (Mirelle Capelle) не особо красивый тембр, но Ольга и Татьяна (Katarina Bradic, Anna Leese) были хороши, просто заслушаешься. Онегин (Tommi Nakala) был не на высоте, – зато Ленский (Thorsten Buttner) прямо-таки прекрасен.

Просто очень трудно было отрешиться от того, что вынудила делать певцов режиссёр и воспринимать только их вокальную работу. Трике, например (Guy de Mey), – что тут скажешь? Зрелище шокирует настолько, что то, как он поёт, остаётся за кадром. Как будто сознание теряешь.

И вообще всё время хочется проснуться, очнуться, принять сердечные капли, понять, что всё привидевшееся было кошмарным сном.

Я-то пришла, приготовившись пролить три ведра слёз, потому что это ОНЕГИН. Потому что это Пушкин, Чайковский, русский язык, русская музыка, моя молодость и трепет от свидания с тем, что не разочарует заведомо никогда. Потому что персонажи эти, и стихотворные, и музыкальные, давно стали архетипами,

носителями определённых характеров, трафаретами – в идеальном смысле. Потому что это как строки о женщинах «холодных, чистых, как зима, непостижимых для ума»; даже эти две строчки из классического русского романа в стихах доводят меня до слёз: слёз узнавания, родства, любви и объяснения всей сложившейся жизни. Есть же литературные имена, которые не надо объяснять, потому что они стали символами: Жан Вальжан, д'Артаньян, Паганель, Холден Колфилд, Гумберт, Вертер – продолжать можно бесконечно.

Татьяна Ларина...

Я ожидала от «Онегина» какого-то современного прочтения, пусть и спорного, – но не настолько же ПОРНОГРАФИЧЕСКОГО!!!

Первая картина. Крепостные, одетые кое-как (вот как сейчас житель российской городской многоэтажки пошел бы в сумерках выбрасывать мусор), сидят на сцене и чистят ягоды, сбрасывая ненужное в пластиковые ведра. Ларина занята бизнесом: с возмущением пересчитывает недостачу банок варенья и сверяется с бумагами. Всё это на фоне воспоминаний юности! (Текст, кстати, всю оперу шел вразрез с тем, что происходило наяву. И это меня просто душило.) Итак: на лиричнейшей в мире волне двух молодых голосов и двух «старых», под перебор арфы и «Слыхали ль вы», «корсет, альбом, княжну Полину, стихов чувствительных тетрадь» – идёт подсчет производственной прибыли и раздаются подзатыльники дочерям. Ольга в сиреновой блузке и юбке, Татьяна в тренировочных штанах и растянутом свитере. Татьяна начинает производить свой жест, врученный ей режиссёром: она с недоумением смотрит на собственные руки, которые раздвигаются всё шире, словно у неё в объятиях распухает что-то невидимое. Она делает это несколько раз за спектакль: очевидно, показывает, что ей хочется чего-то большого, например, любви. Когда она делает это при Онегине, он, стоя сзади, старается ей руки опять свести. Что объясняет: если она и получит большую и светлую любовь, то не от него. Врываются – именно так! – крестьяне со своим хором «Болят мои скоры ноженьки со походухи» – и начинается маёвка, с разбрасыванием красных гвоздик, прокламаций и нападок на Ларину, как на Салтычиху. Главной претензией к ней становятся слова хора «болят мои белы рученьки со работухи». Лариной заламывают руки назад и надевают на шею доску, где один из крепостных (или сезонных рабочих?) пишет по-русски: КАПИТАЛИСТ!

Я, в темноте зала, хватаясь за горло, потому что не могу дышать: что это? Жить не могу. Уже не могу. А спектакль ещё весь впереди.

И кто кроме меня в зале может прочесть это по-русски и понять?

(Остаток реплики хора режиссёром не учитываются: «Не знаю, как быть, как любезную забыть», – потому что из этого никакой агитки не высосешь. Так и теряется втуне.)

Опять противоречие: Ларина отвечает – это вырвавшись-то из грубых рук насильников! – «что ж, и прекрасно, веселитесь, я рада вам!» И предлагает «пропеть что-нибудь повеселей»

Хор с ужимками ненависти и плевками продолжает: «Извольте, матушка! Потешим барыню!» , и следует «Уж как по мосту-мосточку» с прочими издевательствами. Попутно по сцене проходит отряд каких-то не то взрослых скаутов, разбирающихся с картой на местности и пересекающих усадьбу Лариных, не то десант кубинских партизан в красных беретах и камуфляжных штанах, с вещмешками. Пожалуй, это были наёмные работники, уходившие от Лариной. Я уж подумала, что этот берет, как «малиновый», достанется Татьяне в последнем

действии, но попала пальцем в небо: он приземлился на голову Ленского в сцене дуэли.

Кстати, Татьяна берёт и просматривает не романтическую книжицу, а именно перечень банок варенья из материнской папки: «Да как же, мама, повесть двух влюблённых, сердечных двух, меня волнует», а когда Ларина интересуется, что читает дочь, тут же выхватывает у неё свои же деловые бумаги, комкает всё, бросает на пол (весь спектакль без конца комкали и швыряли бумагу) и сообщает не в тему: «Полно, Таня, бывало, я, читая книги эти, волновалась». Волновалась от списков с калькуляцией банок варенья?

Когда уходят повстанцы-крепостные, являются Ленский с Онегиным, шуточно фехтуя сложенными газетами и, разумеется, доводя эту игру до мнимого убийства Ленского: «ба-бах!» Онегин выглядит как помесь Базарова с Паганелем: длинные патлы, очки, расхристанность в одежде, трехметровый верёвочнообразный шарф на шее и демонстративный пофигизм в поведении. Только лягушку из кармана достать, чтоб вышел тургеневский нигилист. Перво-наперво он распускает руки и ощупывает няню, а потом надувает белый шарик и со смехом выпускает его в лицо Татьяне, шарик пищит и сдувается. «Скажи, которая Татьяна?» – и он тут же начинает к ней недвусмысленно притираться сзади, в то время как она, бедная, раздвигает руки и поёт своё афористичное «Я дождалась, открылись очи». Видеть это было невыносимо! Повторяю: невыносимо.

Ленский преподносит Ольге коробочку конфет, и они уползают в кусты, откуда торчат их ноги в миссионерской позиции и вылетают предметы одежды.

Картина вторая. Письмо Татьяны. Татьяна на диване бесится, принимает немислимые позы, свидетельствуя то ли о наркотической ломке, то ли о надломе и неудовлетворённости разбуженной самки. Няня помогает ей снять свитер и носки и массирует ей подошвы. Пока поётся «письмо», появляются дети, изображающие уменьшенные копии взрослых: Ольга, Ленский и мамаша Ларина, которые приводят взрослого и вполне реального Онегина, устраивающегося в углу. Что делают прочие – непонятно. «Мать» лет 14-ти мрачно курит на диване, маленькие Ленский и Ольга слоняются вокруг, и все трое по очереди делают вид, что хотят цапнуть зубами Татьяну за руку. Татьяна отдёргивает один из занавесов в комнате, и зрителю предстаёт длинный стол с белой скатертью, за которым молча сидят в следующем порядке апокалиптические, выше человеческого роста, устрашающие животные: орёл, лев и вол. Между львом и волком сидит уменьшенная же Татьяна-девочка в подвенечном уборе. Идёт снег. (Можно всё увиденное трактовать и как русских ряженных, если считать, что после варки варенья вечером сразу наступила зима.)

Это «сон Татьяны», поэтому режиссёру можно всё. («Один в рогах с собачьей мордой, другой с петушьей головой».) Орёл не похож ни на что, лев смахивает на волка, а вол... просто козёл, как из «Кошкиного дома». Полюбовавшись, Татьяна задергивает занавес вновь. Но тут маленькие Ленский и Ольга вручают ей лук и стрелу, приказывая стрелять в Онегина в углу, видимо, потому, что они уже познали взаимную любовь и теперь, как эстафету, передают своё купидонство. Она стреляет незнамо куда, занавес в её комнате вновь раскрывается: теперь первые два зверя отсутствуют, а «где стол был яств, там гроб стоит», только без державинского князя Мещерского: на столе лежит маленькая мертвая невеста Татьяна со стрелой в груди, а рядом спокойно сидит козёл. («Моё! – сказал Евгений грозно».) Козёл-то и вручает Татьяне нож.

Большая Татьяна отрезает ножом себе хвост из волос, укладывает в коробочку от конфет Ленского, перевя-



«Евгений Онегин»

зывает белой ленточкой и отправляет Онегину. Это и есть в нынешней трактовке священное «Я вам пишу».

Картина третья, наступающая, как и все прочие, без предупреждения и перерыва — как insult. Врываются прямо в спальню разгневанные крестьянские тётки и под обворожительный хор «Девы-красавицы» ловят Татьяну, заматывают с головой в белую скатерть со стола, которая теперь символизирует белую брачную простыню, сбивают с ног и и безобразными шлепками забрасывают её красными кляксами пресловутого варенья, символизируя — угадайте, что. Гнусность этого зрелища описать просто невозможно. «Игры наши девичьи».

После этого я даже слабо помню, как прошла собственноручно отповедь Онегина «Вы мне писали» и потрясение отрезанными волосами. Коробочку с хвостом он вернул ей.

«О боже, как обидно... и как больно...» — это было именно то, что я чувствовала...

И сразу грянул бал! Перерыва на осень не было — хотя какая тут осень, если просто конец света. 25 января, Татьянин день, день женщин «холодных, чистых, как зима» — явил собою... оргию в русской бане. Воистину: «Вот так сюрприз, никак не ожидали!» — хор и солисты все пьяные, полуголые, в простынях, с венками, выпивкой, мерзостями, свальным грехом. Медведя только не было для полноты картины. Татьяна единственная была в платице и ботах. Трике, этот бедный француз, из породы иностранных гувернёров, не от хорошей жизни проводивших весь свой век в России, обучая дворянских детей, — как набоковская Мадемуазель, как сотни других, так и не узнавших ничего, кроме провинции русского поместья и чужих детей, всю жизнь хранивших обертки от швейцарского шоколада и картинки с изображением Шильонского узника в своих саквояжиках, — этот Трике явился в драбадан пьяным, в пиджаке на босу грудь, из кармана которого он рассыпал блёстки, и с клоунским красным носом. Такой же нос и дурацкий деньрожденный колпачок он нацепил и Татьяне (хотя это был не день её рождения, а именины!), и в пьяном угаре, совершенно порнографично действуя, устраивая соревнование, кто кого перепьёт, пропел свои куплеты. Ленский был в зелёном банном халате нараспашку, чресла прикрывало полосатое полотенце, Ольга — в простынке кое-как... вот так и случилась у Ленского ссора с Онегиным, прямо в бане. Присутствовали полунадутые белые шарики из первой картины, намекающие, что это, может быть, вовсе не такие уж и шарики. Вместо перчатки в знак вызова Ленский бросал Онегину его же галстук.

Тут был антракт.

Мне было стыдно выходить в фойе, в зал Люлли. Мне было тошно смотреть людям в глаза. Мне криком хотелось кричать, что это бесчестно, что вас всех обманули, что над нами надругались, что это не Пушкин, не

Чайковский, не Онегин, не Татьяна, что нас всех изнасиловали и аплодировать тут нечему, и трактовать нечего, и понимать нечего. И что от непереносимого стыда хочется застрелиться. Хотя лучше бы убить страшной смертью насильника, насильницу, ту, кто это с нами сделала. Ей повезло, честно говоря, что она не попала мне на глаза. У меня бывают моменты, когда я себя не помню, и могу сделать, что угодно. Не шучу.

Дуэль. Сцена уставлена солдатскими ботинками. Ленский в образе Че Гевары ждёт Онегина. Зарецкий (прекрасный баритон Милчо Боровинов), в десантной униформе, только без берета, курит поодаль и предотвращает самоубийство Ленского, когда он на свои рулады «благословен и день забот» порывается застрелиться из пистолета, как юнкер Шмидт. Этим нам дают понять, что Ленский вполне осознаёт себя лишним человеком и прямо грезит о смерти. Является Онегин с секундантом в виде маленького мальчика. Мальчик немедленно расстилает салфеточку, достаёт бутылку и предлагает выпить на природе, но Зарецкий (единственный жест, полностью совпавший с моим возмущением) выплескивает пойло на землю и вручает дуэлянтам пистолеты. Ленский опять приставляет пистолет к виску, но Зарецкий с Онегиным держат его за руки. Начинается потасовка, тогда поэт хватается за пистолет Онегина, приставляет себе ко лбу и вынуждает друга выстрелить, после чего красиво падает, выплевывая изо рта кровавую капсулу. Маленький мальчик Ленский хватается за голову и сидит, раскачиваясь в трансе, Онегин рыдает, — а между тем...

... уже грянула музыка бала у Гремных!!! Дамы и господа в вечерних нарядах затаскивают банкетный стол, ставят микрофоны для речей, вешают неопознаваемый зелёно-красный флаг с пятиконечной звездой, вносят баллистическую ракету, выпуск которой, наверное, и празднуется, накрывают фуршетный столик и раскладывают папки с речами. Труп Ленского никого не смущает, так что приходится ему самому минут через пять встать, спесиво поглядеть на присутствующих и петушиным парадным шагом, с отяжечкой, удалиться за кулисы. Дамы и господа надевают красные клоунские носы, наследие Трике. Может быть, сейчас это символизирует красную кнопку? Именно муж Татьяны такой же нос даёт и Онегину, чтобы был как все, и он его цепляет, а вот тут-то все как раз свои носы снимают, намекая, наверное, на то, что с носом останется именно Онегин. (Тогда бы уж и публике раздали, что ли, причем ещё при входе, в гардеробе). Муж Татьяны произносит беззвучную речь, как Ленин в немой хронике. Татьяна картинно снимает с себя серьги, кольцо и ожерелье и отдаёт их на благотворительность, в мешок с красным крестом, который сама же и носит потом по сцене. Гремин с преувеличенной жестикуляцией подписывает чек и опускает в тот же мешок. (Кому собираются помогать — неясно, может, крепостным из первой картины?) «Не знаешь ты, кто там, в малиновом берете» — никакого берета нет, Гремин (бас Илья Банник, с приличным голосом и хорошей дикцией, пока не дошло до низкой тесситуры) поёт арию, которую я всегда не любила, протестуя в юности, что о страстной любви так размеренно, на 4/4 не поют, а тут просто блаженствовала, получив возможность передохнуть, потому что он просто стоял и просто пел, а не махал презервативом — не снимал штаны — не домогался Онегина, или ещё что-нибудь такое.

Последняя картина. Все разошлись, осталась Татьяна, занимающаяся очередной уборкой разбросанных бумаг. Заодно она рассматривает собственные волосы всё в той же коробочке. Я думала, Онегин теперь отрежет и пришлёт свои патлы для зеркальности мизансцены, но нет. Евгений является, разбрасывает все бумаги заново,

чтобы объяснение вышло пострастнее, и это напоминает сцену из «Служебного романа». Татьяна опять начинает свой распухающий жест, Онегин пристраивается к ней за спину, и они оба принимают наконец такую летящую позу, что всё становится ясно: режиссёрше очень нравится фильм «Титаник» с Ди Каприо! Кроме того Онегин пытается овладеть Татьяной прямо тут же на столе с микрофонами. Татьяна не уступает Онегину, хотя и срывает с него рубашку.

С отсутствующим видом, не обращая ни на что внимания, медленно идет Гремин – похоже, что не к жене, а к ракете. «Позор, тоска, о жалкий жребий мой», – на сцену выпадает урожай белых надувных шаров. Занавес.

Спустя год я решила пойти на «Чародейку» – хотя бы потому, что опера эта ставится достаточно редко и не завоевала у публики такого широкого признания, как «Онегин» и «Пиковая Дама». Меня могут упрекнуть, что я склонна к самомучительству и в моих печальных впечатлениях никто не виноват, но тут уж ничего не поделаешь: в оперу я ходила и буду ходить, независимо от оккупировавших её стервятников от режиссуры.

Начну рассказ об этом против правил – с отступления: Дорогой читатель и зритель, как вы относитесь к проблемам геронтологии? Приятно ли вам, когда вы встречаете в прессе утешительные заметки о том, что человеческая жизнь заметно удлинится и у нынешнего поколения дошколят есть шанс массово и счастливо прожить целый век? Жалеете ли вы, что вы не детсадовец двадцать первого века?

Вы поразмыслите пока над ответом, а я перейду к главному.

Итак, премьера «Чародейки» Чайковского.

Пожалуй, это единственная фраза, в которой можно упомянуть Петра Ильича. Потому что к тому безобразию, который очередной раз устроила режиссёр из Германии Татьяна Гурбача, он не имеет отношения.

«Чародейка», как я сказала, ставится редко, но вместо того, чтобы порадоваться звучанию раритета, больше ужасаешься тому, что видишь.

Напомню сюжет: молодая женщина Настасья, или Кума (сопрано Татьяна Павловская), хозяйка постоялого двора на берегу Оки, пользуется вниманием старого властного Князя (Валерий Алексеев) и его молодого сына Юрия (Дмитрий Полкопин). Она любит последнего и отвергает первого. Княгиня (Ирина Макарова), мучаясь ревностью, покупает у колдуна Кудьмы отраву и подносит Куме. Князь, думая, что в этой интриге и смерти повинен Юрий, в гневе и ревности убивает сына и сам падает замертво, осознав, что совершил.

Как видит это режиссёр?

Очень просто. Первая же картина на постоялом дворе у Кумы: после увертюры, весьма тускло и неразогрето сыгранной оркестром (вновь главный дирижёр Фландрской оперы Д. Юровский), открывается занавес. И мы видим беснующуюся команду каких-то фриков: то ли анархистов, то ли нелегалов и наркоманов, судя по внешнему виду. Кто чистит автомат, кто напивается. Тут же присутствует огромный белый (!) медведь, очевидно, обычный зверь на берегу Оки в конце 15-го века – если верить либретто, уточняющему время действия. Поплываёт некто в костюме улья. Здесь же два артиста хора, белокожий и темнокожий. Почему я так неполиткорректно это упоминаю? Потому что кроме их кожи на них

ничего не было, абсолютно ничего. Ах да, маски респираторов на лицах. Это, вероятно, уберегало их от стыда. Но если вдуматься, что в оперу слушатель идет, чтобы слушать – прошу прощения за примитивную тавтологию, – то ровно на два голоса хора прозвучало меньше. Для оперного режиссёра оказалось важнее задушить голос артиста хора респиратором, чем дать спеть, – но зато выставить его в чём мать родила.

Что означают эти жутчайшие хэллоуиновские костюмы обитателей русского постоянного двора? В предварительной статье в местной прессе режиссёр объясняла, что концепция её постановки привязана к докуменальным событиям Штаммхайм-процесса по делу RAF, террористической организации в Западной Германии 70-х. Почему надо было отомстить за это сорок лет спустя бельгийским зрителям, используя русскую оперу «Чародейка», остаётся неясным.

Первые полчаса спектакля проходят под стать увертюре. Хор звучит не вместе, солисты явно нераспеты, оркестр потихоньку раскачивается. Извините за повторы в повествовании, но не обратить на это внимания мог только глухой.

Ещё в постановке «Мазепы» два сезона назад Т. Гурбача обнаружила явную привязанность к лейт-предметам в реквизите. Если уж она бралась что-то использовать на сцене, то доводила это до предела преувеличения. В «Онегине» это был хвост из волос, отрезанный Татьяной и посланный Онегину вместо письма в коробочке от конфет. Волосы здесь никто не отрезал, но суповая миска из «Мазепы» перекочевала в «Чародейку» и к ней добавились активно действующая поварёшка и десертный нож.

Прочие лейт-явления:

а) действие, куда бы оно ни переносилось, происходит в белой кафельной выгородке со светом безжалостной лампы сверху, как в палате психиатрической больницы;

б) любой эмоциональный накал в музыке или драматический поворот событий передаётся через раздевание. Как только кто-то с кем-то не согласен или хочет сильно в чём-то убедить – немедленно начинается срывание одежды и швыряние её оземь. Понятно ещё, что разгулявшаяся толпа силой раздевает дьяка Мамырова (Тарас Штонда), но почему остальные персонажи чуть что бесконечно добровольно разоблачаются?

Княгиня изображается как бизнес-леди, работающая с бумагами за огромным столом и целым штатом секретарш, и заявлена тем самым как персонаж деловой и собранный, а не просто увядающая в тереме бесправная баба эпохи Домостроя, – в сцене ревности с мужем она первым делом дико разбрасывает свою же документацию и срывает с себя пиджак и блузку.

Княжич Юрий, как тип, решён а là маменькин сынок, которого кормят на завтрак манной кашей из суповой миски. Так что раздеться сам он не решается, его в своё время разденет Кума. Он отправляется к ней мстить за обиду, нанесённую матери, беря с собой слугу по имени Журан. Почему-то вид спрятавшейся от них под столом Настасьи страшит двух взрослых мужчин настолько, что фонарики пляшут у них в руках, и весь их преувеличенный испуг составляет настоящую конкуренцию для выступления труппы мимов.

Вообще надо сказать, что вся постановка и сценическое движение персонажей отличались предельной неестественностью. Словно взрослые люди взялись пародировать мультфильмы, где всё должно быть преувеличенно ясно. Бояться – так чтоб коленки ходуном, бежать – так руками вперёд, двигаться тихо – уж так крадучись, чтоб аж равновесие терять.



Первое действие послужило некоторым разогревом. Казалось, уже кто надо прокувыркался голяком, кто надо – разделся, кого надо – раздели. (Музыка? Ну какая тут музыка? Даже неловко.) Что дальше?

Но второй акт превзошёл первый по бессмысленности и абсурду.

Оркестровое вступление превращается в пародию на спектакль Леонкавалло «Паяцы» в самом дешёвом смысле. Не протестуйте. Это всё сделано в интересах зрителя: ведь ему будет скучно придти в оперу и просто слушать симфоническую интродукцию композитора Чайковского, разве нет? Поэтому занавес раздвигается, и мы попадаем в цирк. Пресловутый белый медведь активно катает разнокалиберные тумбы, две красотики в трико и перьях принимают зазывные позы, как на афишках бродячих трупп столетней давности, суетятся акробаты, жонглёры, глотатели огня. Где это, что это? Это берег Оки в пятнадцатом веке? А это логово местного Бомелия, колдуна Кудьмы, у которого Княгиня хочет купить зелье. Сам колдун в карнавально-алом костюме сатаны восседает за белым столом, перед ним всё та же суповая миска и два металлических колпака, которыми накрывают кушанья, чтобы они не остывали. Под ними на блюдах – внимание – головы тенора и баритона, то бишь Юрия и Журана. Дьявол снимает колпаки по очереди, смотря кому подходит очередь петь.

Цирк продолжается. На белом занавесе нам показывают теневой театр: полёт совы. Через пять минут из-за этой занавески выходит колдун, трясая тушкой чёрной птицы – я не сильна в орнитологии, как и консул Шарплес из «Мадам Баттерфляй», но птица явно уже не сова, а орёл. На глазах всего зрительного зала колдун отгрызает орлу голову и выливает кровь из шеи в склянку. В обмен на приготовленный таким образом яд он по-

лучает удовлетворение натурой от прыгнувшей на него Княгини. Как раз эта пара не раздевается, а почему – ну, колдун всё-таки. Как уж это там выходит – ему виднее.

После этого на сцену, семеня, паровозиком являются четыре человека, делая руками непонятные гребущие телодвижения. Это Настасью привезли на лодке на место свидания с Юрием. Пока звучит лирическое ариозо Кумы «Где же ты, мой желанный?», Кудьма картинно переодевается в чёрный костюм с изображением скелета. Теперь он Смерть, должны понять мы. (Должны ли мы содрогнуться от такого аллегорического хода? Если только от отвращения. Этот живой Кощей выглядит ужасной дешёвкой, ну просто утренник на ёлке.)

Цирк в разгаре. Мало того, что Настасья принимает из поварёшки яд, который подносит ей Княгиня, так ещё Колдун заманивает её в ящик фокусника и двумя пластинами, вроде тонких противней или подносов, вставляемых на разном уровне, разрезает её на три части. Нам дают видеть её отрезанную голову в одном из кубов, которая допевает что-то вроде «слабею-умираю», и на этом с заглавным персонажем покончено.

А что же Юрий? Следует сцена выяснения отношений Юрия с отцом, когда сидишь и гадаешь: как теперь извернётся фантазия режиссёра, чем князь убьёт сына? Кулаком? Медведем? Поварёшкой?

Гораздо интереснее. Кощей, злорадно улыбаясь в зал, демонстративно подаёт Князю под горячую руку пластину-поднос. Вот этот-то поднос отец и втыкает в живот сыну. Разве не прелесть?

Опера заканчивается картиной бури и сценой отчаяния и смерти Князя.

Этого явно маловато для финала в воображении режиссёра. Поэтому по сцене из кулисы в кулису весело пробегает наш старый знакомый, полярный медведь, таща окровавленную человеческую руку; за ним по той же траектории следует дьяк Мамыров с красными матерчатыми зубчиками вместо правой руки, зубчики пришиты к плечу пиджака – это его руку уносит медведь, и замыкает пробежку негр с двухметровой фанерной пилой: это он отпилил руку Мамырову, которую украл медведь. «Две ноги на трёх ногах, а четвёртая в зубах».

Мне хотелось бы принести огромное соболезнование всем артистам, занятым в этом кошмаре глумления над творением Чайковского. Заключение контракта – страшная вещь, капризничать вокалистам не приходится и они, подписывая его, становятся просто бессильными заложниками произвола режиссёра. Музыка, вокал, школа, вкус, звуковая драматургия – всё меркнет в этом разгуле.

Замечательно пела меццо, Княгиня. Прекрасные данные при небольшой характерной партии показал Мамыров. Не всегда безупречно, но интересно исполнили свои вокальные роли Князь и Юрий. У сопрано, исполнительницы роли Настасьи, бывают проблемы с дикцией в верхних регистрах. Но...

Помните ли вы ещё мой вопрос о продолжительности жизни?

Пора объяснить, почему я его задала.

Я рада, что Пётр Ильич Чайковский не дожил до этого ужаса. Я рада, что у него не было этого шанса.

Простите нас, Пётр Ильич.

Майя ШВАРЦМАН

Балет

Ольга Спесивцева: Легкие шаги безумия



Судьба подарила Ольге Спесивцевой долгую жизнь – почти век, несмотря на слабое здоровье, бледность и бесплотность. Она страдала бессонницей – или, наоборот, ночными кошмарами. «Измучилась и устала», «когда же буду жить по-человечески?», «сил мало», «так и не хватит меня», «полумертвой живешь» – подобными записями пестрит дневник великой балерины двадцатого века.

Зарубежный архив Спесивцевой – а большую часть жизни она провела за границей – утерян. В каком неведомом трагическом мире витала ее душа? Что открывалось ей? Жила ли она когда-нибудь реальной жизнью, она, «спящая балерина» (так назвал свою книгу о ней ее многолетний партнер Антон Долин), «заколдованная волшебница»? Была ли счастлива, как женщина?

Ольга Спесивцева принадлежала к тем редким людям, кому при жизни удалось прикоснуться к запредельным высотам бытия, приоткрыть незримые тайны загробного мира. Она слишком близко подошла к краю бездны, к запретной черте, переходить которую опасно. Слишком близко для простой смертной. Плата за это знание всегда беспощадна...

– Мистер Долин, вы что, не слышите вступления? О чем вы думаете?

На репетиции балета «Синяя Борода» танцовщик Американ Бэли Тиэтр Антон Долин внезапно ощутил гнетущее беспокойство. Оно разливалось неприятным холодком в груди, мешая сосредоточиться. Антон предчувствовал: что-то с Ольгой. Последнее время она была очень странной. И не только последнее время. Судьба свела их в антрепризе «Русский балет» Сергея Дягилева. Он вспомнил, как в Лондоне они танцевали с ней «Жизель».

После спектакля всю труппу пригласили на банкет в дорогой ресторан. Артисты предвкушали удовольствие вкусно поесть, выпить шампанского, расслабиться. Одна Ольга отказалась ехать, произнесла нелепую фразу: «Призраки ничего не едят». Каприз звезды? Кокетство? Если бы! На самом деле все было гораздо серьезней и страшней. Наскоро одевшись, Долин помчался в гостиницу «Эсекс-Хаус», где жила Ольга.

Случилось то, чего он больше всего боялся.

В гостиничном номере все было разбросано, дверцы шкафов распахнуты, ящики выдвинуты. На кровати сидела хрупкая женщина. Черные пряди волос, обычно гладко уложенные, в беспорядке падали на лицо. Огромные темные глаза, казавшиеся еще темней на фоне бледной кожи, лихорадочно блестели. Казалось, она бредит наяву.

Я – Жизель! – повторяла она. Я – королева лебедей. Я – Спесивцева из парижской Оперы. Здесь мой дом. Я буду жить только здесь. Я никуда отсюда не уйду. Это все штучки Жоржа в белой шляпе.

Ее спутник, мистер Леонард Жорж Браун, богатый американец, молча стоял у окна и смотрел вниз, на оживленную улицу Нью-Йорка, где у подъезда гостиницы дежурила «Скорая помощь».

Врачу, который в очередной раз выслушивал бессвязный монолог, все это начинало надоедать. Его терпение было на исходе.

– Эта леди затеяла скандал, вызвала полицию. Вы видите, она неадекватна. Придется ее забрать, таковы законы Нью-

Йорка, – заявил он Антону в ответ на его безмолвный вопрос. – Может, вам удастся уговорить ее спуститься вниз?

Ссора с Брауном произошла из-за паспорта. Ольге все чаще приходила мысль о возвращении домой, в Россию. Браун и слышать об этом не хотел. В самом деле – куда ей ехать? Советского гражданства она лишилась много лет назад, здоровья никакого. Как она поедет одна? Безумие! Он никуда ее не отпустит. Но в голосе Ольги было столько решимости, что Браун на всякий случай надежно спрятал паспорт своей гражданской жены. Ольга начала его искать, все перерыла, разнервничалась...

Я – Жизель, – обреченно твердила Ольга, когда ее сажали в машину. Я – Жизель...

Через полчаса в приемном покое психиатрической клиники оформляли новую пациентку – русскую, 1895 года рождения, бывшую балерину.

– Не волнуйтесь, сэр, мы быстро приведем ее в норму. У нас прекрасное лечение, замечательный уход, великолепные условия, – говорил врач, глядя, как Браун приписывает нули на чеке для оплаты – клиника была частной и дорогой.

Действительно, Ольге вскоре стало лучше, наваждения испарились, на щеках появилось слабое подобие румянца, и глаза больше не казались ввалившимися.

Шел сороковой год, в Европе маршировали нацисты, Гитлер захватывал одну европейскую столицу за другой, а здесь, за океаном, куда срочно пришлось бежать, спасаясь от ужасов войны, Ольга и ее друг чувствовали себя в полной безопасности. Взвзвись за руки, они гуляли по аллеям Центрального парка, радуясь распускавшейся на глазах листве. До следующего приступа, который не замедлил повториться. И снова частная клиника, успокоительные инъекции, снотворные таблетки...

Ольгу стягивали простынями и поливали каким-то составом, от которого вначале было холодно, потом жарко, притом она говорила, что не больна и прилично себя чувствует. А как-то раз отправили в шестую палату, которая считалась «нехорошей». Там Ольга встретила бывшую танцовщицу Мариинско-

го театра Муромскую, о которой говорили, что она умерла. На вопрос, почему она здесь, Муромская ответила пожатием плеч, означавшим, что не знает, но говорить с Ольгой не хотела...

...Я – Жизель.

Когда это случилось с ней в первый раз? Должно быть, в 1919 году, после премьеры «Жизели». Мариинский театр, забитый до отказа разномастной публикой, заслуженными балетоманами и журналистами, взрывался от аплодисментов. Танец Спесивцевой терзал нервы невиданной прежде остротой. И красотой. Внешность Спесивцевой поражала с первого взгляда. В ней причудливо переплетались французский севр и русский север, хотя она была донских корней и кровей и родилась в Ростове-на-Дону.

«Воспоминания о детстве у меня встают отдельными картинками, то на плоту реки Дона в городе Ростове. Вижу себя, сижу с удочкой, мама подходит и заглядывает, спрашивает: «Ты не спишь?». Потом выплывает в памяти Тифлис.

... Мы все на кухне, духовка открыта, кукурузные зерна стреляют, образуя маленькие цветочки. Вдруг слышится «прочь, прочь, вот папа придет, всем задаст». И вновь Ростов, у меня в руках маленькая скрипочка. Папа до боли нажимает пальчики, гнет на ниточки (струны), в другой руке палочка – смычок, кисть не удерживает, гнется вниз. Папа берет руку со смычком, кладет на скрипочку и водит...», – рассказывала Ольга о себе на страницах дневника.

Утонченные линии хрупкой фигуры, изящной, грациозной, совершенной, как фарфоровая статуэтка. Мечтательный облик, словно расцвеченный неяркими, неясными, размытыми акварелями красок северной природы. Матово-бледная кожа. Профиль камеи. Скорбный византийский лик. Опушенный долу трепетный взор, скрывающий глубоко запрятанные страсти. Зыбкая грань мистической иллюзии, легкое дыхание потусторонности. Белый танец на темном фоне глобальных потрясений и трагических катаклизмов эпохи. И еще в ней было что-то экзотичное, нездешнее, напоминавшее о персидской миниатюре, какая-то пуливая грация газели.

Не случайно юному Дмитрию Шостаковичу при виде ее пришла на ум Шали, героиня рассказа Ги де Мопассана, девочка из Индокитая, с огромными глазами и строгими чертами продолговатого лица, исполненного тайн и несбыточных мечтаний...

В особой ложе сидел невысокий, чуть полноватый молодой человек с черными прямыми волосами. Он не сводил глаз с точеной фигуры балерины в длинной белой пачке. Это был муж Ольги Борис Каплун. Родной племянник Моисея Урицкого, друг всемогущего Григория Зиновьева и репетитор его детей, Борис сделал отличную карьеру. Ему только двадцать пять – а он Управляющий делами Петроградского Совета. Борис слыл любителем искусств и балета в особенности.

Любовь к искусству была семейной чертой Каплунов. Сестра Соня – скульптор, брат Соломон – владелец берлинского издательства «Эпоха», где печаталась поэма Марины Цветаевой «Царь-Девница». Каплун помогал многим литераторам, играя своеобразную роль «спонсора» петроградской богемы. Самой большой его страстью был балет.

...Сложив крестообразно руки на груди – правая кисть лежала чуть выше левой, Ольга кланялась, выходя на бесчисленные вызовы зрительного зала. Но невероятный успех ее не радовал. Внутри все колотилось: «Опасно! Не делай! Не прикасайся! Убьет!».

Она не спала ночь, холодея от ужасных предчувствий. Нескольких раз она вставала. То ей слышались чьи-то шаги в коридоре, то будто кто-то тихо звал ее жалобным голосом откуда-то из-под земли, то в очертаниях оконного переплета ей чудился крест. Чтобы задернуть плотные шторы в своей спальне, Ольге пришлось повиснуть на шнуре всем своим невесомым телом. Она очень худая. Ей передали, что ее приятель Корней Чуковский назвал ее «тощей Спесивцевой». Пусть говорит, что хочет. Лишь бы заснуть хоть на час.

Наутро Ольга прибежала к подруге, совершенно убитая, мертвенно-бледная.

– Я не должна танцевать Жизель. Я слишком глубоко в нее вживаюсь.

Сухой кашель сдавил ей грудь. На впалых щеках выступили нездоровые красные пятна. Откашлявшись, она продолжала: – Мне кажется, я схожу с ума. Я умираю. Я общаюсь с загробным миром.

Ольга скрыла важную деталь: в период работы над Жизелью она тайно посещала клиники для душевнобольных. Но разве могла она предположить, что в будущем сама станет их пациенткой? Что лишь на склоне лет ей удастся освободиться от навязчивой и гнетущей власти этого образа? Что мотивы «разорванного сознания», новаторски привнесенные ею в роль, сбудутся и воплотятся в действительности?

– Ты слишком впечатлительна, Оля. Разве можно все принимать так близко к сердцу? А вот банки тебе поставить не мешает. Что сказали врачи? Оставить балет и серьезно взяться за лечение. С больными легкими шутки плохи.

Болельники легких очень быстро унесли ее отца Александра Романовича, талантливого оперного певца из Ростова-на-Дону, которым восхищался Шаяпин, когда Ольге было всего шесть лет. Тогда осиротевших детей решено было отдать в пансион при Доме ветеранов сцены в Петербурге, а потом – в Театральное училище. На экзамене к юной Оле подошел заслуженный артист Павел Гердт – на нее нельзя было не обратить внимания – и подвел ее к балетмейстеру Николаю Легату, который был к тому же хорошим художником. И тот зарисовал удивительный «камейный» профиль чудо-ребенка...

Став артисткой, после репетиций Ольга приезжала к мужу, входила в его кабинет, сбрасывала шубу, садилась на диван и часами молчала. Не просто не разговаривала, но хранила молчание, оберегая свой внутренний мир от нежелательных посягательств. Она всегда была словно ограждена неким магическим кругом, в который так просто не войдешь – призрачным кругом виллис, траурным кругом черных лебедей, округлыми очертаниями заколдованного лебединого озера, вглядываясь в которое, она видела то, что не видели другие – то ли начало жизни, то ли ее конец. И то, что ей доводилось увидеть в своих актерских прозрениях, пугало ее, робкую и впечатлительную от природы, вселяло мучительный страх, от которого невозможно было избавиться, сеяло тревогу, отталкивало и в то же время неудержимо влекло...

Борис привык к такому стилю поведения жены. Надо отдать ему должное – именно Каплун приложил определенные усилия, чтобы воспрепятствовать закрытию Мариинского театра, примой которого бесспорно была Спесивцева. Ему же принадлежала инициатива открытия первого в Петрограде крематория в помещении бывших бань.

Когда ему становилось скучно, когда надоедало бренчать на пианино и хотелось встряхнуться, он частенько возил туда Спесивцеву в компании с Корнеем Чуковским, предварительно справившись по телефону, есть ли покойники. Возил так, как возят в театр, на вечеринку или в модный ресторан. Это было что-то вроде ни на что не похожего развлечения.



У оконца гудящей печи Чуковский, как и положено кавалеру, галантно пропускал Спесивцеву вперед. Ни он, ни Борис не задумывались: а нужно ли ей видеть эти кошмарные танцы? Для ее ли хрупких нервов и ранимой психики предназначались подобные зрелища? Забудьте, мадам. Легко сказать...

В ней таилась и ее же сжигала, лишая покоя, воли и энергии, какая-то навязчивая страсть ко всему запредельному.

Ее героини несли в себе предчувствие беды и неминуемой катастрофы. Даже от улыбки ее Одиллии, с которой она легко, без усилий крутила знаменитые тридцать два фуэтэ в сцене на балу, исходила тревога и смутное ощущение опасности. От нее веяло демонизмом, как и от всего облика танцовщицы в черной пачке с огненными всполохами и алыми перьями на изящной головке, и особенно – от белого загробного видения ее Жизели.

«В Вас есть что-то от дьявола, Ольга Александровна», – сказал ей как-то собеседник. Станные, страшные слова, если вдуматься...

Всецело преданная театру, Ольга, по сути, не была театральным человеком в том смысле, что она не любила бывать на людях. Неожиданные вспышки общительности сменялись у нее периодами глубокого погружения в себя. Свободные вечера Спесивцева проводила дома в окружении близких. Она носила темные закрытые платья, строгостью линий напоминавшие монашеские одеяния, скромные однотонные блузки без всяких украшений, но как блистательно была в элегантных вечерних туалетах, когда выбиралась на концерт в Консерваторию или на драматическую премьеру! Особенно любила она розовые бриллианты.

Ольга чуралась шумных сборищ, избегала близкого общения с коллегами вне сцены и репетиций. На первый взгляд могло показаться, что причиной тому ее гордыня, ее нелюдимость, а то и неспособность сформулировать свою мысль. Но это было совсем не так. Достаточно сказать, что Спесивцева обладала редкостным для балерины интеллектом. Просто она была непричастна ко всей этой жизненной суете.

Равнодушная к успеху у публики, далекая от театральных интриг и сплетен, чуждая зависти и недоброжелательству, она



пребывала в каком-то своем, особом мире, недоступном посторонним. Сорвать аплодисменты, сверкнуть лучезарной и обещающей улыбкой, эффектно выделиться, произвести фурор – это было не для нее. Она выходила на сцену, чтобы служить танцу, она приносила ему жертвы и отдавала всю себя без остатка. И потому так серьезно, так неулыбчиво было ее лицо, так страдальчески сведены брови, так мучительно опущены вниз уголки ее рта и полузакрыты глаза, что придавало ей сходство с античной трагической маской. Танцуя, она высвобождала свой мятущийся, страждущий дух от тяжких, порой невыносимых оков быта и бытия, а это уже совсем иное измерение.

«Не смогу назвать другого в труппе 20-х годов, кто жил бы на сцене такой напряженной духовной жизнью, как Спесивцева», – вспоминал ее современник, известный историк балета Юрий Иосифович Слонимский.

«Духом, плачущим о своих границах» называл Спесивцеву знаменитый искусствовед, прозорливый, чуткий, тонко чувствующий Аким Львович Волинский, и трудно подыскать более точное определение.

...Борис Каплун довольно скоро исчез из жизни Спесивцевой – постоянство вообще ей было несвойственно. Но именно он помог ей эмигрировать, за что его постигли крупные неприятности. Позже, в начале тридцатых годов, Борис неожиданно появился в Париже. Говорили, для того, чтобы убить Ольгу. Не тогда ли ей овладела мания преследования?

Про Каплуна и до этого ходили нехорошие слухи, к счастью, не подтвердившиеся – якобы о его причастности к нелепой гибели молодой балерины Лидии Ивановой, утонувшей во время катания на лодке. «О, кавалер умученных Жизелей!», – восклицал его друг поэт Михаил Кузмин. Но зачем было убивать Ольгу? Из ревности? Он мог сделать это еще в России. Или потому что она отклонила его предложение работать на советскую разведку? А было ли вообще такое предложение?

Короткое время Ольге покровительствовал Альберт Сливкин, полный и очень добрый человек, с огромными связями и запутанной биографией. Бывшего порученца Ленина и Зиновьева, приятеля Тухачевского и Радека за какие-то провинности исключили из партии и назначили директором Севзапкино. Он жил отдельно от Спесивцевой. Во всяком случае, в доме балерины его не видели.

Сливкин провожал Ольгу, когда она весной 1924 года вместе со своей мамой, первой ростовской красавицей, Устиньей Марковной, уезжала на лечение в Италию, чтобы потом переехать в Париж, куда ее пригласил Руше, директор Гранд Опера. Открытая машина везла их по петроградским улицам и набережным на Варшавский вокзал. Как оказалось, навсегда.

В свое время она пожелала Акиму Львовичу Волинскому на его юбилее жить долго и жить в России, а сама осталась на чужбине. Как? Почему? «Экономический» ли, как она выражалась, вопрос тому виной, неустроенность и тревожная обстановка послереволюционного Петрограда? Тогдашняя жизнь, по ее словам, была тяжелой и серой, как солдатская шинель, и не поддавалась никакому описанию... На кого ни посмотришь – у всех жадные горящие глаза. Ни театры, ни репетиционные залы не отапливались. Балерины репетировали в теплых рейтузах, в шерстяных кофтах, и едва останавливались, как от них шел пар, как от лошади. Смутная надежда построить свою жизнь как-то по-другому? Личные причины? Творческие мотивы? Или это была попытка бегства от самой себя?

За границей Спесивцеву знали с 1916 года, когда она, сначала великому антрепренеру Сергею Дягилеву отказав, все-таки поехала с труппой Русского балета в Париж, а затем в Америку, где танцевала с легендарным Вацлавом Нижинским и имела огромный успех. Труднопроизносимую для иностранцев фамилию Спесивцева Дягилев укоротил на свой лад. Она стала Спесивой.

– Вот ваша гримерная, – директор Оперы с удовольствием показывал Ольге роскошное здание театра. – Вот репетиционный зал, где вы будете заниматься. А вот и ваш партнер. Он тоже русский. Знакомьтесь – Серж Лифарь.



Смуглый черноволосый красавец Серж, вывезенный Дягилевым из Киева, был на десять лет моложе Ольги. Чем-то он неуловимо напомнил ей Бориса. И оказалась, что темная страсть к Каплуну, вроде бы уже исчерпанная, подспудно таившаяся где-то в самой глубине ее существа, вспыхнула с новой силой. Это было как наваждение. Ольга сгорала в любовном огне. Каждое прикосновение партнера бросало ее в дрожь и заставляло бешено биться сердце, а

Серж лишь пугался ее страсти. Все знали, что Лифарь — любовник Дягилева, сменивший Вацлава Нижинского и Леонида Мясина. Не хотела этого знать только Ольга.

Перед премьерой «Лебединого озера» в Ла Скала Спесивцева и Лифарь задержались в зале, чтобы еще раз пройти адажио. Проверив поддержки и переходы, они замерли в финальной позе, и вдруг Ольга чуть слышно прошептала: «Вы любите меня?»

Повисла пауза. Серж мучительно подбирал слова, не зная, как ответить. Наконец, он заговорил.

— Когда я вижу вас в танце, у меня замирает сердце от удивления, восторга и блаженства, но... Я не люблю вас, Оля. Поймите. Я уезжаю к Дягилеву в Венецию.

Ольга побледнела и выбежала из зала.

Неодолимое влечение к Сержу — или к Борису? — не отпускало ее. В финале балета «Трагедия Саломеи», танцуя с серебряным блюдом, на котором лежала голова казненного Иоканаана, отвергшего любовь Саломеи, Спесивцева стала задыхаться. Ей показалось, что бутафорская голова... Не может быть! Это Борис? Он смотрел ей прямо в глаза, слегка улыбаясь. По ее телу пробежала удушливая волна. Сладострастный поцелуй в мертвые губы наэлектризовал публику, как разряд молнии. В зрительном зале Оперы стоял стон. А Ольга заперлась в своей примерной и никого не пускала. Она покинула опустевший театр лишь глубокой ночью.

Внезапная смерть в Венеции обожавшего ее и делавшего на нее основную ставку Дягилева (права оказалась цыганка, предсказавшая ему «смерть на воде») подействовала на Ольгу угнетающе и еще больше усугубила личную драму одиночества. Но вряд ли иное стечение обстоятельств могло что-либо изменить. Все ей было чуждо, все было пусто, если не сказать — враждебно. Ей не доверяли, к ней относились настороженно — а как еще можно было относиться к «Красной Жизели»? — и считали, чуть ли не советской шпионкой.

Спесивцева оказалась не просто в эмиграции, но и в своего рода эмиграции внутренней, глухой и беспросветной. Бежать было некуда. Она не принимала модернистского балета, ее не увлекали искания современных хореографов, она не хотела ничего знать, кроме классики. А возрождение классических спектаклей в таком виде, как бы ей хотелось, увы, было уже невозможным. Ее любовь к большому балету оставалась неутоленной. Великое наследие было утеряно, высокий балеринский стиль уходил в прошлое. И Запад, где искусство балета все больше отдалялось от классики, в свою очередь до конца не понял ее, да и не мог понять, не мог во всей глубине постичь заветную тайну ее зачарованной, тоскующей, плачущей души. Для этого ей, возможно, надо было родиться в другое время...

Все заработанные деньги уходили на отели и еду. Порой приходилось закладывать оставшиеся украшения. Она рабо-

тала с Михаилом Фокиным в Буэнос-Айресе, хотя еще в Петрограде заявила, что не понимает его стиля. Потом поехала с труппой Виктора Дандре, потерявшего любимую жену — Анну Павлову — в Австралию. Эти поездки по разным странам, с разными, порой наспех собранными труппами, хочется назвать скитаниями. Она оставалась последней героиней балетного романтизма, а танцевать-то было нечего. Ни достойных ее ролей, ни достойных ее подмостков. Частая смена климата, тяжелые переезды, нервные нагрузки отнимали последние силы. Ее мучили приступы невыразимой тоски и раздражения. Но даже не это было самым страшным.

«Не от танцев помрешь, а оставишь их — и ничего не будет, и ты ничья», — вот дневниковая запись Ольги Александровны, относящаяся к 1923 году. Ничья. Трагическое осознание собственной невостребованности, — и это в расцвете таланта и мастерства! — роковой неприкаянности гения, волею судеб оказавшегося на стыке, на излете мировых художественных течений — вот что мучило и жалило, вот что сводило с ума. На спектакле «Жизель» в Буэнос-Айресе ей стало плохо. «Я — Жизель», — твердила она своему партнеру со странной улыбкой, больше похожей на гримасу, а когда занавес закрылся, упала в обморок.

Мистер Браун, поклонник балерины, возник в ее жизни у последней черты, отделявшей ее от безумия.

— Ваш кумир Мария Тальони, портрет которой вы всюду возите с собой, перестала танцевать в сорок лет, и вы сделайте так же, — сказал он. — Я богат. Вы ни в чем не будете нуждаться. Подумайте о своем здоровье.

Он уговорил Ольгу оставить сцену (да она уже и не могла танцевать — то останавливалась посреди выступления, то забывала движения) и перебраться с ним в Америку. Она не жалела об этом. С ним хорошо и спокойно. Он всегда рядом. Вот только сегодня он почему-то задерживается. Ольга нервно ходила по гостиничному номеру из угла в угол. Неожиданно резко зазвонил телефон, но она почему-то не решалась снять трубку. Ей показалось, что сейчас произойдет что-то непоправимое. Телефон продолжал разрываться от звонков. Превозмогая сковавший ее спазм безотчетного ужаса, она подошла к телефону.

— Мадам Ольга? — услышала она незнакомый голос. — Мне очень жаль, но мистер Браун скончался на улице от сердечного приступа. Вы слушаете?

Трубка выпала из ее рук. Она застыла на месте, потеряв всякую связь с реальностью.

Браун ничего не успел: ни официально оформить их отношения — правда, Ольга к этому никогда не стремилась, ни составить завещание. Ольга разом потеряла мужа, средства к существованию и крышу над головой. Звезда мирового балета превратилась в леди-бомж, к тому же сумасшедшую. Теперь платить за ее лечение было некому, и она попала в психушку для бедняков и так называемых «displaced persons», людей, не имевших паспорта, гражданства, постоянного места жительства...

В госпитале для душевнобольных под Нью-Йорком она провела долгие двадцать лет, терзаемая вечными страхами, кровавыми видениями революционных лет и мучительными личными переживаниями. Она сошла со сцены в безумие. Не парадокс ли — лишиться рассудка, чтобы сохранить себя! Но разве у нее был иной выход? Изменить своему предназначению, отказаться от своих идеалов, пойти на компромисс со временем, переступить положенный ей предел Спесивцева не могла.

До конца своих дней Ольга Александровна оставалась замкнутой, молчаливой и одинокой. Беспомощная, лишенная опоры, всю жизнь в ней нуждавшаяся и ее не имевшая, она продолжала жить как бы по инерции. Ей снились озверелая толпа, брат Шура, убитый в Петрограде вскоре после революции то ли милиционером, то ли бандитом; корчившиеся в пламени покойники, глаза которых светились синими огоньками, когда горел мозг; отрубленная голова на блюде с чертами Бориса Каплуна; грустный взгляд Альберта Сливкина, расстре-

лянного в подвалах Лубянки; равнодушный к ней Серж, целующий мертвого Дягилева; застывшее лицо Брауна в гробу; кладбище, где в неверном свете луны танцуют ожившие призраки девушек, умерших до свадьбы, и среди них она, Жизель, восставшая из могилы ради ночи любви... Ольга просыпалась в холодном поту от собственного дикого крика.

«Никто не говорил по-русски и вообще не разговаривали, только «да» и «нет». Журналы американские на столе не понимаю, книг русских нет. Утром встаешь, двадцать человек в спальне, по очереди вымыться и сесть на балконе ожидать чая. Балкон с большими стеклянными окнами, правда, с радиаторами, но ждешь, когда откроют. Кормили на убой, и масло, и яйца, и каша, и питье фруктовое или фрукты...», — вспоминала Спесивцева о времени, проведенном в психиатрической лечебнице.

... — Вера Константиновна, взгляните, пожалуйста!

Великая Княжна Романова, та самая, отец которой публиковал до революции стихи под псевдонимом К.Р., поправила очки в роговой оправе.

— Мне кажется, Ольга Александровна, с этим яйцом все в порядке.

Две старые дамы разглядывали куриные яйца на просвет, сортируя их для продажи. Одна из них, изящная и хрупкая, сохранившая старомодную манеру слегка придерживать юбку кончиками пальцев, была по-балетному гладко причесана. Работа в курятнике и уход за помидорными грядками входили в обязанности проживающих в пансионе для престарелых русских беженцев, основанном под Нью-Йорком дочерью Льва Николаевича Толстого Александрой. Планировка усадьбы напоминала Ясную Поляну. Так же, как под Тулой яблони, здесь были посажены абрикосы.

На толстовскую ферму Ольгу перевез из психиатрической клиники ее бывший партнер, верный, заботливый Антон Долин. Каким-то чудом ей удалось преодолеть душевное расстройство, к ней вернулась память.

Но снять с себя печать обреченности она была не в состоянии. Надвигалась нужда. Ее стали забывать. В ее скромной комнате царила спартанская обстановка — узкая кровать, стол, несколько стульев, шкаф, умывальник. Она радовалась каждому гостю, навещавшему ее в пансионе, так бурно, что могла разрыдаться от избытка чувств...

...Заканчивался Великий Пост, приближалась Пасха. Ольга Александровна медленно встала с постели, аккуратно поправила смятое покрывало. На столе в маленькой корзинке лежали бурые, покрашенные луковой шелухой яйца, а в крошечной фарфоровой солонке — прокаленная, почти черная, четверговая соль. Розы, привезенные накануне ленинградской балериной Наташей Макаровой, источали нежный аромат, вдруг вызвавший в памяти давние премьеры, овалы и букеты, которыми ее забрасывали поклонники. Сколько лет назад это было? И было ли вообще?

Было, было. Ее любили многие. Например, музыковед Валериан Богданов-Березовский, в ту пору студент Консерватории, сопровождавший Ольгу на ее самостоятельных уроках, называл ее *Stella montis* — высокая звезда, позаимствовав выражение у Генриха Гейне, посвящал ей стихи и музыку. Да что влюбленные юноши — сам Аким Волынский, эрудит, каких мало, почетный гражданин города Милана, из-за любви к ней на шестом десятке встал к балетному станку. Тогда в Петрограде их часто встречали вместе — то в Русском музее, то в залах Эрмитажа. Ах, Аким Львович! Вы были замечательным собеседником и учителем. Но Вы хотели от своей ученицы больше, чем она не могла Вам дать, бесконечно Вас уважая...

А многостраничное признание в любви с рисунками и портретами, присланное художником Володицей Дмитриевым?

«Молю, как бы Вы не отнеслись к моим словам, дайте какой-нибудь ответ. Лучше напишите просто «дурак», чем ничего не отвечать. Прощайте, гений!», — читала Ольга последнюю страницу послания. Она не стала писать ответ, а сама отправилась к Дмитриеву домой, тем более что жил он непода-

леку от нее, на Ека-терингофском.

Дома Володи не оказалось. От смущения она начала много говорить, но потом это прошло, и она стала простой, непосредственной и дружелюбной. В ожидании Володи Ольга помогла младшему брату художника перемыть всю посуду. Делала она это ловко и умело. Наконец, Володя появился. Он остолбенел, увидев Ольгу в своей квартире.

— Здравствуйте!

Я пришла! — радостно сказала она. И вдвоем, никому ничего не объясняя, они надолго провалились в снежную петроградскую ночь...

Текло время, сменялись обстоятельства, уходили из жизни старые друзья, слабела память, стирались детали, меркли впечатления. Но снова и снова вспоминался ей такой далекий и такой невозвратный Петроград, призрачный город ее тревожной юности и недолгой российской славы. Всем многочисленным поклонникам, пылким и восторженным, всем долгим беседам об искусстве, всем картинам, стихам и романсам она предпочла тогда роман с новой властью. Может быть, она думала, что железные объятия самые надежные? Станный и трагический союз балерины и чекиста, наверное, не был случайным — ведь власть, даже самая кровавая и жестокая, нуждалась в красоте, а красота — в защите...

Чиркнув спичкой, Ольга Александровна зажгла угасшую было лампадку.

...Я — Жизель? Нет, что вы. Я — Оля Спесивцева. Мне почти сто лет. Я помню все свои партии. Хотите, станцую прямо сейчас? Не в буквальном смысле, конечно, а руками покажу рисунок. И Эсмеральду, и Медору, и Никию, и Одетту-Одиллию. И эту Кошку. Боже, как я не любила этот балет! Сплошной модерн. Одни целлулоидные декорации чего стоили! Знаете, что я сделала, чтобы не танцевать премьеру? Схитрила! Притворилась, что на репетиции подвернула ногу, и весь день просидела дома, изображая ужасные страдания. Но танцевать все же пришлось. А что я могла сделать? Разорвать контракт, остаться совсем без работы? В Петрограде — никак не привыкну называть его Ленинградом — умерли моя старшая сестра Зина, тоже балерина, числившаяся в списках трупы, как Спесивцева 1-я, и брат Толя. Я хотела вернуться, хоть издали взглянуть на Мариинку. Не получилось.

Старая одинокая женщина глубоко вздохнула. Ее внутренний монолог прервался. Постившаяся с первого до последнего дня, Ольга Александровна чувствовала себя совершенно ослабевшей. Но все равно она соберет остаток сил, наденет нарядную шляпку и отправится к Пасхальной заутрене в русскую церковь встречать Светлое Христово Воскресение. С этой радостью вряд ли сравнится что-то иное.

В глубокой старости Спесивцева часто посещала церковные службы — только в храме ее отпускала тоска. И еще очень любила вышивать крестиком, словно закрепляя все темное в своей судьбе и различая в переплетении разноцветных узоров знаки, понятные лишь ей одной.

Когда она умерла — а это случилось 16 сентября 1991 года, — оказалось, что за ее могилой некому ухаживать...



НЕВИДИМОЕ СОЛНЦЕ СВЕТЛАНЫ ДИОН



Фото: Валерия Дашевского

Светлана Дион (Мадрид)

Никогда не знаешь заранее, какие встречи подарит тебе жизнь. Тем она и интересна. В тот день мне нужно было кое-что найти в интернете. Набрал в Яндекс ключевое слово и кликая на ссылки, я оказалась на сайте неизвестной мне Светланы Дион и... застряла на нем надолго, забыв о цели моих поисков. Рассматривала фотографии очень красивой женщины в жизни и на сцене, читала её стихи, сразу заставшие в душу, любовалась бижутерией в старинном испанском стиле времен королевы Исабель, которую Светлана, будучи директором фирмы «TimeLaceJewellery», продаёт в музеях Америки... Передо мной открылась удивительная судьба нашей соотечественницы, родившейся в Петербурге, живущей в Испании, – балерины, поэтессы, писательницы.... С тех пор я дружу со Светланой и слежу за событиями её творческой жизни, а их произошло немало. Светлана Дион основала в Мадриде Международную Ассоциацию Граждан Искусства (МАГИ), выпустила в свет сновидческий роман «Попрошайка любви», вошедший в длинный список номинантов на премию «Национальный бестселлер», и четвёртый поэтический сборник «Небесный почтальон» с диском песен Игоря Тукало на её стихи, являлась инициатором и одним из составителей Антологии прозы и поэзии МАГИ – «МАГИческое Слово», а недавно выступила как автор либретто и исполнительница главной роли в поэтобалете «Любовь Семиликая», поставленном по её роману «Попрошайка любви» известным хореографом Луисом Руффо для его «Мадридского классического балета». Премьера поэтобалета, посвящённого памяти писателя и философа Нодара Джина, состоялась в театре Гарсия Лорка. Кто-то из известных поэтов сказал, что балет

рифмуется с полётом, употребив по отношению к балету слово «рифма». Действительно, и стихи, и балет – это поэзия души, музыка души, которая в поэзии рифмуется из слов, а в балете – из движений. Не случайно в новом балете в унисон движениям звучат стихи Светланы Дион на трёх языках. За создание поэтобалета Светлана Дион была названа лауреатом степени «Алмазный Дюк» Международного конкурса имени Де Ришелье в проекте «Спаси и сохрани» (Одесса) в номинации «авторское музыкальное произведение, танец».

– Светлана, чем был вызван ваш отъезд за границу?

– Уехала с мамой в Америку, будучи старшеклассницей, по семейным причинам. Напряженные отношения родителей после развода, трагедия личных, не сложившихся отношений с отцом, «заслуженным» математиком... Пока ждали разрешения на выезд, мне «за измену Родине» не дали закончить последние классы. Доучивалась профессиональному балету у М. Джафаровой во Дворце Культуры имени не помню какой пятилетки. Исход за железный занавес означал отказ от мечты стать балериной в России. Но судьба пошла навстречу. Позже в Штатах я смогла осуществить свое призвание. Мне дали стипендию в Манхэтэнской танцевальной школе. Пришлось много поработать. Постоянно брала частные уроки у русских педагогов, мастеров ленинградского балета Ирины Колпаковой, Калерии Федичевой, Марины Ставицкой, Елены Куниковой, оказавшихся в Нью-Йорке. Глубокая им благодарность.

– Вы добились известности на Западе как балерина?

– Я танцевала среди звезд, это так, но одной из них не была. Мое имя мелькало на афишах, но назвать меня известной – не совсем точно. Правда превыше всего, и моя правда в балете в том, что я превзошла не столько других, сколько саму себя. Несмотря на превратности судьбы, мне удалось станцевать заветные партии, о которых мечтала с детства. Лучшими ролями, от которых плакала Федичева и которые хвалили Колпакова и Ставицкая, были Умиравший Лебедь, Раймонда, Сильфида в «Шопениане» и Мария Тальони в «Па де катре». Впервые станцевала па де де из «Лебединого озера», в кото-

рое влюблена с четырех лет, с Андреем Журавлевым на Международном фестивале звезд балета в Рино, штат Невада, в 1995 году. Наутро вышла местная газета с моей фотографией – нас отметили среди известных исполнителей того вечера. В фильме «Поэтический полет русской Терпсихоры», снятом обо мне американским телевидением, запечатлены классические па де де и сольные вариации в моем исполнении. Танцевала и современный репертуар в труппе Эдди Туссэна во Флориде. Но по духу я родилась лирической танцовщицей – стремилась прежде всего к гармонии и красоте линий. Балет для меня священное искусство – он дарует возможность танцевать музыку, прикоснуться к запредельному, испытать чудо парения над землей посредством духовного взлета. Может, потому балерины так тяжело переносят уход со сцены и внезапно стареют. Их прижимает к земле жизнь – до этого они ее заменяли танцем. Счастье, если находят искреннюю радость дарить свой опыт молодым – для этого нужно любить прежде всего сам балет, а не себя в балете. Я ушла со сцены, но не из балета – в самые тяжелые минуты спешила в класс, держалась рукой за палку, а душой – за «допевание музыки телом» (как учили русские мои педагоги), и балет выносил, словно спасательный круг, из водоворота личных трагедий и утрат.

– Что больше всего запомнилось из вашего ленинградского детства?

– Огромные голубые глаза мамы, ее печальную улыбку и ее слова «всегда верь в себя, даже когда меня не будет». Воскресные лыжные прогулки в Охтинском парке с родителями

до их развода. Словно вчера помню Одетту на сцене Кировского театра – Елена Евтеева в Большом белом адажио. Шепот моей задохнувшейся души – «Мамочка! Я буду балериной!» Строгую комиссию богинь-балерин при поступлении в Вагановское училище и чью-то фразу «у нее лебединые руки». Букет бархатной вербы в руках няни в Парке Победы и ее увлажненный радостью взгляд, когда меня «приняли в балет». А несколькими годами раньше – первое плие в доме Ирины Колпаковой возле рояля. Первую подаренную мне ею пачку «Спящей Красавицы» храню до сих пор. Она плакала, узнав о смерти моей мамы. Мама была гинекологом по трудным случаям и спасла жизнь Ирине и ее новорожденной дочери Татьяне, ставшей в Нью-Йорке талантливым дизайнером.

– Скажите, Дион – ваш псевдоним?

– Это моя официальная фамилия в американском паспорте.

Когда я получала американское гражданство, мне было позволено сменить фамилию полностью. Я сменила старую на Дион. А «Дион» изобрела моя покойная тетя Тамара, мамина сестра, которую я боготворила с детства. Очень походит на сокращенный вариант старой фамилии прапрабабушки, кажется. Так что и не псевдоним, и не совсем моя – но почти родовая фамилия из прошлого.

– Вы пережили много потерь. Но ведь были и обретения. О каких «незабытых встречах» вам хотелось бы рассказать?

– Как-то ехала в лифте между репетиционных этажей Линкольн-центра с Лучано Паваротти. Великий певец протиснулся между Ириной Колпаковой и мной и извинялся за то, что занял столько места в лифте. Паваротти старался вобрать свой внушительных размеров живот, а мы с Колпаковой просто не дышали. На фоне миниатюрной Ирины Александровны он действительно выглядел, по собственному выражению, «непропорциональным». Выйдя из лифта, мы облегченно выдохнули и потом долго смеялись.

Дорожу знакомством с известным филологом, профессором Надеждой Брагинской. Через нее писатель Илья Штемлер в 1998 году в Нью-Йорке передал мне привезенный им из Питера сигнальный экземпляр моего первого сборника стихов. Надежда Семеновна, отдавая книгу, попросила меня присесть. «Есть о чем поговорить», – сказала она. Я сжалась в ужасе – сейчас будет ругать. Но она взялась за меня, и с тех пор длится наша дружба и ее литературное покровительство. Автор книг о Пушкине, с тонким вкусом и глубочайшим видением, она многому меня научила. Ее добрая рука листала немало моих рукописей стихов и прозы. По ее рекомендации со мной работали лучшие редакторы в Штатах.

Верю, что не мирская слава, а душевная мощь всегда отличала для меня людей. Я встречала многих известных, но в этом смысле «не выдающихся» личностей. И наоборот, немало неизвестных, но необыкновенно «выдающихся» по своему «свечению» людей подарила мне судьба, особенно после утрат моих родных и любимых. А самой выдающейся

личностью в этом смысле была моя няня – прототип самого названия романа, преподавшая мне первые уроки «науки о душе». Именно за общение с ней вплоть до отрочества как с незаменимым другом я несказанно благодарна судьбе. Она была неграмотной, но обладала врожденными знаниями самых важных для нас истин и тайнств. Потому, прочтя о них у Иосифа Бродского, я смогла оценить его не только как уникального поэта, но и как гениальную душу.

– Вы были знакомы с Бродским?

– Нет, но общалась в Америке с его друзьями, и это главное для меня. Знала, что он был человек верный себе и в жизни, и в творчестве. Искренний во всех своих проявлениях. Обладал знанием высшей правды. Умел любить. Не носил ложных масок. Был самим собой – гением. Его смерть была тяжелой утратой для близких мне людей.

– Как случилось, что вы стали поэтом?

– Буквально в первую ночь после смерти Бродского я начала внезапно писать стихи. Не потому, что захотела, а вот ни с того, ни с сего. Никогда ничего не писала и не думала об этом. Произошло – за отсутствием лучшего объяснения – некое чудо: после сильных эмоциональных потрясений вдруг проснулась на заре и в состоянии полусна написала залпом несколько длинных стихотворений. Эти стихи позже вошли в мой первый сборник «Тысяча и одна жизнь», изданный в России. Вот первая подаренная мне тогда на рассвете строка: «Во мгле, без времени и края»...

За ними в течение полугода последовали несколько сотен стихов. Многие написаны на английском языке. Они были удостоены ряда наград и включены в несколько антологий американской поэзии. Есть стихи на испанском и французском. Стихи сами рвались из меня, я едва успевала их записывать. При этом я не задумывалась ни о стиле, ни об оригинальности, ни о последних тенденциях в поэзии. Так же писала и роман, чуть ли не стенографируя «струящуюся», идущую мне откуда-то информацию. В 1998 году я прожила всю осень и зиму в андалузской деревне в Испании. Там и появились на свет 700

страниц романа и будущие сборники «Не дыши без меня» и «Кружево Времени». Туда включены и мои переводы на русский язык некоторых английских стихов дочери Нодара Джини, талантливого поэта и публициста.

– Неужели ничто не предвещало такой поворот событий?

– Знаете, был некий знак. В юности, живя в Нью-Йорке, я переживала любовную драму. И отправилась за советом к гадалке. Помимо всего прочего, она сказала мне странную на первый взгляд фразу: «Твое имя станет известно на многих языках через слово». Придя домой, я долго думала, что бы это значило. Какое слово, ведь я танцую? Молча! Смысл этого предсказания я поняла много позже, когда стала членом Международного Союза поэтов и финалисткой Международного конкурса русских поэтов зарубежья «Пушкин в Британии».



С Андреем Журавлевым



– Светлана, вы очень счастливый и светлый человек. Вы станцевали любимые роли, открыли в себе поэтический дар, написали роман, а самое главное – родили сына...

– Я иногда думаю – за что мне столько счастья? За что так щедро ниспослано было пережить не одну великую любовь: к мужчине, к матери, к ребенку, к искусству? За утраты – потому тоже соответственные... И не устаю благодарить Бога. За то, что Он выдал мне именно такую трудную судьбу, за Его мудрость, которая становится понятна лишь в критические моменты жизни, за то, что Он есть.

Когда моему сыну Энрике было четыре года, то на вопрос воспитательницы детского сада, кто его родители, он ответил: «Папа испанец, а мама – лебедь». А однажды сын сказал мне, что на картине с дождем видит спрятанное солнышко – «просто надо стереть темный фон, и за ним окажется солнце».

Балет, поэзия, музыка, искусство – про это. Про то, что, стерев с полотна нарисованное собственной рукой, увидишь

не пустой холст – а невидимое солнце, подаренное всем, кто умеет его видеть. Про это и мой роман. Счастлива, что он вышел на родине. В Мадриде презентация романа состоялась 15 мая в «La Favorita», элегантном особняке-ресторане, где официанты – оперные певцы – во время ужина исполняют арии между столиков под аккомпанемент пианино. Я не стремлюсь к популярности. Просто очень хочется, чтобы роман прочли те люди, которым необходима поддержка и надежда в тяжелые минуты жизни.

Беседовала

Елена ЕРОФЕЕВА-ЛИТВИНСКАЯ.

СТИХИ СВЕТЛАНЫ ДИОН ИЗ ПОЭТОБАЛЕТА «ЛЮБОВЬ СЕМИЛИКАЯ»

* * *

Семь раз являлась мне любовь.
Семь цветов семь снов-видений.
Семь раз себе я снилась вновь,
Я не узнала лишь последней...
Среди пространства пустоты
Сквозь времена, меняя лица,
Не прикрывая наготы,
Душа парила, словно птица,
Не находя себе приют,
От жизни к жизни
Вспоминая
Как милого её зовут
На языке родного края...

* * *

С каждым годом мне небо всё ближе,
А берёзы и снег всё белее,
Я тебя никогда не увижу...
Я, как прежде, тобою болею.

С каждым летом рассветы всё тише,
А журчанье ручья всё милее,
Я тебя никогда не услышу...
Только память по-прежнему тлеет.

С каждой осенью всё холоднее,
И тоска, словно сырость, повсюду,
Сердце, руки, душа, коченеют,
Я тебя никогда не забуду...

С каждой новой весной ты всё тот же,
А ко мне – беспощадна природа,
Мне уже ничего не поможет:
Ни любовь не спасёт, ни свобода.

С каждым новым дождливым рассветом
Всё суровее тучи над лесом,
А отсутствие синего цвета
В серый красит наш мир поднебесный,

Но в заоблачных далах пусть звёзды
Осветят тебе тропы вселенной...
Снова птицы совьют себе гнёзда,
На Земле опустевшей и брэнной...

С Андреем Журавлевым
1995 год Нью-Йорк



Балет «Онегин» в Антверпене

За последние несколько сезонов мне удалось побывать на трёх классических балетах Королевского балета Фландрии, на показе гастрольного спектакля труппы Бежара из Швейцарии и на не совсем обычной постановке мужского танцевального коллектива из Словакии.

Не собираясь сравнивать эти полярные представления и назначать места, постараюсь просто рассказать о них, и начну с классических балетов.

Начиная с 2010 года в Генте и Антверпене Королевский балет Фландрии совместно с Симфоническим оркестром Фландрии ставили шедевры Чайковского «Лебединое озеро» и «Спящая красавица», а сезоном позже был показан балет «Евгений Онегин» в постановке Джона Кранко.

Во времена заумных измышлений, заполонивших сцены театров, благодаря режиссёрам и постановщикам, невероятно отродно прийти на спектакль о красавице, полный действительно изумительной, театральной, сказочной, избыточной красоты. Дети единодушно ахают, когда раскрывается занавес. Декор и костюмы в полной мере соответствуют чудесной сказке Перро о заколдованной принцессе. О музыке же и говорить нечего. Это настоящая симфония на пуантах.

Хореограф Мария Гайде, с невероятным почтением следуя канонам Петипа, привносит новшества в классическую постановку.

Звездой балета становятся не принц с принцессой, не фея Сирени, а главный отрицательный персонаж, фея Карабос, в феерическом исполнении бельгийского танцора высочайшего класса Алена Оноре.

Эту характерную роль и прежде исполняли мужчины, но из разряда поз и шагистики Оноре, благодаря новой хореографии, перевел эту роль в ярчайшее сольное выступление высокой технической сложности. Его сценический почерк отточен до невероятия. Если он присутствует на сцене, смотреть на кого-то другого просто невозможно, от него физически не отвести глаз.

Музыкальный номер, называемый «Панорамой», играется в балете дважды, один раз там, где ему и положено быть, после сцены встречи принца с феей Сирени, а дополнительно – после пролога, образуя некую музыкально-сюжетную арку спектакля. Под эту музыку Алэн Оноре танцует сольный номер с черным покрывалом, которым которым он (фея Карабос) старается накрыть подрастающую принцессу, даже не замечаящую его. Этот танец становится символом грозной судьбы, подстерегающей человека с детства, это соло беспощадного и неотвратимого фатума. Не удивительно, что после контраста лирической музыки и черных реющих крыл на сцене из зала доносится детское всхлипывание, настолько искренне дети боятся представленного танцором образа.

Неблагодарное занятие – пересказывать словами движе-

ни человеческого тела, тем более такого мастера, как Оноре.

Такую же невероятную пластическую работу представил Алэн Оноре и в «Лебедином озере», станцевав там Ротбарта, хищную роль, какую-то мутацию ящера-человека. Его возможностям, кажется, нет границ; ни его тело, ни его мимика не знают острых углов. В нём – в роли Ротбарта – словно борются два начала, и оба не могут взять верх. Недочеловек и недозверь в одном лице царят в разладе с самим собой; чего уж ждать окружающим, если в их жизнь вмешивается подобный злой волшебник? При этом Оноре не изображает inferнального типа, какого-то «профессионального» демона. Он в борьбе с собой и с миром, противостоит всем – и себе, и счастливый финал балета (вопреки трагическому оригинальному финалу у Чайковского) тем более удивителен, хотя, не скрою, приносит чувство облегчения.

Сезоном позже та же труппа порадовала зрителей восхитительным «Онегиным», к сожалению, Алэн Оноре не был задействован в этой постановке, но, надо быть справедливым, труппа может гордиться и другими не менее интересными солистами высокого класса.

В день рождения Пушкина в 2012 году, когда в Лондоне начал свою работу десятый юбилейный поэтический фестиваль «Пушкин в Британии», в Антверпене состоялся премьерный показ балета «Онегин». Удивительное совпадение, но в этот же день, 6 июня, отдалённый потомок русского поэта и полный тёзка, Александр Пушкин, присутствовал в Ватерлоо на открытии персональной выставки русского художника Георгия Шишкина постоянно проживающего в Монако), и даже визитной карточкой этой выставки стала работа художника с изображением Бориса Годунова, а одной из главных картин вернисажа – портрет поэта. Одним словом – виват, Пушкин!

Балет «Онегин» на музыку Чайковского, не будучи написан самим Чайковским, давно занимает прочное место в репертуарах балетных трупп. Созданный в 1965-м году английским хореографом Джоном Кранко, он многократно ставился по всему миру, и теперь его смогли увидеть и бельгийские зрители. В заглавной роли – один из ведущих солистов труппы Вим Ванлессен.

Наверное, если выжать до дна русского человека, носителя культуры, интеллигента – названия могут быть спорными, – если истрепать его социальными катастрофами, сжечь жизнью дотла, замучить послереволюционной эмиграцией против воли, затравить лишениями и бедами – что уцелеет в неистребимом сухом остатке на дне его души? Пожалуй, текст бессмертного пушкинского романа в стихах...

Вот эта бессмертная, легендарная вечность пушкинской лирики присутствует на сцене в полной мере.

Дирижёр спектакля англичанин Бенджамин Поуп говорит о балете с трогательной проникновенностью.



- Это далеко не первая моя работа с балетным воплощением музыкального мира Чайковского, да и с симфоническим оркестром Фландрии и королевским балетом Фландрии я работаю уже третий сезон. В отличие от сказочности сюжетов «Лебединого озера» и «Спящей красавицы», «Онегин» весь написан о нас, это всё о понятных, живых человеческих страстях и порывах, всё узнаваемо и объяснимо, и потому очень трепетно. Невозможно, узнав этот пушкинский мир, не принять его близко к сердцу. Вот простой пример: последний акт «Спящей красавицы» — это сцена свадьбы с приглашенными на неё персонажами из сказок Перро. Один из приглашенных — Волк из «Красной шапочки». Ну разве кто-то из нас способен пригласить на свою свадьбу волка? Боже мой, ну вот разве кому-то придёт это в голову?! И вот после всех этих сказочных глупостей — «Онегин»... Роман? Да нет, сама жизнь, с её любовью, разочарованиями и эмоциями, утраченными иллюзиями, ошибками, упущенными возможностями, и эта жизнь захватывает тебя с головой: и на сцене, и в музыке — и вне её, в самой жизни. Это всё — с нами и о нас. Узнать это и не полюбить — невозможно.

Осенью 2012 года в первую неделю ноября в Антверпене и Генте прошли представления балетной труппы Бежара.

Как известно, прославленный хореограф Морис Бежар, ученик Ролана Пети, один из крупнейших хореографов современности, долгое время работал в Брюсселе, где в 1960 году основал компанию Балет XX века, а затем с 1987 года обосновался в Лозанне, где создал труппу Балет Бежара. После смерти мэтра лозаннскую труппу возглавил Жиль Роман, нынешний артистический директор и хореограф этого знаменитого коллектива, и именно он и представлял на фестивале как творения мастера, так и свои собственные.

Представление являет собой некий триптих, части которого можно было объединить общим названием: Человек.

Первая часть исполняется артистами на музыку И. С. Баха и называется «Кантата 51». Вторая — современные музыкальные аранжировки, где мелькает всё, от мазурки Шопена до поп-групп. Третья — «Весна священная» Стравинского. Замечу, что «Кантата 51» и «Весна священная» принадлежат Бежару, поставившему эти балеты в Брюсселе, соответственно в 1966 и 1959 гг. Среднюю же часть создал Жиль Роман.

Третья часть, наиболее знаменитая, предваряется вступлением, вроде предисловия — пантомимой трёх танцоров (один из которых сам Жиль Роман) с неожиданным музыкальным сопровождением. Солисты танцуют под фонограмму... голоса Стравинского, записанного во время одной из оркестровых репетиций. Голос Игоря Фёдоровича то по-французски, то по-английски терпеливо повторяет счёт, даёт указания группам музыкантов, объясняет неточности и подбадривает исполнителей. Затем звучит третья часть его скрипичного концерта в ис-

полнении Ицхака Перельмана и Бостонского симфонического оркестра, а уже потом начинается «Весна».

Если заранее можно смириться с абсурдностью попытки пересказа балета словами, то объяснить разработку идеи универсума под именем Человек, можно примерно так: в первой части Бахом и солистами была воспета и пластично выражена мысль о том, что человеку пытливому, как биологическому виду, тесно в классике. Взросление личности происходит стремительно, и любой живущий быстро вырывается за рамки, оставленные ему предыдущими поколениями. При том, что человек — по Бежару — вырастает из старых клише, он их не растаптывает, не «разрушает до основания», не уничтожает, но и «не расстанется со своим прошлым, смеясь». Взросление и мужание с их соблазнами и испытаниями облечены в светлые тона, и иероглифы поз танцующих читаются, как обещание надежды и света. Человек, растущий ввысь над прошлым и над собой, — это Человек Достойный.

Вторая часть балета выглядела контрастом к первой. Зрителям предлагалось осознать, что может быть с той же личностью, если она, растя, будет опираться лишь на инстинкты. Недаром часть называется «Синкопой», то есть смещением акцента, будто несовпадением, непопаданием в истинно высочайшее человеческое.

Человек бездумно переваривает информацию, а она не менее успешно переваривает его. Он перестаёт понимать суть вещей, течение жизни, отличать живое (то есть способное испытывать боль) от неживого, ангелов от бесов, и сон его разума порождает чудовищ. А что породит в свою очередь сон чудовищ, словно спрашивает хореограф? Уж никак не разум...

Третья часть балета уводит нас от угнетённых мыслей в мир достигаемой гармонии. Даже среди людей-ящериц, людей-рептилий, как их представляют танцоры в «Весне священной», могут вновь родиться и вознестись над сородичами люди света. Неважно, чему ты был подобен в своём начале, словно уверяет воплощённая солистами балета музыка Стравинского, важно, что ты можешь стать личностью, противостоя массе и её стадным инстинктам.

Зрители стоя благодарили артистов и вызывали их неслучайное количество раз, труппа была не менее благодарна горячему приёму и в ответ принялась хлопотать публике. Так и закончился этот вечер, и это было не менее красноречиво, чем идея всего балетного триптиха, представленного на фестивале Бежара.

И, наконец, последний спектакль, о котором можно рассказать в этом небольшом обзоре, это вечер коллектива с говорящим самим за себя названием «Словаки».

Пятеро танцоров на протяжении часа рассказывают нам нечто. Это не классика, не модерн, не сюр. Жанр увиденного определить трудно, здесь и мимические вкрапления, и элементы акробатики. Пожалуй, всё это можно назвать наиболее подходящим для этого словом «Ностальгия». Музыка симфонической картины современного бельгийского композитора Симона Тьерри, написанная для струнного оркестра, очень пластична и выразительна, и в неё время от времени ограничено вплетаются грампластинки старых словацких песен, давая ощущение времени, воспоминаний, какой-то «довольны». Во всем показанном танцорами есть щемящее чувство любви к своей маленькой родине без малейшего привкуса иронии или сарказма. Пятеро мужчин-словаков — сталкеры в новом, открывшемся им неизвестном и зачастую враждебном мире. Они могут держаться вместе и они могут быть разобщены, они изнурены противостоянием действительности и они возвращаются к жизни при звуках фольклорной музыки и незамысловатых песенок про любовь на мягком словацком — так они танцуют этот спектакль: они живы — и жизнь их трудна.

Что в полной мере может осмыслить и отнести к себе каждый зритель, умеющий прочесть бессловесное, но так много говорящее сердцу, искусство танца.

Майя ШВАРЦМАН

ПРИКОСНОВЕНИЕ К БАЛЕТУ

(Беседа с художником Георгием Шишкиным)



“Посвящение Нижинскому”
Георгий Шишкин в Гран Пале
(Grand Palais) в Париже, 2009

- В этом номере журнала на обложке представлено несколько твоих картин, посвящённых балету. Расскажи, пожалуйста, давно ли эта тема тебя занимает, чем привлекла, иными словами – расскажи о балете и о себе.

- Балет меня интересует не как самостоятельный вид деятельности или система полных обаяния символов, и не столько, как род зрелища, а как способ мышления, который мне раскрывает всеобщие закономерности.

Язык искусства условен, но я никогда не абстрагировал жизнь от его влияния. Попробуйте отделить жизнь эллина от искусства Древней Греции. В создании искусства участвовало всё общество, начиная от невольника, выпиливавшего камень в каменоломне, до Фидия и Поликлета. Представьте великолепные храмовые шествия среди колонн и статуй, – в них участвовали все. Искусство никогда не было простым и глупым развлечением, – оно всегда несло жизнеобразующий смысл.

Почутельным исключением в античности выглядит история убийства пьяными вакханками знаменитого Орфея, в одиночестве изливавшего в песнях тоску по невозвратной Эвридике. То есть убийство развлечением – искусства. Не есть ли это предостережение на все времена?

Так и балет – способ поэтического видения – вошёл в мою жизнь, как вошли в неё опера с её полифонией голосов и инструментов оркестра, русские песни с их чувством простора, тоской, и мощью, и удалью, образы мушкетёров с их кодексом чести и неизменной дружбой, живопись с самозабвенной жаждой познания чуда света и цвета.

Но, конечно, потому, что меня маленьким привели в театр (это было в Свердловске/Екатеринбурге) и оставили в оркестровой яме среди океана звуков, закачавшего меня, унёсшего в неведомые края, заставившего слушать, вздрагивать и смотреть во все глаза.

- Я знаю, что в детстве ты занимался музыкой, учился играть на скрипке, твой отец был скрипачом. Не мечтал ли ты сам принадлежать к этому миру? Для меня, например, пришедшей в детстве в Оперный театр, всё было решено сразу, я поняла, что я попала домой.

- Я – наблюдатель, никогда не соединился с театром вполне, только трепетал от его близости, восторгался, не допуская до осознания бытовой реальности, и он остался миром чудес. (Я не интересовался скабрёжными сюжетами. В этом смысле театр Мольера мне чужд.)

Больше всего я любил музыкальный театр. Иногда я его ревновал к своеволию и претенциозности режиссёра, не прощая пошлой вульгаризации святынь, но я прощаю и могу извинить гордость большого артиста, его защиту от невежественной бесцеремонности.

Из спектаклей виденных мною в юности, в память врезался драматический сюжет «Корсара», который я переживал с болезненной впечатлительностью. Придя домой, рисовал сцены балета.

И, конечно, – «Спартак», где главную роль исполнял великолепный Н.Ильченко. Был он хорош и в «Лебедином озере». И когда он отрывал крыло у Ротбарта, можно было поверить в его победу над тёмной силой. Нельзя назвать его великим танцовщиком, но его прекрасные физические данные и чувство гармонии были неоспоримы.

Пойти в театр – был праздник. В красивых фойе в антракте публика прогуливалась, женщины демонстрировали туалеты – лучшие платья, нередко украшенные цветами, аппликациями. Мужчины были одеты корректно, если не сказать элегантно. Дети – как на выставке, банты на косичках девочек цвели повсюду.

Театр действительно начинался с вешалки. Сердце уже начинало учащённо биться от предвкушения чуда театра. В гардеробе – вежливая суতোлка среди меха шуб и зимних воротников с тающими снежинками, шёлка платьев и запаха духов. Ниже барьера – специальное окошко, куда подавали сменную обувь, – женщины снимали ботинки, чтобы остаться в красивых туфлях. Это была эпоха, когда сапоги ещё не вошли в повсеместную моду, и их носили только солдаты. Позже постепенно многое изменилось.

- Я тоже помню эту атмосферу нашего театра до его грандиозной реконструкции, помнишь, гардероб был в полуподвале, а к стульям в партере были привинчены медные таблички, где со старой орфографией был указан «ряд». Ты бывал там часто?

- В театре я был часто и, конечно, знал ведущих солистов.

Моё первое профессиональное касание балета началось в 1982 году, когда мне заказали шесть портретов артистов балета и оперы: три по желанию театра (Е.Гускина, Л.Воробьёва, Г.Зелюк) и три по моему выбору (Т.Бобровицкая, В.Огновенко, А.Фёдоров).

Дело в том, что в 1981 году в Доме работников культуры (ДРК) прошла моя первая персональная выставка. В это время я работал в Архитектурном институте на кафедре рисунка. Интерес и успех был очень заметный. Газеты, телевизионная большая передача, документальный фильм Свердловской киностудии. Две картины были приобретены Картинной галереей. Директор ДРК – Юрий Владимирович Махлин – был также впечатлён выставкой. Вдруг через год встречаю его в качестве главного администратора Театра оперы и балета. «Почему ты у нас не выставишься?» – был его первый вопрос. «С удовольствием, – пригласите». Потом произошёл разговор с директором театра Вяткиным – и вот состоялся этот заказ. И тут же я услышал: «Кстати, у нас – конкурс на проект музея театра. Несколько архитекторов уже сделали проекты. Не хочешь ли и ты подать предложение? Но срок – уже завтра».

Я поднялся в третий ярус посмотреть помещение: замечательное фойе с двумя боковыми «карманами». И наутро следующего дня принёс эскиз, который в результате был принят и крепко связал меня с нашим театром на три года.

Я задумал архитектуру музея в виде разветвлённых пространственных консольных кубических объёмов, опирающихся на арочные «ноги» со скульптурными декоративными вставками сверху. Эти конструкции, неся всю экспозицию (макеты спектаклей, эскизы костюмов...), не заслоняли пространства фойе, сами являясь своеобразным скульптурным украшением. Они сами напоминали странные балетные фигуры.

В качестве помощников я пригласил моих друзей-художников – Анатолия Дёмина и Вячеслава Бурмистрова. Помогать мне вызвался преподаватель философии Архитектурного института Борис Георгиевич Ушаков. Делали всё своими руками. Работы было много, порой казавшейся невыполнимой, а оплата – символическая. Но все были полны энтузиазма. Это была сверхзадача.

Нам приходилось всё изобретать на месте. А как иначе? Толя Дёмин был мастер на все руки. Слава Бурмистров сконструировал станок с раскалённой струной для резки из пенопласта, и они по моим рисункам делали на нём чудеса.

Наша работа с деревянными конструкциями поначалу вызвала недоумение. Но когда стенды были подняты на ноги, восхищённая дирекция с гордостью стала водить к нам делегации зарубежных и прочих гостей, показывая нашу грандиозную работу с художественными материалами, с огромным количеством фотографий, которыми завела директор музея Б.А.Шевченко. Это ты уже знаешь, поскольку тоже принимала горячее участие в наших трудах.

- В самые последние дни, уже после сдачи музея, мы с Толей Дёминым тайком оставили в конструкциях «капсулы времени»: полые скорлупки грецких орехов с записками внутри, там мы написали имена всех, кто работал в музее, и дату. Мы даже тебе не сказали. Наверное, они до сих пор там. Ведь музей-то получился, да ещё как!

- В 1993 году я участвовал в торжествах к юбилею Фёдора Шаляпина. Моя картина, посвящённая великому певцу, была показана в Большом театре в Москве, где со-

брались его потомки, приехавшие из разных стран. Председатель Шаляпинского общества Юрий Пономаренко в разговоре вдруг стал мне рассказывать, какой замечательный театальный музей он видел в Екатеринбурге, не зная о том, что я – автор. А когда моя жена призналась ему в этом, он воскликнул «Поздравляю! Такого музея нет и в Петербурге».

- Вернёмся к портретам солистов; было ли сложнее писать портреты людей из театального мира, или они ничем не отличаются от любого другого человека, привлёкшего тебя как модель?

- Мои первые сценические портреты были по существу моим первым опытом живописной характеристики творческой личности. Портрет Е.Гускиной я построил на выражении свойственного ей напряжённого драматизма в жёлто-чёрной гамме. В то время как в портрете Лили Воробьёвой я решил подчеркнуть её трогательную детскость, не чуждую глубины. Он написан в гамме жемчужно-голубого. А как она была пластична во всех своих ролях!

Мне очень нравился стиль А.Фёдорова – благородный, крепко мужской. Он мне запомнился в роли Банко в «Макбете» К.Молчанова. В этом костюме я и изобразил его. Его портрет произвёл хорошее впечатление.

В это время в Свердловск приезжал известный московский театальный художник Михаил Михайлович Курилко-Рюмин. Встретились мы случайно. Заметив маленький картон, что я держал под мышкой, он поинтересовался: «Что это у вас там?» – «Да так, набросок». – «Покажите». Увидев, удивился: «И вы не член Союза художников?» – «Мои документы затерялись в Москве, – так мне передали», – ответил я. «Могу я увидеть другие ваши работы?» Я пригласил его на мою выставку в Консерватории.

Там Михаил Михайлович быстро и внимательно окинул взглядом театральные портреты. «Так, так, понятно, – говорил он, шагая по залу. – Мастерства здесь на пятнадцать человек. Понятно... Мастерство раздражает. Знаете что, подавайте документы сразу в Союз художников СССР (в отличие от Союза художников РСФСР) и, я вас уверяю, вы будете приняты. Включите в досье фотографии этих работ», – указал он и на портрет Фёдорова.

Через месяцев восемь совершенно случайно встречаю Михаила Михайловича, переходящим улицу в сторону театра. Он мне тут же: «Ну, вы в курсе?» – «Нет». – «Вы приняты в Союз художников. Поздравляю!» И он пожал мне руку своей единственной левой рукой, – правую он потерял на фронте. «А мне никто ничего не сказал». – «И вы знаете, – продолжал он, оживляясь, – во время заседания комиссии хотели спрятать вашу папку под стол. А я говорю: «Вы папку эту достаньте, вот мы её вместе и посмотрим».

Между тем, в театре я продолжал работу над портретами: Е.Амосов, Т.Гичина, В.Огновенко.

Т.Гичина запомнилась мне в «Коппелии» Делиба. Действительно, была подобна фарфоровой статуэтке. Но когда увидел её в образе Джульетты, решил, что портрет её напишу в этой роли. Он получился в гамме пронизанного солнцем утра.

Увидев этот портрет, художник Герман Метелёв сказал: «Кажется, я понял, как ты задумываешь работу: задаёшь динамику фигуры, дальше – глаза, лицо, руки, – и всё подчиняешь декоративному равновесию». Но это была правда только отчасти. Для меня важно было и психологическое решение. И ещё что-то, чему я не находил объяснения, и что потом привело меня к осознанию духовного потенциала.

Одновременно я начал два живописных панно по стенам центральной части музея. Одно из них посвятил Опе-

ре, выбрав тему «Князя Игоря», а другое посвятил Балету. В его композиции я попытался представить мир театра, позволяющий нам переноситься в пространстве и во времени, соединять несоединимое. Ночное таинство последнего акта «Жизели» с М.Богдановой и Ю.Веденевым, сюрреалистическое действо «Дон Кихота» с яркой, стремительной и лукавой Китри – Л.Воробьёвой, романтическую и загадочную Коппелию в исполнении Т.Гичиной.

Так, странствуя по ярусам и за кулисами, я грезил наяву. Вообще, все мы, я и мои друзья-художники, в эти годы попали в плен музыки. Слыша постоянно во время работы над музеем то оркестровые репетиции, то отдельные партии солистов, мы иногда, уловив увлекательный музыкальный кусок, бежали в ложи яруса, чтобы посмотреть из зала на репетицию фрагмента балета или оперы. Самым скучным днём был для нас понедельник, когда театр отдыхал, и мы работали в тишине и одиночестве.

Всегда с благодарностью вспоминаю наш театр, сколько отличных спектаклей было у нас! Прекрасные постановки хореографа А.Дементьева: «Макбет» Молчанова, «Ромео и Джульетта» Прокофьева. Мне нравился Н.Остапенко в роли Тибальта. Помню, зал ахнул, когда в замечательной сцене дуэли с Меркуцио-Фёдоровым шпага Тибальта, описав в воздухе пируэт, воткнулась в пол и закачалась.

Чудесные впечатления оставили А.Григорьев и Е.Степаненко. Григорьева я запомнил в испанском танце. Он был довольно крупный, красиво сложенный, выглядел изумительно в простом чёрном испанском костюме. Движения производили впечатление силы и грации. Впоследствии они со Степаненко работали в Мариинском театре, затем он уехал в Испанию, позже преподавал в Лондоне. Степаненко, болезненно трепетная, была неотразимой Жизелью. Танцевала у нас и юная Надя Павлова. Она была очаровательна, но танцевала, помню, в паре с молодым человеком очень мускулистых очертаний, который важно вышагивал по сцене, должно быть, гордясь своей партнёршей. Или самим собой?

Сенсацией был Амосов в балете «Пушкин» А.Петрова. Трудоспособность Евгения была феноменальна. Он добивался совершенства. Его физическое сходство с поэтом было разительно, так что хотелось протереть глаза. Уж не сам ли Александр Сергеевич занялся переводом своей поэзии на язык танца? «Душой исполненный полёт».

Особое воспоминание оставила постановка в нашем театре «Баядерки». Это было в 1984 году. Музей театра, над которым я работал в это время, находился в зрительской части и, приходя в театр, я каждый раз проходил за кулисами.

Быть за кулисами мне нравилось не меньше, чем наблюдать спектакль из зала. До сих пор помню некоторые впечатления – картины, яркость и выразительность которых стоит в глазах. Вот многолюдная сцена и пируэты Ю.Веденева-Солора, после которых он, задыхаясь, прыгивает за кулисы, чтобы, промокнувшись поданной бумажной салфеткой, через три секунды с улыбкой выбежать на поклон. А вот громадный нос корабля, выдвигающийся до середины сцены, среди приветствующей толпы в опере «Пётр Первый» Петрова.

- И я хорошо помню все эти спектакли, в том числе и «Петра», там в финале стреляли корабельные пушки, заряженные пудрой, чтобы имитировать клубы дыма, и вся эта пудра потом переваливалась через авансцену и падала в оркестровую яму, где играла я. Помню, как все оркестранты кашляли от этой пудры, но и этот «дым отечества» я вспоминаю с нежностью. Расскажи о портрете П. Гусева, пожалуйста, он был написан в том же

сезоне, который мы сейчас вспоминаем.

- Однажды я увидел на сцене наклонный подиум, стройный ряд балерин, исполняющих мерную череду движений, и энергичного седого человека в коричневатом сюртуке, белой рубашке с бантом, жестикулирующего крупными кистями рук. Он мне очень понравился. «Кто это?» – спросил я проходящего мимо Амосова. «Мариус Петипа», – с улыбкой ответил Женя. Так я познакомился с Петром Гусевым, замечательным танцовщиком в прошлом и балетмейстером из Ленинграда, недавно сыгравшим роль Петипа в фильме «Анна Павлова».

Эту шутку Жени Амосова я вспомнил, когда в 2010 году меня пригласили написать картину к торжественному вечеру в Париже в честь 100-летия памяти Мариуса Петипа. *(Картина была продана с аукциона в пользу детского госпиталя в Петербурге за 30 тысяч евро. Это была 7-я картина, отданная тобой на благотворительность в пользу детей России. - М.Ш.)* Размышляя над образом балетмейстера, я подчеркнул эту рукотворность искусства жестом рук Петипа, создающего мир балета, подсознательно вспомнив руки Петра Гусева.

Тогда он приехал в наш театр, чтобы поставить «Баядерку» и без конца со всей строгостью Мэтра муштровал кордебалет, добиваясь слаженности движений.



Георгий Шишкин с картиной посвященной Сержу Лифарю на выставке в Доме русского зарубежья, 2005.

В спектакле было много запоминающихся сцен. Танец раба, зажигающего священный огонь, в исполнении А.Гордиенко. А как трогательна была М.Богданова в «Баядерке» в роли Никии. Её движения отличались некоей целомудренной трепетностью, которая вносила ощущение свежести, смягчая отточенную технику балерины. Всем запомнился танец религиозных фанатиков, совершенно разнузданный и увлекательный, необычная сцена и танец Золотого божка, его танцевал Н. Дагис. И, конечно, Солор – красавец Юра Веденев.

Портрет Петра Гусева я написал в гостинице «Большой Урал». Замечательный был утренний свет во время первого сеанса. Портрет этот Гусев впоследствии отдал в Музей театрального и музыкального искусства Санкт-Петербурга. Наши встречи оставили у меня впечатление образа глубокой интеллигентной простоты. «Таким мог быть Чайковский», – подумал я.

Вообще, я был пленён атмосферой классического балета, делал этюды и готов был писать подряд всех балерин, а некоторые поистине поражали индивидуальной грацией.

Но что-то ещё меня привлекало в языке движения: это некая возможность внешними средствами выражать внутренние процессы, и не только желания, эмоции, страдания, но – процесс мышления, нечто, что объединяет балет, скульптуру, живопись. Касаясь живописной поверхности, я чувствовал под пальцами пульсирующие формы танца, возникающие из пятен цвета. Прикосновение к Балету...

Потенциал этих возможностей окрылял. Скульптуры Родена казались мне воплощением моего понимания балета. Недаром Роден увлёкся именно скульптурностью движений Нижинского и пригласил его позировать. Работая впоследствии над большой картиной «Посвящение Нижинскому», я старался в живописном переплетении тел подчеркнуть скульптурную пластику его героев.

Во всяком случае, эти годы, 1982-85, проведённые в театре, работа над сценическими портретами дали мне опыт театральных наблюдений, который мне пригодился позже.

- Как получилось, что и после окончания работы над Театральным музеем, тема театра и, в частности, балета продолжилась в твоём творчестве?

- Работа в живописи требовала всё большей свободы. В 1987 году я осуществил мою персональную выставку в Москве, в ЦДРИ. За этим последовала череда ежемесячных выставок в течение двух последующих лет.

В Москве я посещал театры и продолжил серию портретов известных актёров: Е.Гоголевой, И.Смоктунского, Ю.Яковлева... Написал портрет примы-балерины Музыкального театра Станиславского Светланы Цой в спектакле «Эсмеральда».

Но прежде всего в этот период меня занимали принципиальные вопросы живописи и композиции. Начал я и свои «Русские сны».

Затем последовала непредвиденно-долгая поездка во Францию. И в моё отсутствие в Москве у меня отобрали помещение, в котором я хранил мои ранние работы, – его просто взломали и незаконно, как я считаю, заняли, а все картины были вывезены в неизвестном направлении, как и моя библиотека. Где они теперь? Наверное, где-то существуют.

Это происшествие мне напомнило сюжет «Петрушки» Бенуа, когда впоследствии мои переживания вылились в картину. Решение картины мелькнуло, как молния, – расколотое пространство. Я выразил спрятанный за буффонадой смысл: противостояние духовного и материального. Противостояние жестокое, в котором дух, может быть, в конце концов и побеждает, потому что бессмертен, но беспомощен в житейском смысле. А судьба артиста, художника – разве это не противостояние материальному миру? Противостояние, часто одинокое и непонятое...

С судьбами русских артистов балета я встретился в Париже, куда приехал в 1994 году с целью устройства моей выставки, – мне было обещано выпустить мой альбом. Выставка эта оказалась началом длинной череды выставок, встреч, размышлений.

Ряд обязательств в результате выставки, картины и тираж альбома на руках (несколько тонн), – вот начало моей Одиссеи во Франции, приведшей меня по следам «старых русских» к... «открытию» России. И – к продолжению серии картин «Русские сны».

Один я не мог решить все вопросы и просил приехать мою жену Татьяну. Мы обошли Париж в поиске временного пристанища, и лишь одна квартира как-то особенно приглянулась, – в тихом месте, залита светом. Оказалось, что рядом находится вилла одного французского академика, у которого проживала Матильда Кшесинская с мужем (в Петрограде большевики «национализировали» её дом). Недалеко была её балетная школа.

Октябрьская революция (а точнее, переворот) в России вытолкнула в эмиграцию многих артистов балета и хореографов. Осталась без средств к существованию 60-летняя Мария Петипа, дочь прославленного хореографа, блиставшая в Мариинском театре 32 года. Дом её был присвоен новой властью, а с 1919 года прекратилась выплата пенсии. Вынужденная уехать во Францию, она скончалась через несколько лет.

Ольга Преображенская, Вера Трефилова, Любовь Его-

Рисунок Георгия Шишкина «Русские балетные сезоны Дягилева» к почтовой марке Монако



рова – открыли свои балетные школы в Париже, Юлия Седова – в Ницце.

В этом 16-м районе Парижа жили: Шаляпин, Бунин, Мережковский, Волошин, Набоков, Коровин... Все эти люди жили Россией. Они приняли на себя миссию: нести русскую культуру по всему миру.

- Есть ли у тебя чувство, что где-то в процессе твоей работы произошёл перелом, что перемены времени и места принесли перемены в себе? В чём это выразилось?

- Работа над серией картин «Русские сны» поменяла мой метод. Я стал больше работать, что называется «из себя». Поэтому, когда после посвящений М.Цветаевой (1992) и Ф.И. Шаляпину (1993), я встал перед задачей написать посвящение «Русскому балету» Дягилева, – это стало новым этапом подхода к композиции «большой картины».

Внимательно знакомясь с творчеством участников труппы Дягилева, я старался найти для каждого из этих больших артистов наиболее верное движение, наиболее психологически характерный образ. Трудность заключалась и в самой необходимости изобразить этих очень разных, контрастных, противоречивых людей с мощным темпераментом в сжатом пространстве картины, в то же время оставив их творчески свободными.

Картина «пошла», когда определился жест Дягилева, как приглашающий к творчеству. Следуя цветовому вихрю пятен сценического света, из абстрактной композиции, которая музыкой звучала в моих ушах, персонажи, проявляясь постепенно, как будто сами нашли своё место. Вот Петрушка-Нижинский меланхолично наклонил голову. Вот Фокин в костюме Золотого раба Шахерезады гордо скрестил на груди руки, придирчиво глядя вокруг. Вот Бакст с кистью в руке уточняет что-то в декорациях. А вот Бенуа, глядящий через очки, как дух русских балетов. Карсавина в костюме Армиды и Спесивцева-Одетта, спиной к зрителям, – привлекли внимания Равеля. И Жан Кокто будто пытается ответить на вечный призыв Дягилева «Удиви меня!» Вот Пикассо, забыв обо всём, рисует в альбоме, устремив немигающий взгляд. И Стравинский машинально кладёт руку ему на плечо, как на клавиши. Леонид Мясин в костюме из «Трикорна» как будто устремляется на призыв Дягилева, в то вре-

мя как холодноватый Баланчин прозревает дальнейший путь балета, видя перед собой Аполлона, покровителя искусств, в окружении муз. Серж Лифарь обращается с немой вопросительным жестом к судьбе. А вокруг – персонажи знаменитых спектаклей: могучий Фавн, неловко настраивающий самодельную свирель, Жар-птица, Арлекин из «Карнавала» в маске, Призрак Розы, Пастушок из «Весны священной», а дальше – Синий бог, Лебедь Сен-Санса, исполнитель восточных танцев. И надо всем «парит» Анна Павлова – Сильфида.

Тема танца дала мне возможность воплотить зрелую во мне идею картины – галактики, что находится в непрерывном движении. После этого я мог, наконец, сказать: Живопись для меня – это не «вещь», а процесс, живой и непрерывный.

- А где выставлялось «Посвящение «Русскому балету»?

- Картина-триптих была показана в 1997 году на моей персональной выставке в Монако. С ней связаны замечательные впечатления от встреч с руководительницей Академии классического танца принцессы Грейс Марикой Безобразовой и с знаменитой бывшей звездой Балета Монте-Карло Ириной Степановой.

Все, кто в своей работе касался исторических сюжетов, знают, насколько важно мнение свидетелей эпохи. Поэтому у меня о них – особое воспоминание.

По просьбе Марики Безобразовой я написал картину для афиши Академии, а она подписала мне буклет со словами: «Художнику близкому мне по духу».

Ирина Степанова ещё девочкой восьми лет была принята в труппу «Русского балета». Помнит Дягилева, Шаляпина, Анну Павлову. Она работала под руководством Михаила Фокина, Жоржа Баланчина, Леонида Мясина, танцевала с Сержем Лифарём. Показывала фотографии. Говорить с ней, видя её милое лицо и лучистые глаза, – просто счастье.

Эту картину я показывал на торжественном вечере к юбилею Дягилева в Париже в 1997 году, а также на моих персональных выставках: во Дворце фестивалей в Каннах и в атриуме Зала Гарнье в Монте-Карло, в Галерее музеев в Ницце (где проходили выставки Пикассо и Матисса) и в Музее импрессионизма в Овер-сюр-Уаз (где работал Винсент Ван Гог), в Национальном театре Люксембурга и в Музее изобразительных искусств в Ментоне, в театре Пьера Кардена на Елисейских полях (к столетию «Русских балетных сезонов» в 2009) и в Выставочном зале Монако (в программе Дня Европейского культурного наследия в 2009), в Мэрии 16 округа Парижа на выставке «Русские сны» в 2010 году («Год России во Франции»).

С этой картиной я был приглашён к участию в престижной выставке «Международный приз современного искусства Монте-Карло», организованной Фондом принца Пьера, где я представил картину принцессе Монако Каролине, и она узнала многих персонажей.

Многие забыли, что знаменитые «Русские сезоны» Дягилева начались в 1906 году выставкой «Два века

русского искусства», которую Сергей Павлович привёз из России и показал в Париже, в Гран Пале на Осеннем салоне. Желая отметить столетие этой даты, я решил показать «Посвящение «Русскому балету» на аналогичной выставке в 2006 году.

Картина стала очень популярна. Вот уже несколько лет Французская Ассоциация классического танца приглашает меня участвовать картиной в выставках, проходящих по разным городам Франции в праздновании «Русских сезонов».

А сколько было связано с ней интересных встреч. С французским писателем и искусствоведом Жаном-Бернаром Каур д'Аспри, балетоманом, поклонником русской литературы и музыки. (О твоей выставке в журнале «DANSE light» он написал: «Чудесная демонстрация, что искусство может быть вневременным», озаглавив статью: «Георгий Шишкин – большой художник Балета». - М.Ш.)

Встречи с знаменитыми Людмилой Чериной и Этери Пагава, с Сириллом Атанасовым, Питером ван дер Слоот, с Игорем Махеевым (организатором Музея Дягилева в Перми), с Михаилом Лавровским (постановщиком балета «Нижинский») и Денисом Медведевым (исполнителем этой роли), с Илзе и Андрисом Лиена.

С профессором Джоном Э. Боултом, куратором выставки «Сергей Дягилев и Русские балеты» в Новом Национальном Музее Монако, – он был впечатлён моими картинами и отметил их воздушность.

С режиссёром Элизабет Капнист, снявшей документальный фильм о Нижинском.

С артистами Балета Монте-Карло, с русским солистом Евгением Слеповым, лауреатом приза «Бенуа де ла Данс».

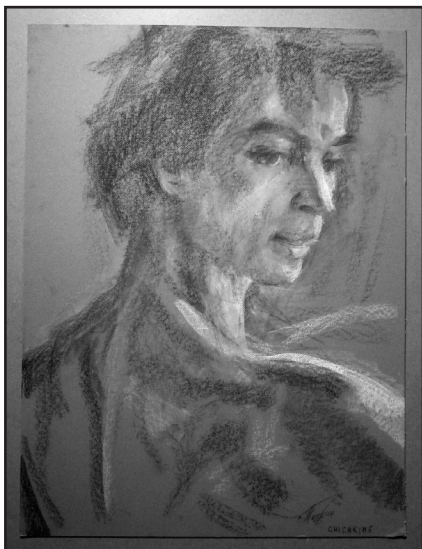
С молодыми преподавателями Петербургской Академии художеств, когда один из них воскликнул: «Вот это – живопись!»

Картина произвела впечатление и на мэтров современного искусства. Жан-Мишель Фолон, увидев фотографии этапов рождения моего триптиха, попросил меня оставить их ему. Валерио Адами мне сказал: «Я видел вашу картину «Русский балет» – интересная композиция».

К столетию Русских балетных сезонов Дягилева в мае 2009 года в Монако по моим рисункам были выпущены две почтовые марки, в которых я интерпретировал композицию картины. За эти марки я получил поздравление, лично при встрече, от г-на Джеффри Марша – директора департамента театра лондонского Музея Виктории и Альберта, который приобрёл 6 блоков. Он хотел тоже приобрести для музея мои эскизы для этих марок, но они находятся во Дворце Монако.

- Поскольку мы перешли на разговор о Франции, то давай поговорим о том, существует ли яркое и неоспоримое различие между национальными школами балета? Чем русская классическая школа отличается от западноевропейской, в частности, от французской?

- Если говорить о русской школе балета, то, мне кажется, её характеризует некая одухотворённая наполненность. Она выражается в более сложно-эмоциональной пластике движения. Техническое совершенство – да, разумеется, но это ещё не всё. Некое забытие в танце. Как сказала мне в Париже, глядя на «Посвящение Нижинскому», моя знакомая, большой знаток русской поэзии Ирина Ивановна Туроверова (урождённая Попова; её дед – генерал Попов был одним из руководителей знаменитого Луцкого прорыва Русской армии в 1916 году, обеспечившего перелом в ходе войны, был тяжело ранен): «Русских отличает способность опьяняться искусством. Лицо вашего Нижинского как раз выражает эту особенность забытия в искусстве, и вся его фигура устремлена к полёту».



Рудольф Нуреев. Этюд Георгия Шишкина.

В конце своего танца в спектакле «Призрак Розы» Нижинский вылетал в окно в своём знаменитом прыжке. За кулисами каждый раз его ловили четыре человека, чтобы он не разбился. Кто видел этот прыжок, говорил, что это было впечатляюще и казалось невероятным.

Мне хотелось уловить этот момент апогея прыжка Нижинского, когда, как говорили, «он зависал в воздухе». Именно Ирина Ивановна выразила словами то, что я сделал интуитивно, безотчётно. Эту картину я показал в Гран Пале в Париже в 2009 году.

Ирина Ивановна часто встречала Сергея Лифаря, – её младшая сестра Мария была замужем за младшим братом Лифаря. Она описывала его артистическую, свободную манеру поведения в быту, спокойное отношение к своей известности.

Когда я занимался разработкой композиции «Посвящение «Русскому балету» Дягилева», моё внимание привлекла фигура Сергея Лифаря. Принятый со всякими сомнениями в труппу Дягилева 17-летним мальчишкой из Киева, Сергей Лифарь, благодаря трудолюбию и раскрывшемуся таланту, стал первым солистом труппы. После его триумфов знаменитый Поль Валери назвал Лифаря «поэтом движения». Позже Лифарь становится главным балетмейстером и на шестнадцать лет – директором Парижской Гранд Опера. Он мне привиделся в образе Блудного сына из балета Баланчина. Некий вопрос, выраженный его жестом, был и мой вопрос.

В 2005 году в Париже праздновалось столетие Сергея Лифаря. Я был приглашён сделать картину к праздничному благотворительному вечеру в пользу больных детей России и изобразил Сергея Лифаря в роли Икара. Эту роль он идентифицировал со своей судьбой, так и назвав книгу своих воспоминаний «Мемуары Икара». Вариант этой картины в увеличенном размере был показан на моей персональной выставке в Москве в Доме русского зарубежья в 2005 году.

Наверное, наиболее полно выразил особенности русской балетной школы за границей в конце XX века Рудольф Нурев. Стоило понаблюдать репетиции его с парижским балетом, который он возглавил вскоре после своего приезда, чтобы поразиться его знанию всех тонкостей, особенностей исполнения ролей не только главных героев классических балетов, но всех вообще. Он был предельно внимателен. Знал наизусть все движения любого участника спектакля и тратил огромное количество энергии, чтобы донести это до каждого.

Он сам, танцуя, превращался в атмосферу танца, обнимающую партнёршу. Интересное качество – признак великого танцовщика – непрерывность существования в искусстве; не исполнение номера, как можно лучше, а воплощение стихии танца. Это как у Шекспира, когда Гамлет просит друга-актёра исполнить отрывок из пьесы, и тот, только что шагавший рядом с повозкой декораций, произносит текст, совершенно перевоплотившись, перестав быть собой, и глаза его наполняются слезами... Гамлет поражён: «Что он Гекубе, что ему Гекуба?..»

Портрет Рудольфа Нуреева, которого я изобразил в пируэте, был помещён на обложку французского журнала «DANSE light» в 2003 году.

-Что ещё запомнилось тебе из случайных, но ярких встреч?

- Однажды в 1995 году на мой вернисаж в Каннах зашёл видный блондин, его осанка и пластичные движения выдавали профессиональную принадлежность. Это был знаменитый сербский танцовщик Милорад Мишкович, когда-то покоривший Париж, - Мишка, как его называли в балетной среде. Татьяна Александровна Васильчикова представила нас друг другу. Мы разговорились. История его была удивительна: бле-

стящий дебют в Гранд Опера, партнёршами его были Алисия Маркова, Иветт Шовире, Марго Фонтейн, Жанин Шарра. Молодой Пьер Карден создал для него свой первый сценический костюм Ромео, Бежар поставил для него своего «Прометея».

Меня он заинтересовал сочетанием своих творческих возможностей, сложной пластичности и какой-то врождённой натуральной благородной манерой. Исключительно моложавый и энергичный для своих лет, он и в разговоре отличался мягкой тактичностью, за которой угадывалась твёрдая внутренняя воля. Прошло немало времени, прежде чем мы по-настоящему подружались, и он заказал мне свой портрет. Я написал его в окружении воплощённых им персонажей, выбрав их сам. Он согласился с моим выбором и охотно позировал, всё более воодушевляясь от сеанса к сеансу, увлечённо рассказывал эпизоды своей жизни, демонстрируя балетные па.

- Ты был награжден золотым дипломом и медалью Дягилева. Я знаю, что ты работал над почтовыми марками Монако, связанными с темой балета.

- Когда я был приглашён в 2005 году к созданию почтовых марок Монако, первой моей работой стал блок из шести марок посвящённый Залу Гарнье – Опере Монте-Карло. Именно здесь в 1911 году Дягилев основал труппу «Русский балет», ставшую легендарной. Получилось символично. Выпущенный накануне торжественного открытия Зала после реставрации, этот блок был подарен почётным гостям, приехавшим на интронизацию князя Альбера II.

Затем последовала марка к 150-летию Филармонического оркестра Монте-Карло. Это была сложная композиция из музыкальных инструментов и архитектурных фрагментов, по сторонам с четырьмя портретами князей Монако, покровителей оркестра.

В марке к 200-летию французского поэта Теофиля Готье, вышедшей в 2011 году, я подчеркнул его авторство либретто «Жизели», изобразив летящую фигуру балерины. Увеличенное изображение этой марки удостоилось чести быть выставленной в Филателистическом музее Парижа.

С «Русскими сезонами» связано и имя французского композитора Клода Дебюсси, автора музыки к балету «Послеполуденный отдых фавна». На марке в его честь, вышедшей к его 150-летию, я изобразил Фавна со свирелью.

А осенью прошлого года я выполнил проект марки Монако к столетию постановки дягилевского балета «Весна священная» на музыку Стравинского. Она выйдет в мае этого года.

Так тема балета сопутствует мне по жизни.

Взглядывая назад, я сам удивляюсь, в моей жизни я чувствовал творческих людей, вся жизнь которых была посвящена России, которые её беззаветно любили, и всю жизнь работали для её славы, и которые волею судьбы были вынуждены работать вне России. Так случилось и со мной.

Моя встреча с театром, с миром балета, расширила горизонт моей жизни, обогатила творческий опыт, подарила незабываемые впечатления. Я навсегда благодарен артистам, которых я видел на сцене, с которыми мне посчастливилось работать, и тем, с которыми мне не довелось встретиться лично, и тем, кто оставил по себе нетленную память, вдохновляющую воображение.

- Я прочла в книге отзывов твоей выставки - режиссёр Кристиан Лемасон написал: «Художник смог поднять свет. Он нас поднимает своим светом по ту сторону реальности. Его живопись – это движение». «Художник, который удивляет».

- Надо ещё многое успеть сделать. Замыслов много.

Беседу вела Майя ШВАРЦМАН

Живопись

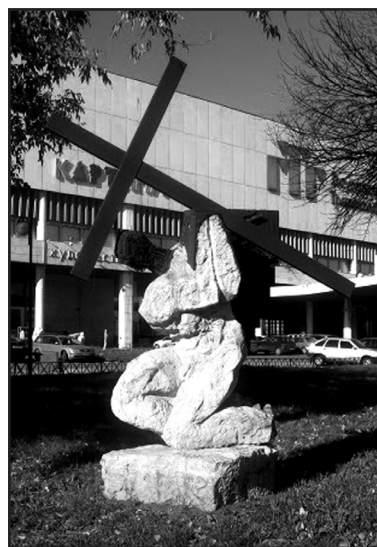
ПАМЯТИ МАСТЕРА...



Скульптор
Алексей Григорьев
1949 г. – 2002 г.



Вот уже 10 лет нет с нами замечательного российского скульптора и графика Алексея Григорьева. И мне, как другу семьи художника, сегодня хотелось бы вспомнить, рассказать, каким он был, как творил, что оставил после себя для нас. Но прежде чем начать рассказ, напомним о его своеобразной «визитной карточке», о работе, которую знают или хотя бы однажды видели многие. Перед Выставочным залом Третьяковской галереи на Крымском Валу в Москве, в самом центре, фактически открывая коллекцию парка «Музеон», стоит полная драматизма монументальная скульптура, являющая собой полуабстрактную, высеченную из камня, сторбленную фигуру человека с тяжелой ношей – металличе-



ским крестом на спине. Это – одна из самых известных работ Григорьева «Крестный путь». Вторая, наиболее известная работа, это – монумент, воздвигнутый в Москве, возле Музея Сахарова, одновременно с таким же – в центре Берлина, выполненный в соавторстве с Даниэлем Митлянским в начале 1990-х. Монумент представляет собой фрагмент Берлинской стены, который «пробивают» летящие бабочки, символизирующие идею свободы...

Алексей Григорьев родился 1949 году, в Курске, в семье творческой интеллигенции. Отца практически не знал. Воспитывали его бабушка и мама. Бабушка, Анна Григорьевна, получив классическое образование, какое было принято в семье известных промышленников, банкиров и меценатов Поляковых, преподавала историю античности в городском университете. На средства родного дяди Анны Григорьевны в своё время был создан греческий зал Музея Изящных искусств (ГМИИ им. А.С.Пушкина), который ранее именовался «Поляковским». Мама, поэтесса Надежда Адольфовна Григорьева, входила в круг самых известных поэтов «шестидесятников»...

Раннее детство художника пришлось на сложные послевоенные годы. Но даже тогда в доме неизменно царила атмосфера творчества, велись беседы об искусстве, литературе». Всё это впитывало сознание юного художника. Он с детства любил читать, обладал уникальной памятью. Прекрасно зная поэзию, множество стихов декламировал наизусть. Обучаясь музыке, умел играть на пяти музыкальных инструментах – скрипке, вио-

лончели, фортепиано, гитаре, банджо. Благодаря бабушке Алексею рано начал изучать историю и античную мифологию. Среди друзей семьи, в окружении его матери всегда были хорошо образованные, неординарные, но при этом очень разные люди. Это были и специалисты-физики, приезжавшие на работу в Обнинск, и такие известнейшие литераторы, как А.Тарковский, Н. Коржавин, Ф. Искандер, А. Битов и др. Безусловно, всё это влияло на формирование личности Алексея Григорьева. Исключительно повезло ему и с персональными педагогами. Английский он учил с переводчиком Тацита Георгием Кнаббе, биологию – с известным советским генетиком Тимофеевым-Ресовским, а уроки словесности Григорьеву давал, никто иной, как сам Фазиль Искандер. Уже будучи взрослым человеком, он умел излагать сложные в интеллектуальном отношении вещи просто и точно, был невероятно эрудирован, прекрасно разбирался в истории искусства. Алексей хорошо знал Библию и легко рассуждал на религиозные темы. Свободно владея английским, немецким и французским языками, он, благодаря знанию латыни, понимал и объяснялся так же на итальянском и испанском. С детства формировались у Григорьева и собственные предпочтения в искусстве. «В числе любимых мастеров он выделял Пикассо, Родена, Мура, Бурделя, любил искусство европейского Средневековья, древнего Крита, греческую архаику», – писала об Алексее Григорьеве искусствовед Е. Картамышева. Однако, наряду с благоприятными факторами, особым образом повлияли на его формирование и тяжёлые невзгоды, выпавшие на долю семьи. Алексей Григорьев был человеком, отличающимся повышенной восприимчивостью, впечатлительностью, тревожностью своего душевного склада. В его мировосприятии постоянно присутствовал некий трагизм, преломлявший реальность. «Ад – это другие люди», – любил повторять Григорьев, перефразируя Ж.-П. Сартра. Все эти обстоятельства, как позитивные, так и негативные, легли в основу концептуально-тематической платформы искусства Алексея Григорьева. Мифология и любовь стали не только средствами постижения реальности, но и, как признавался сам Алексей, средством для обнажения трагизма человеческого бытия, основной идеей самовыражения художника в скульптуре и графике. Сам себя художник так же отождествлял с мифологическим персонажем, сравнивая труд Сизифа с трудом скульптора... «Мифология помогает ему не только проникнуть в смысл жизни, но и осознать видовую сущность искусства скульптуры. Выводит на дорогу философских обобщений, без которых невозможно представить подлинного ваяния...», – писал об Алексее Григорьеве историк и теоретик искусства Никита Махов. Сам же Алексей говорит о попытках уйти в мифологию так: «Миф ... предельно краток, сжат и монументален. Сюжет его прост, страсти бурлят, развязка трагична. Полутонов мало. Состояния героев полярны: жизнь, любовь, смерть, борьба, поражение, победа»....

Говоря о становлении художника и скульптора Алексея Григорьева, следует сказать, что свою первую художественную школу он закончил в Обнинске, где прошло его детство. Затем он поступил в Московский педагогический институт им. В.И. Ленина. Там, ещё в студенческие годы, к Григорьеву и пришло признание. В 1972 году, за год до окончания института, Алексей Григорьев начинает выставляться, а в 1976 году становится членом Союза художников России. Его работы экспонируются как на республиканских, так и на международных выставках. Тогда же он начинает активно заниматься графикой, иллюстрировать книги. В его оформлении выходит книга «Стихи для детей» Даниила Хармса, французские романы, сборники немецкой поэтессы Аннегрет Голин, стихи Бродского, романы Андрея Платонова «Котлован» и «Чевенгур», книги стихов и мемуарный роман его матери «Кураж», а так же книга бабушки Анны Григорьевны Поляковой «Записки беспартийной».

В 70-ые Алексей Григорьев знакомится и с крупнейшим московским скульптором Аделаидой Пологовой, дружба с которой становится «лучшей школой из всех, в которых он учился». Начав с мрамора, гранита, алебаstra, он прошел большой творческий путь — от классицизма к минимализму, от гипса — к металлу. Дуализм духа и плоти, взаимодействие и борьба материалов и их форм — это то, что становится



основой его авторского метода. В своих работах он использует различные сочетания металла, камня, гипса и дерева. В 90-ые художник уезжает в Германию, где осваивает аргонную сварку металла. В отличие от камня новая техника сварного металла формирует неровную поверхность — шероховатости, зазубрины, впадины и заострения, дающие возможность дополнительного самовыражения, подчёркивающие драматизм его мировосприятия. Невероятное трудолюбие, непрерывный рост мастерства и, как результат, настоящая виртуозность в искусстве скульптуры, позво-

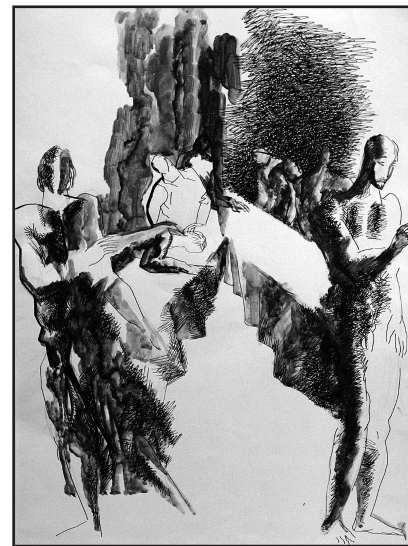
лили ему встать в ряды самых почитаемых скульпторов своего времени. «Для меня процесс возникновения скульптуры выглядит так — сначала кусок металла в пространстве, потом металл, становящийся иероглифом. И ещё это — постоянная борьба», — говорил Григорьев, показывая свои раны на руках. Ведь, мастерская была по сути сварочным цехом. Таким, с трудно заживающими ожогами, уставшим до апатии, тревожным, но при этом беспрестанно иронизирующим над окружающими и над самим собой, запомнила его и я... Это моё воспоминание относится к маю 2002-го. В ноябре того же года Алексея Григорьева не стало. К лучшим скульптурным произведениям этого автора относятся: «Меланхолия», «Сизиф», «Вавилонская башня», «Венера», «Метафизика», «Крестный путь», «Св. Себастьян», «Пьета», «Флейтист», «Кентавр» и многие другие. В настоящее время работы Григорьева находятся в собраниях Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, Государственной Третьяковской галерее, Центральном музее современной истории, Курской

картинной галерее, музее истории г.Обнинска, в государственных и частных собраниях. Работы скульптора можно увидеть в Уфе, Нижнем Новгороде, Тюмени, в некоторых парках на Украине.

Произведения Григорьева были и в центре Ташкента, но они утрачены — их разрушили исламские экстремисты. Немало работ украсили города и парки Германии, хранятся в музее Дома Чек Пойнт Чарли Фридрихштрассе.

В разных городах периодически организовываются вернисажи. Значительная часть скульптур, около 50 работ, в своё время и заложившие основу парка «Музеон» в Москве, и по сей день украшают его газоны. В Обнинске, городе, где вырос художник, в конце этого года планируется открытие парка скульптур, для закладки которого семьёй художника будет передано в дар городу 25 его работ.

Конечно, Алексей Григорьев, прежде всего, прославился, как скульптор. О его графических работах известно гораздо меньше. А между тем, обширная коллекция графики Алексея Григорьева хранится в его семье, в доме, где живут жена и дети художника, и насчитывает более сотни рисунков, созданных им в разные периоды жизни. В большинстве своём это — эротическая графика, рисунки, в основе которых мифологические и библейские сюжеты. Композиционно его работы строго подчинены монументальному принципу — выразительные чёткие позы, крупные фигуры героев. Они будто втиснуты в формат листа и, передавая сильнейшее напряжение, определяют энергетику картин. Огромное влияние на Григорьева оказало переосмысление образов Пабло Пикассо — многочисленные листы посвящаются образу минотавра, как демону зла. Образ женщины, взаимоотношения мужчины и женщины, изображение коитуса так же занимают в графике Григорьева особое место: «Я против отрицания биологического в человеке, как ни сильна при этом может быть и любовь. Но любовь чаще всего оказывается лишь иллюзией, и так на всю жизнь иллюзией и остаётся»... Такая точка зрения была тесно связана с глубокими психологическими комплексами художника. Это выглядело парадоксально: обладая невероятным обаянием, не попасть под которое у окружающих дам попросту не было шансов, этот человек почему-то считал, что не пользуется популярностью у женщин. Особенно красноречивое свидетельство тому — его рисунок «Без названия», навеянный Тулуз-Лотреком и являющийся по сути автопортретом... Зато женщина для Алексея Григорьева всегда «на пьедестале». В ней часто угадывается что-то общее с портретами женщин Модильяни, и почти в каждой из поздних работ просматривается силуэт его жены — верной музы последних лет жизни художника. Именно жена, всей своей жизнью будто опровергая иллюзорность любви, является по сей день не только хранителем наследия, но и основным пропагандистом искусства Алексея Григорьева, инициатором его выставок, последняя из которых — выставка малой скульптуры и графики — с успехом прошла в конце 2012 года в Москве, в Галерее А3 на Арбате на радость ценителям искусства и поклонникам выдающегося мастера.



Марина ВИКТОРОВА

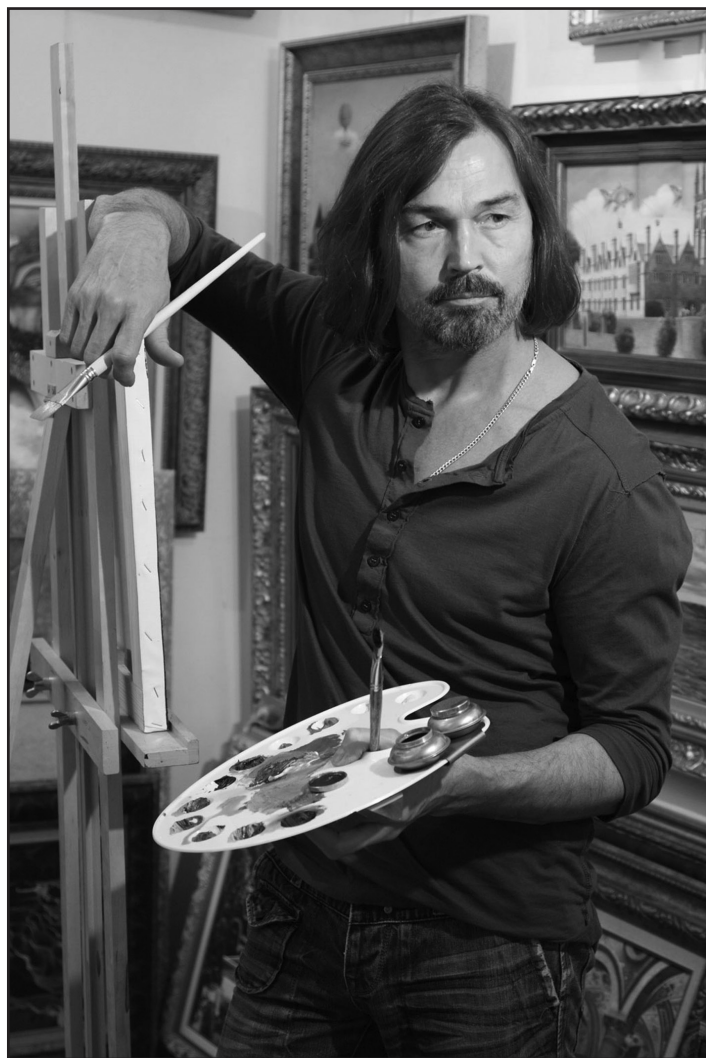
Никас Сафронов

о лошадином рае

На Востоке о человеке, занимающемся единоборством, говорят, что он мастер боевых искусств. В среде современных мастеров русских художников, или как их еще называют – мастеров изобразительных искусств, Никас Сафронов – уже гуру. За свою творческую жизнь Никас собрал все пояса, если бы ими оценивали мастеров в изобразительном искусстве так же, как в боевых искусствах Востока. Однако Никас не занимается подготовкой и обучением своему ремеслу молодого поколения, а самоотверженно занимается творчеством. Знаменитый художник охотно делится своими впечатлениями о поездках по миру, о своих удивительных приключениях. Его рассказы настолько интересны и настолько образно ощутимы, что зачарованные слушатели сами отслеживают эти истории с участием Никаса по прекрасным портретам мастера, соприкасаясь с огромным кругом людей, с которым сводила судьба известного художника, и которые мы с большим удовольствием демонстрируем нашему читателю. Читатели по достоинству могут оценить не только великолепную технику исполнения портретов российского художника, но и круг его общения. Но нашу редакцию в этом модном художнике и удивительном человеке заинтересовало отнюдь не человеческое общество, с которым он неким образом соприкасается, в том числе и через его портретную живопись, а отношения Никаса Сафронова к иным существам.

Именно такой материал нам предоставила Светлана Савицкая.

Учредитель Сергей Пашков



Международный Биографический Центр г. Кэмбриджа называет Никаса «Лучшим международным художником 2004 года» и присуждает ему почетное звание «Живая Легенда», американский Биографический институт присуждает ему звание «Человек года 2004» с последующим включением его имени в энциклопедию «Ведущих интеллектуалов мира в раздел «Гениальная элита», а в 2005 г. его имя появляется в Мировой книге Знаний и за выдающийся вклад в современное искусство Никас награждается «Алмазом Да Винчи». В Москве создается Благотворительный фонд имени Никаса Сафронова. Его цель - создание условий для развития искусства, поддержка талантливых молодых художников и деятелей культуры, возрождение художественных учебных заведений, музеев, иконописи, реставрация произведений, находящихся в запасниках музеев.

- Говорят, у людей есть место, куда лучшие попадают после смерти... Есть ли рай у лошадей? И опять же, есть ли ад?

- Конечно есть. Лошади очень близки человеку, и поэтому их рай должен находиться рядом с раем людей, а возможно, и в том же самом месте. Если следовать буддистской философии, по которой люди в прошлой жизни были животными, то скорее всего лошадьми стали самые лучшие из них.

- Все ли в своей жизни вы сказали о лошадях? И, если бы вы попали привратником в рай лошадей, и вам бы ничего, кроме палитры, не предложили, то какими бы их изображали? Как баталист Марк Домашенко – воинственными? Как романтик Веласкес – роскошными? Как философ Гонсалвес – четырёхмерными? Как-то ещё?

- Человечными. Лошади также переживают всю гамму эмоций, свойственную людям, они плачут, страдают, грустят, смеются. Но их чувства при этом более тонкие, искренние и глубже. Я бы подолгу смотрел в их глаза, большие, темные, бездонные, манящие и таинственные. Если бы я оказался привратником с палитрой в лошадином раю, я бы обязательно в первую очередь писал их глаза, так как в глазах заключена душа лошади, а рай, как мы знаем по литературе, - вместилище душ, где даже чахлая крестьянская лошада может оказаться прекрасней английской скаковой.

- Наиболее любимая порода?

- Ахалтекинская. Я люблю эту породу за осанку, возвышенность, утонченность, изящество, как художника меня очень привлекает скульптурность и отточенность форм, графичность силуэта с изящным изгибом шеи и длинными ногами с очерченными сухожилиями. Ахалтекинцы - древнейшая порода лошадей и самая прекрасная. При взгляде на неё в нашей памяти проносятся тысячелетия истории человечества, и ты понимаешь, почему у многих народов именно лошадь была олицетворением божественного начала.

- Случалось ли писать ахалтекинца с натуры, и как это было?

- Да, в Дагестане. У моего друга есть конюшня, я был у него в гостях, давно, еще в 90-х и писал по его просьбе одну из лошадей, как раз ахалтекинской породы. Это была кобыла совсем светлая, розоватая, кажется масть называется изабелловая, у неё была очень тонкая кожа и при свете солнца она казалась прозрачной. Я был тогда поражен красотой этого животного. Внимательный взгляд, наостроенные уши, трепетные ноздри.

- Среди работ Никаса Сафронова есть кентавры. В чем единение человека и лошади?

- Человек и лошадь были близки во все времена, лошадь встречается в мифологии всех без исключения народов мира, именно благодаря им, по многим легендам, и существует наш мир, где они возят небесные колесницы богов, или же сами являются символом солнца. Также у них лошадь часто являлась олицетворением Неба и Земли. В буддизме лошадь представляется как нечто нерушимое, вечное, а для древних славян небесная лошадь была символом солнца. Судьбы человека и лошади в древнем мире так сильно были переплетены, что человек и лошадь сливаются в одно целое, например, в образ кентавра.

В моих работах есть не только кентавры, но и просто люди с головами лошадей. Этих существ, конечно придумал не я один, а и в индуистской мифологии их называли киннарами, небесными музыкантами и певцами, у Шекспира есть персонаж с головой осла. Но я в эти образы вкладываю другой смысл, более близкий философии писателя Свифта, они становятся олицетворением благородного разума.

- С чем связано появление ахалтекинцев на некоторых работах Сафронова?

- Многие мои работы выполнены в стиле символизм, полны образов и смыслов, которые зритель должен сам расшифровывать. Лошадь появляется на этих полотнах с глубоким символическим подтекстом, естественно, я изображаю идеальную лошадь, а идеальная лошадь, в моем понимании, и есть лошадь ахалтекинской породы.

- Чему надо научиться людям у лошадей?

- Всему, что свойственно человеку: преданности, любви, трудолюбию. Тут стоит вспомнить Гулливера, в последней части романа он попадает в страну благородных гуингмов. Слово гуингм означает «совершенство природы». Гуингмы – это лошади, правящие в этой стране, само воплощение благородства, доброты и разума. У них в рабстве находятся «йюху» - злобные, агрессивные, похотливые, лживые твари, в которых легко узнать человека. Так что у лошадей нам есть чему учиться.

- Во сне снились лошади?

- Неоднократно. Лошади снятся очень часто. И целые табуны, и одинокие лошади, легкие тонконогие арабские лошади и тяжелые массивные владимирские водовозы.

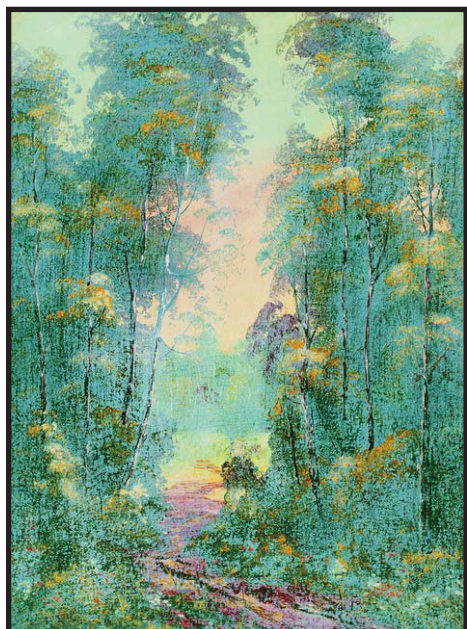
- Художников, кому удается правильно передать характер и динамику движения лошади – единицы. Кто из них самый любимый?

- Делакура, его лошади динамичные, неистовые, трепетные, полные энергии и силы. Английские художники были подлинными мастерами в изображении лошадей, лошади Ван Дейка с мощными крупами и лоснящейся шерстью служат своеобразным пьедесталом для всадника, у англичан даже есть поговорка, что человек на лошади вдвойне человек. Стаббс — классик конной живописи. Есть еще малоизвестный французский художник-анималист Карл Верне, он кстати был учителем Жерико, его лошади стройные, длинные, полные движения, настороженные, внимательные, и очень разнообразные по характеру, манерам и породам. Из русских художников, мастером «лошадиной» живописи был Сверчков, ему очень точно удавалось передать и особенности экстерьера лошади и черты характера.

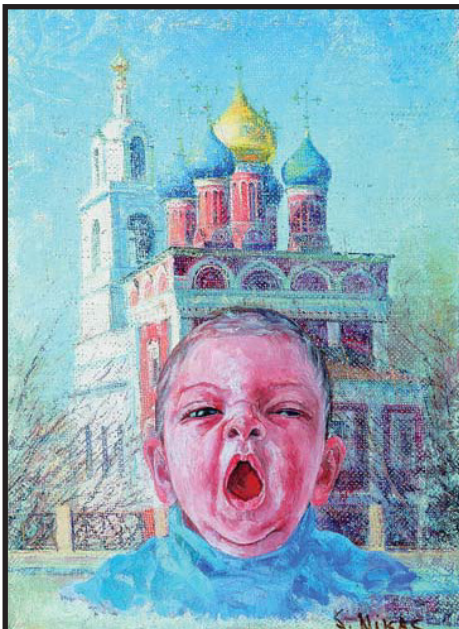
- Наиболее приятные ощущения при общении с лошадьми?

- Какая-то робость, стеснительность и трогательность. И конечно их необычный взгляд, глаза, которые завораживают, и которые полны глубоким смыслом. Если человек доверяет своей лошади, то она никогда не подведет, поэтому лошади самые близкие человеку животные на протяжении всей истории человечества. Удивительный факт, что даже во время чумы, которая часто свирепствовала в средневековой Европе, люди, которые работали с лошадьми, не болели этой болезнью.

Беседу вела Светлана Савицкая



Дорога в лесу. 1983



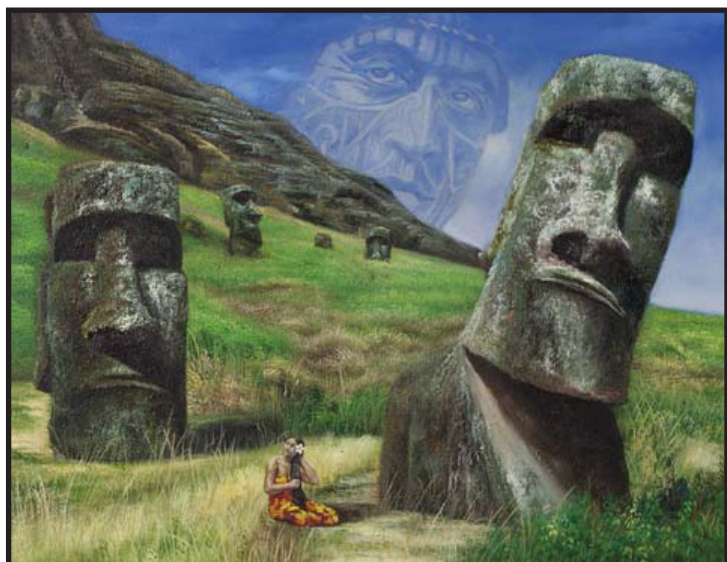
Утро моего сына в Москве. 1993



Брюсов переулок. Вид из моего окна. 2011

Воспоминания о Париже,
когда родился кордебалет. 2012

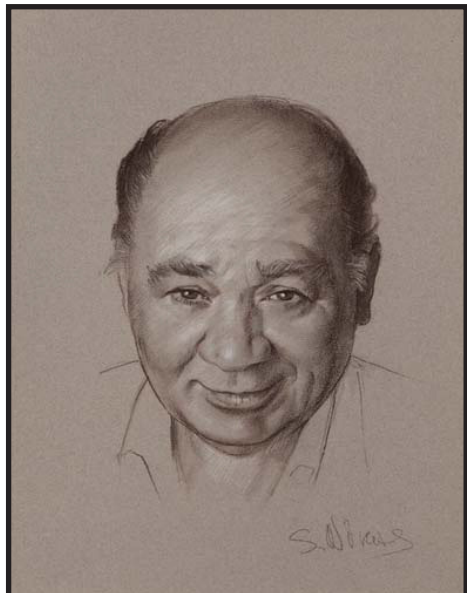
Легкость бытия или иллюзия танца. 2009



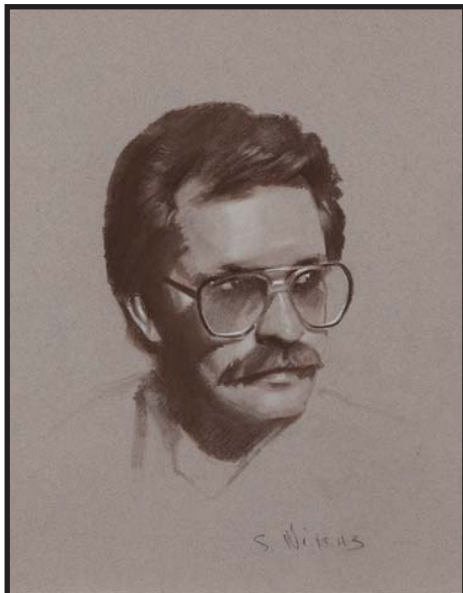
Остров Пасхи



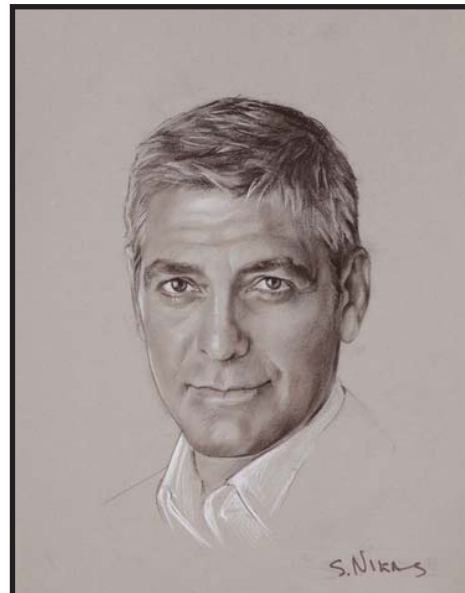
Америка. 2011



Евгений Леонов. 1993



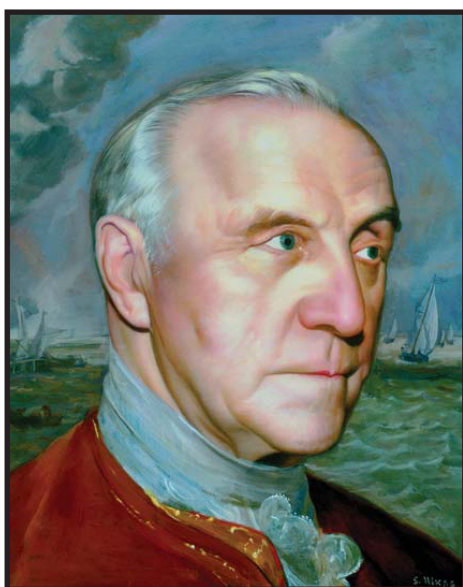
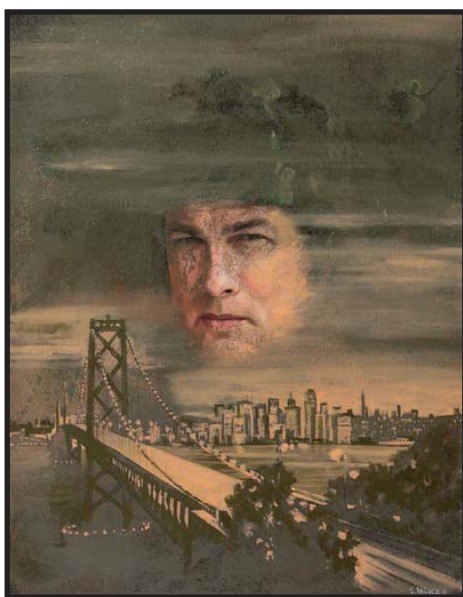
Влад Листьев. 2012



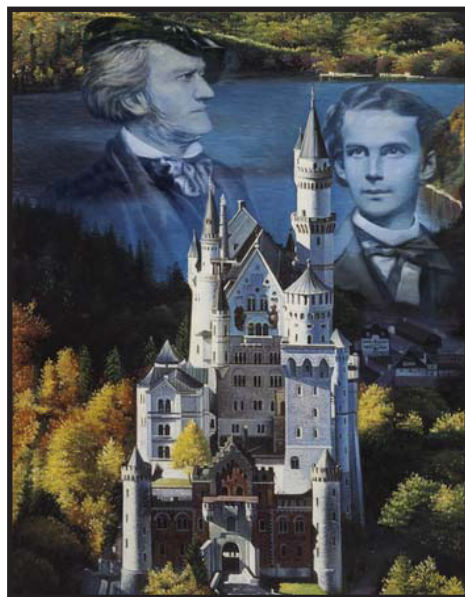
Джордж Клуни. 2011



Очищение. 2011

Воспоминание
о героях-романтиках. 2009Воспоминание о Брейгеле или
Сюрреалистический взгляд
в историю искусств. 2010Летнее противостояние
или Вечер на море. 2011

Стивен Сигал. 2010



Посвящение Людвигу II Вагнеру. 2012

Облеченные божьим доверием блистательная семья художников Траугот

Вообще-то фамилия Траугот переводится несколько иначе: «Доверяющие богу». Но, зная историю этой замечательной творческой семьи, в которой каждый, от мала до велика, был, есть и навсегда останется человеком неповторимого, ни с чем и, ни с кем несравнимого ярчайшего дарования, невольно задумываешься о том, что сам Бог доверил этим людям нести сквозь десятилетия неугасимый огонь прекрасного. Практически уже целый век мы с вами имеем счастливую возможность наслаждаться работами этих замечательных художников, оставивших свой след и в книжной графике, и в фарфоровых изделиях, и в живописи, и даже в советской рекламе, а также (да-да) в игрушечном и упаковочном производстве! Многие вещи, даже не книги, а просто коробки, игрушки, окружавшие нас в советские времена, принадлежали изобретательному перу кого-либо из семьи Траугот.

Наиболее известными широкой публике, конечно, являются: отец - Георгий Николаевич Траугот и оба его сына - Александр и Валерий Георгиевичи, чьи имена и составляют знаменитую аббревиатуру Г.А.В., ставшую уже петербургским книжным брендом. Но и жена Георгия Николаевича - Янова Вера Павловна, и оба ее брата - Константин и Николай Яновы тоже были художниками, правда, по ряду причин, куда менее известными. Воспитанник же Веры Павловны и Георгия Николаевича - потерявший родителей в войну друг и сверстник их сына Александра - Михаил Войцеховский - в советские времена был одним из самых успешных из первых рекламных художников. Но! Давайте все же по порядку, пока вы совсем не запутались.

Георгий Николаевич Траугот, отец звездного семейства, родился 16 февраля 1903 года. Учился он с 1921г по 1926г во ВХУТЕМАСе (ныне - Академии Художеств). Курс был очень сильный, в рисовальных классах сидели вместе: Кустодиев-сын, Юрий Васнецов, Валентин Курдов, Василий Купцов. И преподавательский состав был блестящим: профессора - Беляев и Вахрамеев, Рылов, Матюшин. В этой творческой обстановке Георгий познакомился с весьма юным и чрезвычайно одаренным художником - Яновым Константином Павловичем. Вундеркинду было всего-то 14 лет, но ему прочили самое большое будущее. Молодые живописцы подружились, и вскоре Костя познакомил Георгия с любимой своей сестрой Верочкой, которая впоследствии, в 1930-м году станет его женой и матерью «звездных мальчиков» - художников Александра и Валерия Трауготов.

Уже после окончания института Георгий Николаевич стал активным участником творческого объединения «Круг художников» (1926 - 1932 гг), или как его еще называли Общество художников «Круг». Его члены ставили своей целью повышение профессионального мастерства на основе изучения традиций мирового искусства и стремились к отражению явлений современной действительности в формах станковой живописи и скульптуры. Данное сообщество начисто отвергало идею картины как агитсредства. В состав «Круга» из известных имен входили: А.Пахомов, А.Порет, А.Почтенный, А.Самохвалов, А.Ведерников, А.Русаков, Г.Неменова, Т.Купервассер, Н.Емельянов. С некоторыми из них семья Траугот общалась и сотрудничала



и впоследствии. В этом же объединении состояла и молодая художница Вера Павловна Янова, не имевшая фундаментального образования, но умеющая мастерски видеть и отобразить красоту и экспрессию момента.

Вера Павловна Янова родилась 21 сентября 1907 года в городе Влоцлавске Варшавской губернии. Училась на архитектурных курсах ЛИСИ. Став замужней дамой, эта потрясающего обаяния, красоты и изысканности женщина, образовала у себя дома, а точнее - в мастерской - творческий салон. Разговоры об искусстве, проходившие в ее кругу и имеющие немалое значение для развития ленинградской культуры, описаны философом Я. Друскиным, по замечанию которого, портретам, созданным Яновой, присущи «психологизм и эмоционализм, вообще западная современная философия и миросозерцание». Друскин пишет о Вере Павловне: «художник видит наготу человеческую, видит чувства». С этим нельзя не согласиться любому, кто видел работы Веры Павловны.

В довоенные годы Янова поддерживала дружеские отношения с графиком Владимиром Лебедевым, поэтом Даниилом Хармсом, а в послевоенное время семья Траугот занимала немаловажное место в кругу творческой интеллигенции, сохранявшей связи с искусством 1920-х годов. В этом дружеском сообществе находились, среди прочих, астрофизик Н. Козырев, поэт В. Кошелев, художники Н. Суевин, Т. Глебова, А. Лепорская, В. Стерлигов, П. Басманов, П. Кондратьев, А. Щекатихина-Потоцкая, Р. О'Коннель-Михайловская, Г. Епифанов.

Красавица Вера Павловна зачастую выступала и как законодательница мод - изобретала струящиеся кимоно, не сшитые нитками вовсе, а державшиеся на одних булавах, носила мужские шляпы и брюки... Рождение детей ничуть не помешало ей вести светский образ жизни, напротив, мальчики, появившиеся на свет с небольшим временным разрывом (Александр - вскоре после свадьбы,

в 1931 году и Валерий в 1936 году), гармонично вошли в салонную жизнь, украсив и разнообразив ее. Обоих своих сыновей Георгий Николаевич с малого детства приучал к рисованию, и способности к этому виду творчества обнаружились у братьев очень скоро. Когда Георгия Николаевича спрашивали: «Как дети?» - он отвечал: «Работают». Его собственное трудолюбие поражало современников: он считал, что работать по 18 часов в сутки нормально для художника, «иначе он просто лентяй». И до сих пор у старшего сына, Александра Георгиевича Траугота осталась эта привычка – он даже телефонную трубку не берет до 22-х часов – работает!

В войну семья была разлучена – Георгий Николаевич был отправлен на фронт военным художником; младший сын Валерий был вывезен сначала в Ярославскую, затем в Тюменскую область - в эвакуацию. А несчастной Вере Павловне со старшим сыном Александром, которому на тот момент было всего десять лет, довелось хлебнуть горя в блокадном Ленинграде. Александр Траугот рисовал всю блокаду. Его рисунки, совсем не детские - бесценное свидетельство жизни осажденного города. Отец, Георгий Николаевич, как только появилась возможность, вместе с письмами стал присылать сыну бумагу для рисования в больших конвертах.

После войны, счастливо выжившая семья воссоединилась, и младшие ее члены уже стали полноправными участниками художественных проектов – пройдя суровую военную школу, мальчики рано состоялись и как личности, и творчески. Казалось, все ужасы и невзгоды позади, впереди только радость и успехи - раз - и перед звездной семьей сейчас раскроются все двери ... Но случилось непредвиденное: в 1946-м вышло постановление ЦК ВКП (б) с унижительным разгромом творчества Ахматовой и Зощенко. Это был удар по всей творческой интеллигенции. Георгий Николаевич один из всех присутствующих на собрании ленинградского отделения Союза художников воздержался от голосования за резолюцию ЦК партии. Тогда ему припомнили разговоры о несостоятельности идей соцреализма в искусстве. Телефон замолчал, все боялись общения с опальными художниками, не бросили только самые близкие и верные друзья и родственники. В 1948 году Александра Траугота и Михаила Войцеховского (который уже был взят Трауготами на воспитание) исключили из Художественной школы за «дурное влияние на учащихся», то есть за независимость взглядов. А все потому, что неразлучные сверстники имели смелость высказывать вслух свое мнение по любым вопросам, а по вечерам катались на велосипеде с одним колесом – моноцикле - вокруг Александринского столпа. Кстати, Александр Георгиевич Траугот в свои восемьдесят лет и до сих пор легко проделывает этот цирковой трюк!

Круг любящей и творческой семьи, несмотря ни на что, держал на плаву, помогал пережить невзгоды. Александр и Михаил занялись скульптурой, и впоследствии, по настоянию влиятельных московских художников, познакомившихся с работами смутьянов, их восстановили в художественной школе и выдали дипломы об окончании. Но в Академию художеств ни того, ни другого так и не приняли - кто-то из преподавателей сказал: «Они мне весь курс перепортят».

Первая масштабная совместная работа триумвирата Г.А.В. Траугот – большой иллюстрированный альбом «686 забавных превращений» вышла в 1956 году. Всего ху-

дожники участвовали в иллюстрировании более 200 книг: сказки Ганса Христиана Андерсена (переиздавались 17 раз, а общий их тираж превысил три миллиона), «Сказки матушки Гусыни», «Волшебные сказки», «Синяя Борода» Шарля Перро, «Кубинские сказки», «Сказки Камбоджи», «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Наука любить» Овидия, «Золотой осел» Апулея, «Лунный свет», «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Сказки Гауфа» и многие, многие другие потрясающей красоты книги для детей и взрослых.

В конце концов, все перипетии с властью утряслись, работы было много – и скульптура, и живопись, и книжная графика, и мелкая пластика, кроме того пришла настоящая известность. Казалось, судьба во всем пошла им навстречу. Но 28 сентября 1961 года Георгий Николаевич выехал из дома на велосипеде полюбоваться вечерним закатом и не вернулся. Его сбил грузовик, нелепо и непоправимо. В память о своем отце, учителе и коллеге по цеху, братья Траугот все последующие иллюстрации посвящали ему, и продолжали подписывать работы аббревиатурой Г.А.В.

Так делает до сих пор единственный оставшийся в живых Александр Георгиевич Траугот. Младший брат его, Валерий Георгиевич Траугот, ушел из жизни 5 октября 2009 года – невосполнимая потеря для художественного мира, учитывая еще и тот факт, что Валерий Георгиевич более сорока лет возглавлял секцию графики Союза художников Санкт-Петербурга, плотно работал с «ДетГизом», состоял в попечительских советах многих художественных ассоциаций нашей страны, помогал молодым художникам.

На всероссийских конкурсах Александр и Валерий Трауготы получили более 30 дипломов, 14 из них – первой степени. Выставки художников проходят: в России – ежегодно, а также в Германии, Италии, Чехии, Словакии, Польше, Японии, Франции. Работы братьев Траугот находятся в музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Архангельска, Петрозаводска, Вологды, Иркутска, Красноярска, Рязани, Калининграда, а также за рубежом: в музее Андерсена в Оденсе, в Японии, Германии, Чехии и др., во многих частных коллекциях в Европе, США, Израиле.

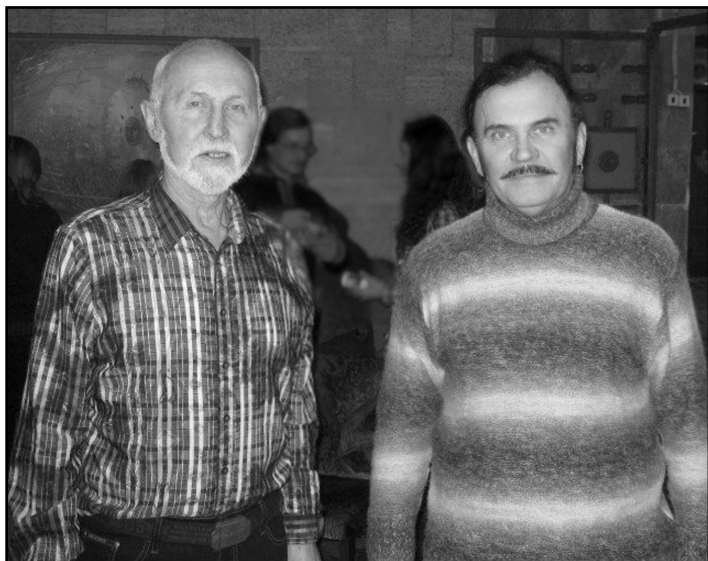
Александр Георгиевич Траугот вместе с Михаилом Владимировичем Войцеховским в прошлом году справили восьмидесятилетние юбилеи. Работают они в сказочно-красивой мастерской на Петроградской стороне. Жена Александра Георгиевича – французская художница по тканям Элизабет, приезжает к нему по два-три раза в год. Периодически в Париж летает и сам Александр. Но оставаться там насовсем не хочет – так много еще незаконченного на любимом поприще – не обойтись художнику без Ленинградского Фарфорового Завода, где создает он волшебные сервизы, расписанные фигурами сказочных персонажей, и без издательства «Вита-Нова», забрасывающего Александра новыми идеями, требующими воплощения. Недавно, кстати, вышла у них совместная уникальная книга – стихи Василия Львовича Пушкина, проиллюстрированные Александром Георгиевичем – более семидесяти авторских работ! Не обойтись ему без любимого города, без родной с детства Петроградской стороны, без музыки дворцов и мостов...

И нам не обойтись без вас, дорогой Александр Георгиевич! Какое счастье, что наследие вашей семьи живет в книгах, картинах, скульптуре, и еще многие поколения смогут восхищаться уникальностью ваших работ!

Екатерина АСМУС

Михаил Толстых.

Художник и мыслитель



Михаил Толстых (справа) и Юрий Топунов, декабрь 2012, г. Херсон

Порой мы часто задаём себе вопрос: а почему современный мир так странно, чтобы не сказать извращенно, воспринимает искусство? И как не будем биться над ответом, не сможем понять, пока не осознаем простой истины: иначе люди и не могут воспринимать то, что им предлагается в виде потребительских продуктов массовой культуры под общим названием искусство.

Прежде всего, следует уточнить, что в терминах «искусство» и «массовая культура» заложено основное смещение понятий, уводящих сознание человека от понимания «творчества» и «культура». А если быть уж совсем точными, то это даже не смещение понятий, а их подмена, подобная тому, как шулер из рукава извлекает нужную ему карту. Итак, понятие искусства можно без мудрствований лукавых определить, как искус или искушение человека кем-то, чтобы добиться от него определенных действий, направленных на выполнение тех или иных задач, необходимых искусителю. То есть, в той или иной мере, это манипулирование свободным сознанием, дабы подчинить его своей воле. А вот творчество, в противовес искусству, и есть тот самый процесс, которым Художник (художник, поэт, писатель, музыкант...) участвует в продолжении Акта Творения. Но его, увы, постоянно подменяют термином «искусство», подталкивая тем самым творческие личности к работе на благо мира потребителей или, если вам так будет понятнее, Искусителя.

И второе, понятие массовая культура в своей основе противоре-

чит собственно понятию культуры, смысловое определение которой дал в свое время Николай Константинович Рерих – культ света. Таким образом, искусствоведы через Средства массовой информации, навязывая понятие массовой культуры, осознанно или нет, вводят нас в заблуждение, таким образом, тоже манипулируя нашим, тобиш общественным, сознанием. Вот тогда и становится понятно, почему, что и как...

Чем больше знакомишься с творчеством Михаила Толстых, тем больше возникает вопросов. Например, а что Художник хотел сказать в той или иной картине или почему он применил такие, скажем, сказочные образы для изображения вполне современных социальных явлений? Но когда задаёте ему вопросы, то ответы, звучащие из уст Михаила, приводят вас в удивление, настолько всё очевидно, что первые ощущения непонимания и растерянности исчезают. Холсты художника напоминают исследовательскую лабораторию, в которой он изучает нашу цивилизацию, процессы в ней происходящие, человеческие пороки и великие находки и постижения человечества.

Михаил Толстых, это Художник, картины которого заставляют нас задуматься о судьбах Мироздания и о той роли, которая отведена в нём человеку. Его творчество не укладывается в прокрустово ложе современных требований к искусству, так как искусством, как таковым, и не является. Ибо это Творчество, - творчество художника, идущего по высокому Пути продолжения Акта Творения.

P.S. Цветные картины Михаила Толстых можно будет увидеть на обложке нашего журнала «Интеллигент. Избранное» №3)

Юрий ТОПУНОВ



Художник: для Бога и кармана

Отметины для бога, или Искусство и его инфузориятуфельковость

Вот уже много лет по велению фамилии он «прожигает» жизнь дизайном. Юрий ПРОЖОГА немногословен и крайне редко дает интервью. Для него комфортней и гармоничней быть в творческом процессе, наедине с собой. Он создает сайты, оформляет книги, рисует карикатуры, пишет картины, снимает фоторепортажи, участвует в выставках. Он член двух творческих союзов России, объединяющих фотохудожников и журналистов. Но парадокс состоит в том, что Юрий не считает себя никем из них.

Виною тому, может, врожденная скромность, а, может, философский склад ума. Бесспорно одно: мой собеседник — личность творческая и многогранная. Наш разговор сегодня об изобразительном искусстве, которое переживает непростые времена.

Вердикт «религиометра»

— Во сколько лет вы осознали себя карикатуристом?

— Еще в детстве одноклассники выпрашивали мои рисунки. Но осознание еще не пришло. Я не карикатурист ни в коем случае! Я кто-то другой.

— Тщетно отпираться. Ваши работы в этом жанре есть и в книгах, и в Интернете, в частности на авторском сайте prozhoga.ru. Впрочем... посмотрим шире. В чем предназначение художника, на ваш взгляд? Какова цель творчества?

— Мне нравится такое определение: «Человек с предназначением художника обладает врожденной способностью гармонизировать окружающее его пространство, приводя его в соответствие с образами духовного мира». Но иногда в голову приходят слова Меламида: «Все искусство, начиная от Джефа Кунса и кончая Кинкейдом, — одна из религиозных систем, и несчастные, которые потеряли веру в бога, начинают поклоняться этой чепухе, искусству». Если объединить эти мысли, получится, что у художника одна цель: созидай, молясь.

— А в жизни какой философией руководствуетесь?

— Прошёл на днях тест «Религиометр» и с удивлением обнаружил, что на 73 процента я буддист. Теперь мне понятна тяга к японскому языку и восточным единоборствам. Одним словом, моя жизненная философия — медитация.



Юрий Прожога, член Союза журналистов и Союза фотохудожников России, художник, аниматор, дизайнер, веб-дизайнер, директор веб-студии «Курган дизайн».

— Что противопоставлено художнику?

— Пить алкоголь, ругаться матом, убивать ближнего своего...

— Бродский утверждал, что к иронии прибегают из трусости. Будучи карикатуристом, вы согласны с этим утверждением?

— Известное стихотворение Бродского «Представление» насквозь пронизано иронией:

Это — кошка, это — мышка.

Это — лагерь, это — вышка.

Но Бродский трусом не был. Он имел ввиду то, что иронии тут недостаточно. За свои «тараканы ущища» Осип Мандельштам заплатил жизнью. Если социальный карикатурист боится власти, то он не рисует. Значит, его нет вовсе.

— Вам нравятся собственные рисунки, созданные много лет назад?

— Один из ста. Может, ещё один... И, пожалуй, всё.

— Что правильнее: любить себя в творчестве или критически относиться ко всему, что делаешь?

— Критика — лучший друг. Но, по большому счёту, и то и другое не помешает, если ты хороший художник.

Самодостаточность в карманах

— Как думаете: карикатура определяет время или есть иные критерии?

— Вспомним историю. Карикатура в первый раз была применена как средство борьбы с врагом. Мартин Лютер создал серию «Папство». Во времена Тридцатилетней религиозной войны между католиками и протестантами карикатура особенно ожесточилась. В период Французской революции — тоже. После прихода к власти Наполеона она вновь попала под запрет. В России все началось с лубка. Потом Пётр I предписал установить контроль за картинками, высмеивающими лиц Царствующего дома. А жестокая цензура при Николае I окончательно убила сатирическую остроту. Период расцвета русской карикатуры приходится на эпоху Александровских реформ. В СССР в жанре карикатуры работали Кукрыники (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов), Б. Ефимов и многие другие художники. Издавались многочисленные карикатурно-сатирические журналы как центрального, так и республиканского уровней. Время определяет, какой быть карикатуре и быть ли ей вообще. Нынче попробуйте нарисовать что-нибудь «поперечное»...

— Попробуйте вы.

— Легко! Прямо сейчас могу. Потом вместе посмеёмся. Только... по разные стороны забора.

— Понятие «провинциальность искусства» имеет сегодня место?

— Для меня провинциальность искусства начинается тогда, когда в Российской академии искусства живописи учат китайцев, а преподает им кореец.

— В артсреде есть мнение, что истинный художник не ищет взаимодействия с людьми, он самодостаточен...

— А как люди догадаются, что он художник? Художник не дурак, ему нужны слава и деньги. Ему нужно светиться, где только можно. Самодостаточность его должна вываливаться из карманов! Ему больше нечем зарабатывать.

— Удивительный ответ, особенно, если учесть, что на это интервью я уговаривала вас более двух лет... А как определить, эволюционирует художник или наоборот?

— Если вслед за формой возникает образ, значит художник эволюционирует. Он должен иметь внутренний культурный запас, книжки читать, желательно классику. Иначе как же ему эволюционировать? Но, с другой стороны, прочитай сто лучших книг — и у тебя изменится сознание. Наверняка, профессию сменишь.

— Прежде чем взяться за карандаш, ждёте вдохновения или ритм жизни не позволяет этого делать?

— Вдохновение всегда со мной. Вдохновение — это желание творить. А ритма жизни я не чувствую. У меня на мониторе всё тихо, спокойно, пасторально. Полянка, солнышко...

Меня тоже укусили...

— Что происходит сегодня с изобразительным искусством? Поставьте диагноз.

— Трудно оценить всю картину происходящего, настолько всего много. Но основные мысли таковы: размытость, массовость, рыночность, мелкота и деструктивность. Все рисуют картинки, пишут тексты, но никто не делает Искусство, не создаёт Литературу. Первое, что бросается в глаза, это разрыв с классикой, с академизмом. Сейчас трудно найти человека, умеющего писать академические портреты. Среди тысяч членов Союза художников едва ли наберётся десяток таких. Потеряно базовое мастерство. Второе — это мутный посыл «к зрителю», как я его называю. То есть настолько сложна мысль в работе автора, что её никто, даже сам автор не способен расшифровать. Потеряна конкретность мышления. Соглашусь с Мерабом Мамардашвили, который говорил: «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно».

И с Кантом — «у человека обширнее всего сфера смутных представлений».

Третье — это легковесность искусства, его несерьёзность, банальность, инфузориотуфельковость. Показательный пример — фототворчество. Сейчас в мире миллиарды доморощенных фотохудожников снимают триллионы одинаковых фотографий. Собственно, фотоискусство этой массовостью себя само убило. То же самое и в литературе. Миллионы блогеров решили, что они писатели. Нас окружают зомби от искусства, которые тянут к нам свои ручонки, пытаясь заразить. Здоровых всё меньше. Оглянитесь: вон, опять кому-то голову снесло...

— А себе можете поставить диагноз?

— Я здоров... был до недавнего времени. Но тоже уже укусили. Я полузомби — ничего не понимаю в современном искусстве.

— Что посоветуете бездарностям?

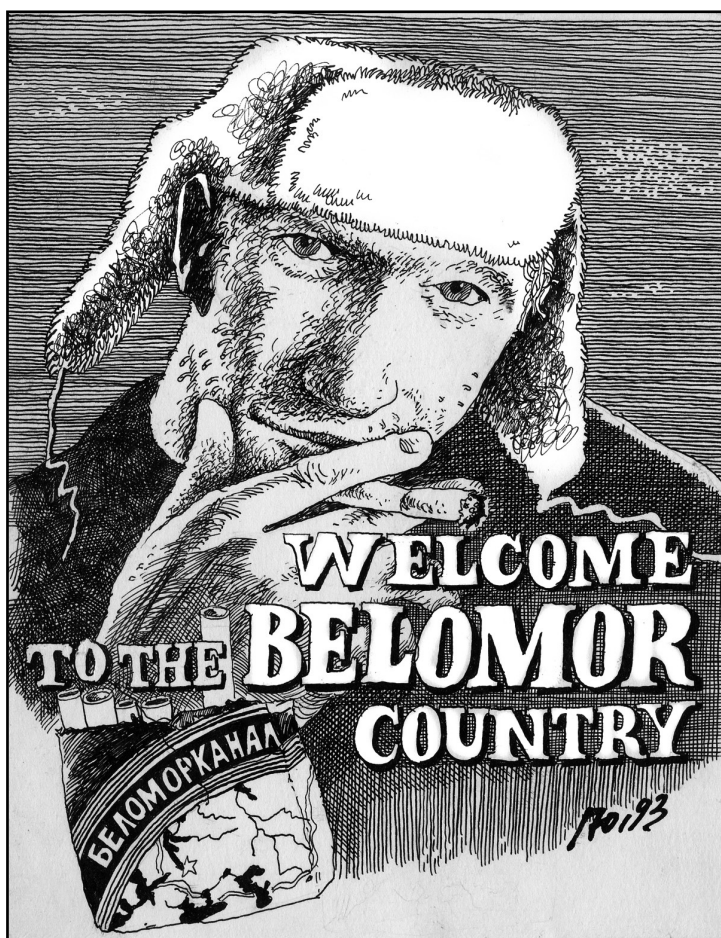
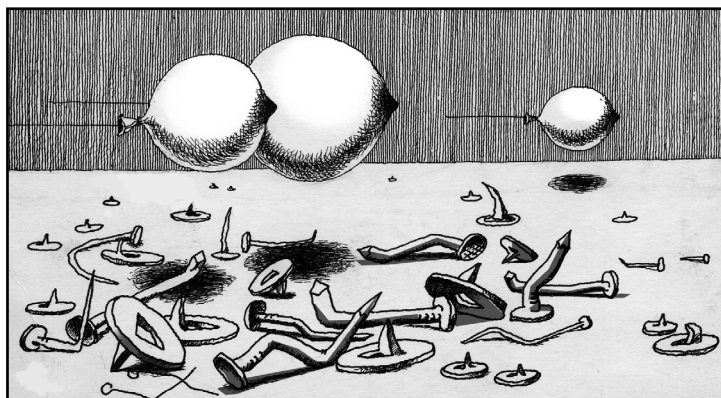
— На свет никто бездарностью не появляется. Бездарностью становятся с годами, когда забывается текст последней тобою прочитанной книжки. Если в голове перестают рождаться фантазии, значит, там стало пусто. Значит, дар утрачен.

— Дождёмся ли нового Ренессанса? Нужен ли он человечеству?

— Ренессанс наступит, когда люди начнут мыслить глобально. Сейчас они мыслят мелкими категориями. Ренессанс, конечно, нужен. Только он даёт возможность почувствовать, что по-настоящему красиво, а что безобразно. Ренессанс — это отметины в культурной истории, проставляемые человечеством для Бога. Вот, мол, смотри, не зря Ты нас создал.

Татьяна Строганова
Рисунки Юрия Прожоги

Рисунки Юрия Прожоги



Одесский акцент Аркадия Львова

С Аркадием Львовичем Львовым (Бинштейном), я познакомилась в студии русскоязычного канала RTV в Нью-Йорке, где он с увлечением готовил к эфиру новую историческую передачу. Беседуя с ним, я даже не сразу поняла, что этому энергичному обаятельному человеку с озорными глазами уже стукнуло восемьдесят пять. А чуть позже узнала, что передо мной – человек энциклопедических знаний, известный во всем мире писатель, автор многочисленных книг, один из выдающихся представителей еврейской эмиграции в США, который в разные годы дружил и общался с самыми замечательными людьми своего времени по обе стороны океана.

В следующий раз мы встретились в Москве, где Львов был проездом из Одессы. Разговор сложился интересно: Аркадий легко переходил с русского языка на украинский, много шутил, порой вставляя крепкое словцо, читал наизусть стихи, показывал публикации разных лет на иностранных языках.

Чувствовалось, что пребывание в родном городе порадовало и воодушевило писателя. Связь с Одессой у него не прерывается: Аркадий Львович старается бывать там по возможности чаще, говорит, вдохновение там особенное, неповторимое, за океаном такого не встретишь... Через полмира он привез мне собрание своих сочинений об Одессе, чтобы поделиться личным восприятием родного города. Литературные зарисовки Львова об Одессе неповторимы, они живые, наполнены уникальной атмосферой, своеобразным юмором, тонкой печалью. По всему видно, что автор не просто любит свой город, но и знает практически все о его истории, культуре и, конечно, об одесситах.

Аркадий Львов – человек мудрый, с большим жизненным опытом, людей читает, как открытые книги. Мы поговорили с ним о человеческом предназначении, особенностях жизни по обе стороны океана и причудах литературной судьбы.

- Аркадий Львович, расскажите, пожалуйста, о семье, в которой Вы родились.

- Мои предки в девятнадцатом веке приехали из Регенсбурга, из Баварии. До революции они продолжали общаться со своими родственниками в Германии. Поэтому здесь их считали немцами, кстати, я тоже неплохо говорю по-немецки. По другой линии мои родные происходят из Австро-Венгрии. В молодости я был голубоглазым блондином. От еврейской среды у нашей семьи было определенное отчуждение, поскольку за «своих» нас не всегда принимали. Мать ходила в синагогу часто, отец примерно раз в год. Но в моих жилах течет древняя еврейская кровь. Уже в зрелые годы, глубоко интересуясь историей, я провел интересное исследование. В Торе есть эпизод, повествующий о противостоянии разных колен Израилевых, результатом которого было много жертв. Так вот, представители колен Дана и Завулону как раз были белоголовыми светлоглазыми людьми, что расходится с привычным стереотипами восприятия. После проведения в Германии специального демографического исследования, выявились удивительные подробности:



процент евреев среди местных голубоглазых блондинов был гораздо выше, чем немцев! Некоторые даже сомневались, нужно ли обнародовать такие факты, но правда восторжествовала. Нам всем нужно глубже изучать собственную историю, чтобы узнать больше о себе и принять друг друга такими, какие мы есть, вне зависимости от внешних признаков.

- Как Вы выбрали для себя писательскую стезю? Что на это повлияло?

- Литература – доминанта моей жизни на всем ее протяжении. С самого детства я очень много читал, интересовался книжными новинками, с удовольствием проводил время в библиотеке, меня тянуло к книгам. В моей жизни было несколько важных авторов, повлиявших на мое формирование, среди них – Анатолий Франс, историки Теодор Моммзен и Василий Ключевский, философ Спиноза, мудрец Маймонид. Из исторических фигур для меня до сих пор Александр Македонский остается абсолютной загадкой, над которой бьюсь десятилетиями. Я всегда отличался хорошей памятью и легко мог воспроизвести наизусть не только отрывки произведений, но и многие даты, чем нередко вводил в смущение друзей и серьезных ученых.

Иногда я сочинял стихи, очень легко, как будто они приходили в голову и ложились на бумагу сами под чью-то диктовку. Фантастику начал писать тоже в детстве, под влиянием книг Герберта Уэллса. Позже дружил с

Аркадием Стругацким и получил теплый отзыв на мою первую книгу фантастических рассказов. Я всегда чувствовал наличие в окружающем мире необычного, иррационального компонента, неоднократно в моей жизни случались необычные ситуации. Так я стал интересоваться психологией, устройством мозга, категорией времени, много размышлял о природе человека, контакте с высшим разумом.

Всю жизнь работаю над темой родной Одессы. Первые три книги романа «Двор» увидели свет в Вашингтоне, Париже и Мюнхене, только потом – в России. За этот роман я получил несколько престижных литературных премий. Но я начисто лишен честолюбия, так что я просто рад, что мою книгу приняли в разных странах. Для меня это очень большой и важный труд в жизни, при этом, я написал еще далеко не все, что должен.

Также за эмигрантские годы подготовил и написал десятки эссе о писателях – И.Бродском, И.Бабеле, М.Светлове, Э.Багрицком, книги о Б.Пастернаке и О.Мандельштаме...

- Как состоялись Ваши первые публикации в СССР?

- На заре моей писательской карьеры, когда меня еще почти не печатали, я неожиданно оказался в редакции газеты «Правда». Причем, попал туда мистическим образом: брел, печальный и никому не нужный, поздним вечером через всю Москву к друзьям на Ленинградский проспект, проходил мимо здания, в котором располагалась редакция. Несмотря на позднее время, я зачем-то зашел и сказал вахтеру, что мне срочно нужно в отдел литературы. Тот безмерно удивился, но куда-то позвонил и вскоре я уже входил в кабинет к Андрею Борисовичу Лукину, заведующему отделом литературы, постоянному редактору М.А.Шолохова. Он в полночь еще трудился над выпуском газеты – такие были времена. Мы замечательно поговорили, он прочитал мои произведения и рассказал о них Константину Симонову. Он, высоко оценил рассказ «Суд», попросил прислать еще прозу. Так мы познакомились и стали общаться. Именно он был одним из тех, кто, наряду с Б.Полевым и В.Катаевым, рекомендовал меня к вступлению в Союз писателей. О своих впечатлениях от наших встреч и бесед я написал в очерке «С Симоновым наедине».

- Ваш отъезд из СССР был вызван обвинениями в «антисоветской» и «сионистской» деятельности...

- История это многолетняя. В студенчестве по рукам ходили мои стихи о Сталине, однозначно попадавшие под определение совершенно «антисоветских». Когда в 1946 году на собрании в Одесском университете, где я учился на историческом факультете, решали, что со мной делать, варианта было два: просто исключить или к тому же передать мое дело в КГБ. Помню, как во время голосования люди, среди которых были мои друзья, просто глаз не поднимали. Диплом я получил только в 1951.

Позже, после обвинений в создании сионистского подполья в Одессе, меня неоднократно таскали по коридорам и подвалам комитета, допрашивали, открыто называли врагом, перестали печатать, а потом и вовсе изымали из библиотек мои книги. Пережив это, я спокойнее отношусь ко многому в мире, перестал бояться. Важную роль в том, что меня не посадили, сыграл Константин Симонов – фигура по тем временам очень влиятельная.

А уехал я, когда угроза ареста стала абсолютной реальностью – в 1976 году. С помощью моего друга, актера Михаила Водяного (Вассермана), поклонником которого являлся один из высоких чинов, мне срочно сделали американскую визу.

- Чем Вы занимались в эмиграции?

- Я достаточно быстро устроился работать на радио «Свобода», провел восемь тысяч программ на русском и украинском языках. Готовил авторские литературные передачи, обзоры книг. Любопытно, что, работая там, я столкнулся с тем, что у эмигрантов, сотрудничающих с радиостанцией, сохранились прежние, как я называю, - «советские», страхи, они боялись озвучивать вслух свои суждения, еще и меня одергивали, что я на себя слишком многу беру. Это то, чего я вообще не мог понять: кто мог запретить мне свободно доносить до людей мою позицию, в том числе, и по еврейской теме? Я по природе своей не склонен к идеализациям и апологетике, не признаю обмана как компонента общения, считаю нужным открыто высказывать свою позицию, из-за чего страдал многократно. Например, после знакомства с Михаилом Сергеевичем и Раисой Максимовной Горбачевыми, я был приглашен в Москву на конференцию. Заполняя анкету участника, в графе «тема доклада» написал: «Перестройка как мыльный пузырь». После этого на мои звонки организаторы просто перестали отвечать...

- Как Вы работаете над масштабными произведениями, такими, как роман «Двор»?

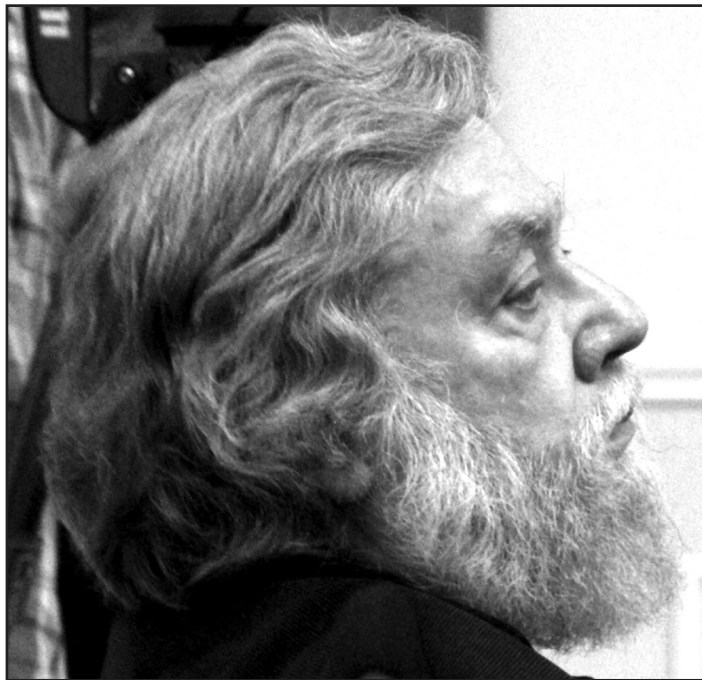
- Мне необходима полная концентрация, глубокое погружение в образ, переживание всех ощущений персонажа. Только так возможна предельная точность передачи информации. Порой такой эксперимент ставит автора на грань жизни и смерти, можно и не выйти из параллельного пространства, я сам это на своей шкуре почувствовал, когда однажды чуть не преставился вместе с одним из героев. А корни языка в крупном произведении – всегда в живой народной речи, ее многоголосии. Вот моя соседка в Одессе говорила: «Не чешите себя надеждой, а то волосы дубом встанут!» Ну как можно такое придумать?! Без понимания характерности языка разных персонажей нет писателя, как и без его глубокого личного опыта переживаний и впечатлений.

- В США Вы живете уже тридцать шесть лет. Как Вы себя ощущаете там?

- Многие мои друзья, коллеги, любимые уже ушли в мир иной. Иногда кажется, что в Америке я полностью отчужден, оторван от современной жизни, живу прошлыми воспоминаниями. Как говорил мне с улыбкой в свое время Леонид Утесов, «не помню, что ел на завтрак сегодня, но в 1905 году...» Моим самым близким другом в последние годы стала собака, йоркширский терьер. Я почувствовал, что между человеком и животным создается особая аура понимания. Удивительно, но книги были главной страстью моего питомца, он старался всегда улечься среди них и так отдыхал. Обратите внимание на собачий взгляд: в нем бездна человечности! Фунтик меня многому научил, принимая и любя таким, какой я есть. Сейчас живу один и посвящаю все свои силы и время работе: готовлю четвертую книгу главного произведения моей жизни – романа «Двор», которая скоро увидит свет.

Наталья ЛАЙДИНЕН

Владимир Алейников: «От разбоя и бреда вдали»



– Начнем с ваших первых стихотворений. Помните ли вы самое первое, начальные шаги в поэзии? В каких условиях вы писали, чем, на чем?

– В детстве, когда мне было семь или восемь лет, на Украине, в Кривом Роге, написал я свои первые стихи. Летом 1954 года, на Кавказе, когда я впервые увидел море, стихи появились вновь. Наверное, от изумления перед раскрывающимся миром. Некоторые строки помню до сих пор. Позже, в школьные годы, я всюду писал прозу – фантастику, приключения. Рисовал. Занимался музыкой.

Стихи пришли в 1960 году. Сами. В 1961 году писал я и стихи, и прозу. Писания мои были наивными. Но необходимость выразить всё, что меня переполняло, в слове – оказалась огромной. Весной 1962 года я участвовал в конкурсе, объявленном Домом Учителя, и получил первую в жизни премию, за стихи. Вскоре, в городской газете, появилась первая моя публикация стихов. Я познакомился с молодыми криворожскими поэтами. Да и сам осознал себя – поэтом. Писал я тогда постоянно. Стихи мои становились всё лучше. Я это понимал.

Осенью 1962 года в наш город приехал Микола Винграновский, выдающийся украинский поэт, на мой взгляд – наиболее значительный, после Павла Тычины. На встрече с ним, в редакции газеты, я почитал тогдашние свои стихи. Винграновский сказал мне очень серьезно: «Если бы я в шестнадцать лет писал такие стихи, какие пишете вы, я считал бы себя гением». Наша группа молодых поэтов была очень яркой. В ней был я самым младшим по возрасту. Мы часто виделись, читали друг другу стихи, обсуждали их. Это была хорошая школа. Другам показывал я примерно треть написанного.

Начали меня печатать в украинских газетах. В 1963 году, в период хрущёвских гонений на формализм, на наше поэтическое сборище пришли киевские литераторы, поэт и критик, послушали, что мы читали, а с утра отправились прямиком в горком партии, с доносом. Появились разгромные статьи в газетах. Начались неприятности. Но в дальнейшем всё как-то обошлось, заглохло. Молодые поэты были тогда – нужны.

И в начале 1964 года меня пригласили участвовать в совещании молодых литераторов Приднепровья, на котором стихи мои произвели фурор. Меня уговаривали приехать в Киев, учиться в университете, обещали помощь. Но я уехал в Москву. И поступил на искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Осенью 1963 года я довольно долго жил в Москве – и познакомился со многими интересными и даже замечательными творческими людьми, которым благодарен я, за их внимание ко мне и за их понимание. С теми из них, которые живы, дружу я и сейчас.

Особого желания знакомиться со знаменитостями у меня не было. Но к Андрею Вознесенскому я, семнадцатилетний, всё же пришёл. Он вскоре сказал мне: «Володя, вы очень талантливы. Приходите ко мне в любое время. Вам я всегда рад». И я мгновенно понял, что показывать ему стихи больше не надо. Мне всегда была дорога независимость. К тому же, в те времена, у меня уже были свои читатели и слушатели. Их мнение о моих писаниях было чрезвычайно важно для меня. Писал я стихи – и пишу – всегда от руки, и в тетрадях, и на отдельных листах бумаги, в любых, даже самых сложных условиях. В прежнюю эпоху – перепечатывал тексты на пишущей машинке, и они расходились в самиздате. Ныне – перепечатываю тексты на компьютере.

– Если можно, о СМОГе. Какова была роль тех или иных людей в его создании?

– Осенью 1964 года был я уже известен в Москве. Подружился с поэтом Леонидом Губановым. Я говорил ему, что надо создать группу талантливых единомышленников, сплотиться. Идея СМОГа была – моей. Губанов – придумал слово. СМОГ. Пароль, девиз, клич. Знак поколения. Было это в январе 1965 года. СМОГ – аббревиатура. Смелость, Мысль, Образ, Глубина. Позадиристее – Самое Молодое Общество Гениев. СМОГ – это я и Губанов. Все остальные – потом. Народу в СМОГе было множество. Надо выделить Юрия Кублановского, Аркадия Пахомова, Сашу Соколова, Арсения Чанышева, Николая Бокова, Александра Морозова.

Содружество наше было пёстрым, разношёрстным. Губанов любил «примагничивать» к себе людей. Вот и тянулись к нам всякие оглоеды. Это меня раздражало. Стадность мне противна. Я всегда был сторонником творчества, но вовсе не многолюдного бурления. Некоторые малоприятные субъекты норовили втянуть СМОГ в политику. Ничего хорошего в прежние времена это не сулило. Странно, что и ныне о СМОГе часто пишут, как о группе правозащитников, а вовсе не о содружестве творческих людей. Это недоразумение давно пора прекратить. В СМОГе главным и важнейшим было – творчество. Со временем случайные люди отсеялись. Но появились в нашем кругу, а вернее – в моём кругу, потому что у Губанова были свои соратники, а у меня свои, – новые друзья. В СМОГе, помимо поэтов и прозаиков, участвовали и художники. Власти – норовили разгромить наше содружество. Неприятностей и сложностей у меня было столько, что не хочется о них говорить.

Но СМОГ наш – существует и сейчас. Потому что мы, те, кто выжили, выстояли, те, кто сумели состояться как творческие личности, всегда находимся под знаменем СМОГа. К сожалению, многих друзей нет уже на свете. Но мы, живые, продолжаем работать. Раньше мои тексты широко расходились в самиздате. Четверть века меня не издавали на родине. Публикации появлялись только на Западе. Меня изгоняли из МГУ, потом восстанавливали. Пытались заманить в созданные при союзе писателей секции по работе с молодыми поэтами, приняли туда без всякого

конкурса. В феврале 1966 года устроили мой вечер в Доме литераторов, на котором один пылкий деятель заявил: «Кого мы видим перед собой, товарищи? Мы видим нашего молодого советского гения!» Но на публикации моих текстов на родине был наложен запрет. И меня вполне устраивала моя известность в самиздате.

Травили меня долго, изощрённо, а порою и жестоко. У меня семь сотрясений мозга, которые мне устраивали, нередко — после моих чтений стихов на людях. В семидесятых годах целых семь с половиной лет я скитался по стране, бездомничал. Голодал, перебивался случайными заработками. Но всегда, в любых условиях, упрямо работал — писал свои тексты. Стихи мои — были нужны людям. И в различных городах находил я и приют, и понимание. Превенная эпоха была орфической. Стихи прекрасно воспринимались современниками с голоса. Я часто, охотно читал стихи в различных аудиториях. Приходилось работать — в экспедициях, в школе, грузчиком, дворником, в редакции многотиражной газеты, и так далее. Нет особой нужды перечислять все эти должности.

Когда у меня появилась семья, надо было как-то зарабатывать — и я писал передачи для радио, стихи и сказки для детей, писал внутренние рецензии в нескольких издательствах. Потом, в начале восьмидесятых, занялся переводами поэзии народов СССР. Это меня выручило. Такой мой статус власти вполне устраивал. Иногда мне казалось, что я всю жизнь буду кого-то переводить. Я стремился к тому, чтобы переведённые стихи жили в стихии русской речи. И переводил хорошо. Выходили сборники моих переводов, постоянно появлялись публикации в центральной периодике, в союзных республиках. Ко мне стояла очередь национальных поэтов, желающих, чтобы их стихи перевёл именно я. Но в 1990 году заниматься переводами я прекратил. Слишком уж много своего вкладывал я в эти тексты.

В период перестройки понемногу начали публиковать мои стихи, вышли три моих сборника стихов, изуродованные цензурой, и никакой радости эти издания не принесли. Но вот настала пора свободного книгопечатания. Груз написанного за долгие годы тяготил меня. Друзья хорошо это знали. В начале девяностых вышли, наконец, в подлинном виде, мои большие книги стихов.

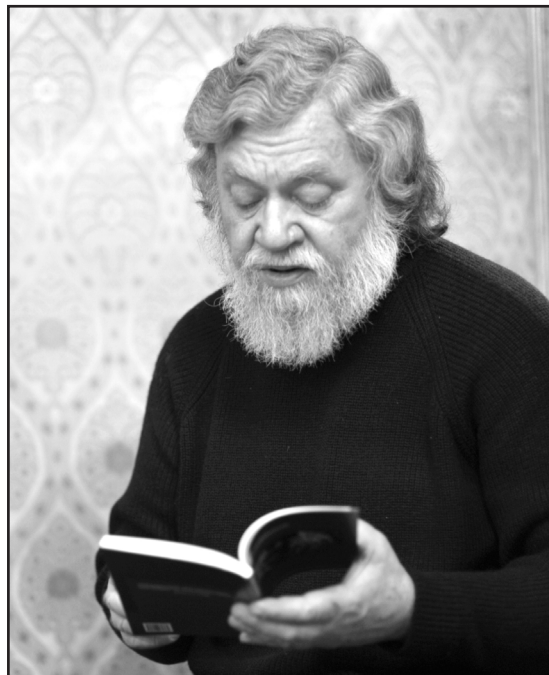
С 1991 года живу я в основном в Коктебеле — и очень много работаю. Здесь, помимо стихов, пишу я свою серию книг прозы «Отзывчивая среда» — о былой эпохе, о людях этой эпохи, моих друзьях и соратниках по нашему андеграунду. Это вовсе не простенькие воспоминания, а проза поэта — свободная, ассоциативная, со своей полифонией, с особым движением речи. В начале нового века снова начали выходить мои книги прозы и книги стихов. Появились журнальные публикации. Никаким пристроиством своих писаний сроду я не занимался. Всё получалось как-то само собою. Точно так же образовывались и различные литературные премии. В Москве я бываю редко. В Коктебеле — живу затворником. Работа — панацея от всякой всячины. Именно в ней — спасение, для меня.

— В вашей новой книге, есть очень интересные главы о «трех Наташах». Можно ли кратко сказать об этом? И об Арсении Тарковском?

— О своей новой книге не буду рассказывать, потому что она ещё не издана. Среди «трёх Наташ» — Наталья Горбаневская и Наталья Светлова-Солженицына, давние мои подруги, с которыми я дружил в шестидесятых. Арсений Александрович Тарковский в конце 1965 года помог мне восстановиться в МГУ. Он уже тогда высоко ценил мои стихи.

— Владимир, вы живёте в Коктебеле, Москва — более для кратких приездов. Как вы стали жить в этом удивительном месте, с какими замечательными людьми оно вас сблизило, что для вас Коктебель?

— В Коктебеле я впервые оказался в мае 1964 года — и сразу понял, что когда-нибудь буду здесь жить. С тех пор бывал я в Коктебеле часто. Я хорошо знал Марию Степановну Волошину, дружил с Марией Николаевной Изергиной. Знал и других людей круга Волошина. В Старом Крыму — знал Нину Николаевну Грин, поэта Григория Николаевича Петникова, председателя Земного



Шара, друга Велимира Хлебникова. Коктебель — благословенное и благодатное место. Здесь — небывалая, светлая энергетика. Здесь жив — дух.

— Ваши произведения замечательны. С полным основанием вас называют гением, великим поэтом. Это выражается и в огромном творческом наследии, во все новых и новых книгах. Что вы скажете об устройстве этого особого мира ваших стихов?

— Я пишу более пятидесяти лет. И создал свой мир, живой, границы которого всё разрастаются. Слава Богу, многие достойные люди это понимают. Среди нынешних литераторов я иногда чувствую себя инопланетянином. Вся наша прежняя неофициальная поэзия, проза, живопись, музыка — это другая планета, разительно отличающаяся от всего разрешённого, официального. В мой мир — надо просто войти. И жить в нём. Наверное, стихи мои — достаточно сложные. Но есть в них и только им присущие свойства. Я давно и твёрдо знаю, что мои стихи — помогают людям жить. О собственных писаниях слышал я и читал столько разных довольно высоких слов, что не вижу смысла кичиться этим. Людей за язык никто не тянул. Что считают нужным сказать — то и говорят. Сам я всю жизнь стараюсь, по своим возможностям, помогать хорошим, талантливым людям, и с публикациями, и добрым словом.

— По собственному опыту знаю, сколь различна технология написания стихов и прозы, и насколько они едины по своей сути. Ваша проза необычна, каковы ее особенности на ваш взгляд?

— Свои стихи и прозу я не разделяю. Проза моя такова, что это зачастую — поэзия. Как это получается — невозможно объяснить. Писания мои можно разделить на несколько творческих периодов. Нынче — новый период, со своими особенностями. Прежде всего меня интересует — речь, движение речи. Речь — «наше всё». Поэтому и взаимосвязаны мои стихи и моя проза, жанр которой пытаются определить литературоведы. В моей прозе есть — музыка. По своей структуре этой музыкальные, полифонические произведения. Поэтому своим учителем я считаю Иоганна Себастьяна Баха.

— И последнее — какие ваши книги выходят, что ждет издания?

— Знаю, что новые мои книги стихов и прозы будут изданы. Говорить о них заранее не стану. Книги пусть сами говорят за себя. Добрая половина моих писаний доселе не издана. Мне надо работать. Речь — живая вселенская материя. Постараюсь расширить её возможности. Всё остальное придёт потом.

Беседу с В.Д. Алеиниковым вёл прозаик и поэт М.И. Горевич (Михаил Микаэль)

Не просто Мария



МОСКВА ЗИМОЙ

Моя Москва разная: яркая, многоликая, жестокая, талантливая, новая. Этот вечно молодой гРАд не стареет. Собирает в теле своем лучшие умы РОСтА СИЯния - РОССИИ. Омолаживается из года в год новой кровью изысканных кРАсавиц. «ПриРАстает», как говорил Ломоносов, «Сибирью». Перемалывает многомиллионные жертвы, «не веря слезам», и только смелостью ее можно взять, профессионализмом, а еще... счастливой звездой. И когда бы вы не «шагали по Москве», весной или осенью — всегда удивит она, изменит настроение.

Особенно хороша зима. После обильного снега попробуйте выйти из метро где-нибудь в районе Сокольников, Новокосино или Полежаевской. Да пусть это будет хоть центр, где улица 1905 года. Забудьте про дела, сверните от проспектов и высоток, поглядывающих сверху неоновым всевидящим оком равнодушных реклам, к бывшим кряжистым коммуналкам. Вот где душа сможет обрести благодать!

Интересен Шмитовский проезд. Здесь не так шумно. Толстокожие исторические строения гасят голоса города. Притупляют замороченную усталость.

Хорошо.

Треглавые фонари в мохнатых треухах, тротуары, огороженные черными столбиками, соединенные сквозь сугробы массивными цепями — все это вводит в некий транс.

Проезд хранит тайны предательств и побед. Сам Смит, в честь которого был назван данный географический объект, был директором котельного и арматурного завода. После революции проезд переименован в честь директора мебельной фабрики Шмита, замученного в Бутырке и, якобы перед смертью завещавшего «все свое состояние партии большевиков»... Темные истории. Кто-то всегда царствует, а кто-то потом свергает. Уходят жизни. Остаются «песни, книги и города...»

На гроздьях рябин — шапки снега. Птички щебечут и пихаются у найденной корки. Их стайки множеством прошлых жизней привидениями появляются и также быстро исчезают.

Занятно читать вывески. Вот «...ыбный ресторан». А вот магазин «Мебель» с также потушенной первой буквой. Это «улыбает». Впрочем, как и «Всегда низкие цены на бытовую химию». Как я люблю Москву! В одном и том же проезде можно встретить и «Булочную» и «Хинкальную» и кафешку «Тибет» и даже какой-нибудь из индийских ресторанов: Шмитовский проезд славится «Хаджурао».

Ноги устают месить снег. Держат в постоянном напряжении наледи, образованные сливами крыш. Нос замерзает.

От холода пробуждается сознание. Вдруг вижу прошлое или будущее - открывается дверь, становится душно и тепло, а на встречу бежит очень красивая кошка с изумрудными огромными глазами и просится на руки...

- Ки-и-иса-а-а! – блаженно глажу я ласковое мурчащее животное...

Стоп!

Почему бы не сделать себе подарок и не попросить в гости к какому-нибудь местному философу? Как там у Дольского... «так и сидеть бы всю жизнь в тепле, пить чай с толкователем снов...»

НЕЧАЯННЫЙ ИНТЕРЕС

Что ж. Прекрасная идея. Где-то на Шмитовском проезде живет писатель Мария Арбатова.

Переговоры кратки. Созваниваемся.

Надо же, какой мелодичный голос. Женственный. Медовый. Немножко волшебный. Слышу его впервые в телефонной трубке.

Имя ее, как ключ, как некое заклинание разворачивает картинку первой встречи. Нет. Я не упиваюсь радио, и не видела ее лица по телевизору. Так случилось. Я далека от политических течений. И до 2012 года не открывала ее книг. Одним словом – не фанат. Искусственный псевдоним Арбатова, ставший «популярным и продаваемым» во мне вызывал лишь тусклую неловкую неприязнь. Но этим летом подтолкнули нас навстречу дружеские руки. Подтолкнули настойчиво. И поверив чужой доброй воле, я вошла сознанием «как нож в масло» в «Дегустацию Индии», а потом и вообще в некий феномен творчества, судьбы и жизни Марии Арбатовой.

Еще до встречи с нею, я была твердо убеждена – да, как писатель она интересна. Но как политик? То, что я не феминистка – знаю точно. Женщин-друзей в моей жизни – единицы. И сотни – друзей-мужчин.

Мое любопытство было минимальным и ленивым. Краем глаза пробежав по фото, предлагаемым Гуглом, я как-то не прониклась. И завела видео. С тем же эффектом. Плоский экран не давал объема. Нет. Интерес не возникал.

Лицом к лицу мы столкнулись на церемонии Золотого пера этого года.

- Я – Мария Арбатова.

- Очень приятно, – сказал вместо меня автомат, – проходите, присаживайтесь.

Но внутреннее «Я» искренне и глубоко удивилось. Дернулось. И опешило. Предо мною стояла редкой красоты женщина. Да что в ней было особенного? Да – ничего! Мелированные вьющиеся волосы с сединой. Пенджаби – индийская рубашка. Но проникновение несвойственной большинству женщин магической красоты было столь мощно и столь неожиданно, что я обернулась.

Это не та красота, которая давит с гламурных обложек отсутствием мысли. Это как настоящие французские духи с тремя элементами послевкусия. Они источают одновременно три аромата, три воздействия на три подсознания. Как три воды – живая, мертвая и святая. Мертвая – сращивает отрубленные головы, живая – возвращает жизнь и святая – дарит силу. А тут все в одном взгляде, как в одном флаконе!

- Ведьма, - подумала я, - настоящая!

Я уже тогда понимала, что общение неизбежно. Потом. Через какое-то время. А, может, оно уже состоялось не раз в многочисленных временных узлах прожитых жизненных лент.

И вот – Шмитовский проезд. И я иду в гости. Интересно, у нее есть кошка?

Уж тысяча раз говорено, что поэты не любят поэтов, а художники не любят художников, но зато любят художниц. Тут случай еще злее. Тут два писателя, и оба женского рода:)

Только я – жаворонок. А она – сова. Я могу творить только в белое время суток. Она – в темное. Встретиться решили на границе дня и ночи, а именно: вечером. Я уже теряя дневные силы, а она еще не проснулась до конца:)

Дом находится быстро. Но еще есть время просто подышать морозцем и пофотографировать заснеженные старые деревья.

К вопросу о фамилии. Московский Арбат, откуда сие название? Одна из версий – это «дорога, по которой едет арба», монголо-татары останавливались здесь, когда посещали Москву. Высокая двухколесная повозка была популярна с древности. Впрочем, она и сейчас не потеряла «тиражей» в некоторых странах. Рикши и по сегодняшний день возят пассажиров и товары на полуострове Индостан.

А псевдоним Марии Гаврилиной – Арбатова вырос из клички Маша с Арбатова, Маша Арбатская, в бытность его носительницы в сообществе хиппи. Потому, что ветви семьи, тянущиеся из Польши и Белоруссии, были расселены по арбатским переулкам с начала 20-го века. Даже сыновья Марии Петр и Павел успели родиться на Арбате, по которому ещё ездили машины.

ДЕ ЖА ВЮ

Мария отворяет дверь, и уже снизу я слышу ее приветливый зов.

С мороза воздух квартиры плотной волною ударяет в лицо.

Пытаюсь раздеться.

Отвлекает де жа вю.

Навстречу бежит очень красивая кошка с изумрудными огромными глазами и просится на руки...

- Ки-и-иса-а-а! – блаженно глажу я ласковое мурчащее животное...

Стоп! Я уже это видела сегодня!!!

Интересно, почему так случается? У красивых женщин могут быть только красивые кошки.

Не люблю некрасивых кошек. И не смотрю фильмов, где нет красивых женщин. Не читаю журналов, где нет цветных фотографий. В жизни так много черного, что моя БА, родившаяся художником, просто устает от земного безобразия.

А тут радость – красивая кошка!

Мария встречает по-домашнему просто. Ведет себя так, точно знает меня тысячу лет, а, может, так оно и есть. Тут же представляет своей матушке Цивье Ильиничне и мужу Шумиту. Без всяких церемоний усаживает за стол. Кошка тут же находит место на моих коленях. Ее зовут АгРАфена, проще Груша. Шумит, а вслед за ним и все члены семьи называют ее Каша.

Цивье Ильиничне за девяносто. Но выглядит не старше семидесяти. Она очень деликатно иногда поддерживает разговор. Приятна. И совершенно не приторно любезна. Очки на плюс увеличивают ее и без того большие глаза до максимального размера. Она красива, как и Мария. Но по-другому красива. Волосы Цивьи,



вьющиеся от природы крупными локонами – белые как лунь. Потрясающе белые!

Лет десять назад, снимая какую-то двухсотую серию для передачи «Сказы Богородского уезда», я решила добиться со своими волосами такого же эффекта. Пришла домой из салона. Маленький сын погладил мои белые волосы и странно произнес, точно возвращаясь взглядом из страны снов:

- Мама! Я уже видел тебя с белыми волосами... Только давно... Как ты быстро в этот раз постарела!

И я перестала красить волосы...

У Шумита волосы напротив очень черные. Он - наследный индийский принц – 25 лет живёт в России, хотя не берёт гражданства. И, кстати сказать, достаточно хорошо освоился на кухне. Желая удивить «свалившуюся с неба» гостью, он старательно готовил чечевицу по бенгальским рецептам с привезёнными из Индии специями.

Мария же, пользуясь тем, что он замешкался, разогрела суп-пюре из шампиньонов и подала салат.

Несколько раз она косвенно или в лоб задавала вопрос, какая цель моего визита?

Цели на самом деле не было никакой. Но в минуты пограничных состояний рождаются пограничные ассоциации.

- Ну, давайте напишем про Новый год.

- Ну, давайте!

- А, действительно, как вы его встречаете?

Шумит тем временем, завершил готовку своей царственной чечевицы.

Рецепт рассказывать не стану. Какой волшебник делится секретами? Тем более кулинарными!

Да и дело не в том – как! А - кем, когда и при каких условиях. К тому же, что при этом произносятся – на русском, идише, кошачьем или хинди.

Мы выбрали русский. Аграфена все понимала. Клянись!)

Но, задав векторную тему, все же получалось говорить о чем угодно, только не о Новом годе. Впрочем, и о Новом годе тоже, но мало и как бы присказкой. Сказкой являлось другое.

Например, вообще сама квартира, сразу показавшаяся многомерной. При очень высоких потолках – книжные полки до самого «неба». Эффект один в один напоминал мое преклонение перед Храмом в Пехре

Яковлевской, где в 70-е годы располагалась городская библиотека. Этакая шестилетняя соплюха входит в храм, а там снизу до самого купола – полки с книгами. И она понимает: все книги никогда не прочесть! Жизни не хватит. И сожаление! И уважение, восхищение и благоговение, что остались до сих пор. Эмоции остаются. А после – бессильное разочарование, когда после Перестройки из истинно духовного Храма культуры сделали простую церковку, где старушки встают в очередь к батюшке за отпущением грехов. Потом положение усугубилось. Церковок в Московской области понастроили немыслимое количество, а вот библиотеки приходят в запустение. Диагноз у «общества устойчивого гражданского развития» налицо. Но никто лечить

не собирается. Как в той сказке о сто первой рассказке: «Чем больше слез, тем больше облегченья. В слезах и заключается леченье!»

Квартира Марии в доме тридцатого года постройки раньше была коммунальной. В некоторые периоды советской жизни в ней как-то умещались 22 человека, ванная стояла в кухне за занавесочкой как в рассказах Зощенко, и люди выстраивались в очередь. Наследная антикварная мебель прадеда, натуральная, без гламурной реставрации. Темная. Среди множества книг - множество деталей и кукол. Много картин.

С радостью обнаруживаю два портрета Марии в одной из комнат. На нем угадана до сотой доли та самая магическая энергетика, которую почувствовала я в момент первой встречи. Ни по телевизору, ни по радио, ни на фото - данное, как бы его правильно назвать, «проникновенное воздействие красоты» не ловится. Кто же этот мистик, автор портретов?

- Никас Сафронов, - и Мария рассказывает разные истории, связанные с их дружбой.

О способности Никаса видеть неземные потоки я знаю давно. И еще раз убеждаюсь в подлинном мастерстве этого Художника с большой буквы.

К высоким потолкам добавляются толстые стены. Квартиру наполняют не только книги, но и музыкальные инструменты. Широкие подоконники. И воздух, дефилирующий сквозь деревянные старинные рамы.

За окнами – заснеженные деревья.

Наверное, летом квартиру наполняет зеленый шум листвы.

- Вот из-за Этой ванны я и купила Эту квартиру, - признается Мария, когда делает экскурсию по «своему королевству». Ванная комната широкая, почти квадратная. Она бы сгодилась в рекламе шоколадки «Риттер спорт» - «квадратиш, практиш, гут!» И в ней есть очень большое окно в старый московский двор с огромными деревьями, - После войны пятую комнату квартиры разделили на ванную и туалет. Отсюда такое окно. Летом можно открыть окна, лежать в ванной с телефоном и слушать пение птиц.

Кошка по-прежнему нас сопровождает. Она очень общительна. Но до определенного момента. И Шумит и Цивья Ильинична, да и Аграфена совершенно не мешают во время дальнейшего «со-творения интервью по заданной теме».

НОВЫЙ ГОД С МАРИЕЙ АРБАТОВОЙ

- Ах да, Новый год, - усаживается Мария удобнее. – Наверное, самое первое воспоминание четырехлетнего возраста связано с санаторием, куда меня отправили после перенесенного полиомиелита. Я с кислым лицом в костюме снежинки стояла у елки. Опыт этих ужасных лет – причина моей активной поддержки введения ювенальной юстиции.

- А следующие воспоминания?

- Мой отец умер, когда мне было 11 лет. При его жизни помню длинные столы интеллигентного застолья – умеренная водка, селедка под шубой, оливье, домашний торт «день и ночь» из заварного крема и русские песни за столом. Без него праздник потускнел.

- Какие-то интересные события случались?

- Конечно! – Мария с улыбкой перебирает прожитые «Новые года», точно перекладывает в сундуке то сокровища, то безделушки, снисходительно удивляясь, что же осталось в «сухом отжиме», - В студенческие годы я была хиппи, училась на философском факультете МГУ. Мы с подругой Зарой Малоян из Еревана должны были готовиться к экзаменам. Зара жила у дяди, не то министра, не то зама министра на Старосадском переулке в квартире с действующим камином. Когда дядя сказал, что уходит на Новый год в гости, мы с Зарой пригласили развесёлую компанию. Тогда все жили скромно, но каждый что-то принёс, Зара приготовила какое-то дивное армянское блюдо, стол ломился. Красивая посуда, бокалы, вино, наряженная ёлка, горящий камин, музыка, импровизации. Просто невероятная буржуазность для тех студенческих лет! Квартира была на первом этаже, и в самый разгар веселья перед окном остановилась машина дяди.

- То есть, вас «застукали» в самый неподходящий момент?

- Зара мгновенно превратилась в командующего армией. И под её руководством мы начали заметать следы, всё, что было на столе, завернули в белую скатерть. Музыку выключили. Свет, напротив, включили. Скатерть-самобранка вместе с посудой, едой и с наряженной ёлкой полетела в окно. Пока дядя заходил в квартиру, раздевался и разувался, пространство было зачищено, и вся компания с постными лицами сидела за голым столом с первыми попавшимися книгами с полки. Некоторые даже держали их вверх ногами. Когда дядя зашел, он был потрясён мизансценой. «Напрасно ты меня проверяешь, - невозмутимо сказала Зара, - Видишь, мы готовимся к экзаменам!» Когда за ним закрылась дверь в его комнату, мы выглянули в окно - ни ёлки, ни скатерти уже не было. Кто-то получил все эти сокровища в подарок, и неплохо отметил Новый год.

- А дети?

- Мои сыновья-близнецы появились на свет, чуть мне исполнилось двадцать. Мы очень серьёзно относились к их воспитанию, и, поскольку они очень рано начали читать, то лучшим подарком на Новый год были книги.

- Да-да! Тогда книги мы ценили больше всего на свете! И стояли часами на морозе, ожидая открытия книжных, где на «привоз» выбрасывали по два-три «Солоухина» или «Нагибина»...

- Сыновья с детства увлекались культурой инков, шили себе индейские костюмы, и носились в них с компанией по лесу возле нашей ясеневской квартиры, и строили там вигвамы по всем правилам. Найти такую литературу можно было только в букинистических магазинах, да и то их надо было все обойти. При этом весь год собиралась фольга от шоколадок, чтобы можно было, склеив её завернуть туда книги. Сыновья утром бежали к елке и «дико довольные» шуршали фольгой, добывая подарок из оберток. Сейчас им по 35, и по ним ясно, что я не зря таскала их с младенчества по закрытым показам и выставкам, приучала читать и слушать классику. Они значительно умнее и образованней родителей.

- А потом, как проходили праздники?

- Работа на телевидении и в публичной политике подразумевала определённый ритм жизни. По сути, праздники выглядели как рабочие будни, а настоящими праздниками была возможность спрятаться с близкими или друзьями. Половину моего гардероба составляли платья с блестками, половину джинсы со свитерами – середины не было. Для политической жизни пришлось учиться носить чёрный пиджак и разговаривать металлическим голосом.

- А Новый год?

- Ну что, Новый год? Каждый раз друзья с весны вопят, что денег нет. И каждый раз к Новому году Москва пустеет. Раньше дальше Турции не ездили, теперь глядишь, кто в Мексике, кто на Канарах, кто в Исландии.

- А вы?

- А мы встречаем спокойно дома с матушкой и мужем. В девяносто лет человека не интересуют бурные праздники. Приходят сыновья с женами, друзья, оставшиеся в Москве, соседи. Новый год – это семейный праздник.

- Какие-то мистические случаи были в вашей жизни?

- О! Вся моя жизнь – мистика! Но это уже другая история!

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ ЭГО

Не все знают, что Мария Арбатова написала 14 пьес и издала более 30 книг.

После общения с нею, мне показалось, что ее активная деятельность, связанная с феминистским движением – ответ или вызов всем прошлым воплощениям, чем нынешнему состоянию. Не знаю, можно ли считать Родиной Марии Муром, в котором прожила она всего год после рождения, скорее Москву, где обитает и по ныне.

Не знаю, можно ли считать ее образование более базовым, чем самообразование. И частное обучение психоаналитическому консультированию в «психоаналитическом подполье» Б. Г. Кравцова и С. Г. Аграчёва на мой взгляд, дало ей гораздо больше, чем Школа журналистики при МГУ, несколько курсов философского факультета МГУ и факультет драматургии Литинститута.

С 1991 года Мария Арбатова руководила клубом психологической реабилитации женщин «Гармония». С 1996 года занимается индивидуальным консультированием, как психоаналитик. С 1996 года возглавляет общественную организацию «Клуб женщин, вмешивающихся в политику». Около пяти лет работала обозревателем «Общей газеты». В течение пяти лет работала соведущей в женском ток-шоу «Я сама» канала ТВ-6. Автор

и ведущая правозащитной программы «Право быть собой» на радиостанции «Маяк 24». А в настоящее время является президентом «Центра помощи женщинам».

Однако, необходимо помнить, что современный феминизм борется не против мужчин, а против «гендерных стереотипов», предписывающих женщинам быть такими, а мужчинам другими. И в поле его интересов попадают нарушения прав и мужчин, и женщин, выбивающихся из прокрустова ложа стереотипов.

И снова Индия, подтолкнувшая нас друг к другу, дает ответ. По законам Кармы все мы несем длинный шлейф свершенных ранее побед и ошибок.

Мария долго искала вопросы на свои личные ответы. И пришла в нынешнюю точку существования не кратчайшим путём по прямой, а очень извилистой дорогой.

- Многие спрашивают, стала ли я буддисткой, выйдя замуж за Шумита? – говорит Мария, - Приходится разъяснять, что буддистка я с юности, что первый муж у меня – православный, второй – марксист, а Шумит – индуист, а не буддист. Индуистом стать нельзя, можно только родиться в семье индуистов.

Интерес к эзотерическим знаниям возник у неё в 7 классе. Девочка перенесла операцию. Во время наркоза, а тогда он делался с помощью закиси азота, она реально наблюдала операционную сверху, и даже рассказала хирургам, что происходило на соседних столах. Об этом её предупреждали прооперированные соседки по палате, но взрослые от этой темы только отмахивались, и оперируемым детям оставалось обсуждать это потрясение только между собой.

Мария, как все интеллектуалы её поколения, занималась поисками истины самостоятельно, состояла в молодежных протестных движениях своего времени, посещала эзотерические группы, читала запрещенную цензурой литературу. С юности идентифицировала себя с буддизмом, обучалась психоанализу, и некоторым другим психотехникам. Сейчас сократила эту часть жизни, тем более, что один из сыновей - Павел - стал модным регрессионным терапевтом. А в буддизме можно оставить дело, от которого ты устал, если ты нашёл себе замену или оставляешь ученика. Павел, имея классическое психологическое образование, владеет психотехникой, на которой люди просматривают свои прошлые воплощения, чтобы осознать свои системные ошибки.

Его знакомство с этой психотехникой было вполне мистической историей. Лет пятнадцать тому назад Марии надо было решить одну психологическую проблему, не поддававшуюся привычным психотехникам. И, с юности, зная о существовании регрессионной терапии, начала искать специалиста по интернету и непростым способом вышла на томского регрессионного терапевта Павла Гынгазова.

Через некоторое время Павел Гынгазов приехал в Москву, остановился у Марии, принимал клиентов прямо в её квартире и обучал Ма-

рию этой психотехнике. Она прошла несколько сессий, решила массу проблем, научилась проводить регрессии, но поняла, что это не её занятие. А вот сын её Павел, студент психфака РГГУ, заинтересовался методом, и, постепенно стал одним из лучших регрессионных терапевтов Москвы, но, в отличие от мамы не интересуется эзотерикой, а готов описывать метод с помощью работы центральной нервной системы человека.

- В каком-то смысле регрессии изменили мою жизнь, - рассказывает Мария, - При этом логично было ожидать, что «в прошлых воплощениях» я была мужчиной-воином, но нет. Я всего один раз из четырёх сессий была мальчиком, и то он утонул подростком в селе Ляхи Владимирской области. Мистика в том, что потом я вспомнила, что именно в это село мы с Германом Пятовым, координатором «Мурзилов», помогающих сиротам, возили одежду и игры. И попав на территорию села, я ощутила нереальное счастье, словно уже была здесь. А остальные мои «воплощения» были историями женщин, права которых дико нарушались. Со всеми бывает, что они приезжают в незнакомый город или незнакомую страну, и чувствуют, что уже были здесь и знают, что будет за следующим поворотом. Я думаю, что на регрессионной терапии человеку просто удаётся вспомнить, где и с кем он уже был. Например, мне неинтересен Париж, я приехала, и понимаю, что уже была здесь, знаю, как устроены улицы, и когда наша подруга, прожившая в Париже 60 лет, не могла найти запаркованную машину, я в первый же день в Париже, к её изумлению, объяснила, где искать. У меня была похожая история в Индии в форте Амбер, где я забралась в бывшие комнаты прислуги, и поняла, что это «мои стены». Но самые странные вещи у меня творятся с Монголией. Начнём с того, что я училась вместе с посаженным сейчас президентом Эйнхаба-яром в Литературном институте, совершенно независимо от этого я дружила с послом, который впоследствии стал премьер-министром именно при этом президенте. А в тот единственный раз, когда я была в Монголии в



1992 году в составе поезда молодых деятелей культуры из всех стран мира, ехавших с фестивалем из Берлина в Пекин с высадкой на всех крупных станциях, я поняла, что это моя страна. При том, что я совершенно не могла есть полусырую баранину, которая чуть ли не основное и тамошнее блюдо и пить айран, который чуть не основное тамошнее питье, среди гор я была «дома». И это было мистически отмечено. Однажды я забралась на горы над нашим палаточным лагерем и разлеглась голышом, чтобы позагорать и помедитировать. Я смотрела в невероятное чистое монгольское небо, потом в нём возникла точка. Она стала увеличиваться быстро, как в мультфильме, и надо мной завис и начал летать кругами огромный орёл. Я застыла, парализованная страхом, и слушала как скрипит и хрустит во время этих кругов арматура его крыльев. Я в этот момент плохо соображала, что будет дальше, и через какое-то время вскочила и понеслась вниз с голы голышом, размахивая халатом. Эх там такое, что на мой ор выскочил весь лагерь. Но ружьё было только у водителя автобуса, который нас привёз, а он спал пьяный, нахлебавшись айрана. Когда я сбежала к лагерю, орёл вертикально поднялся вверх, словно его дернули оттуда верёвкой. Не только я, но и все свидетели были в шоке. Головой я понимаю, что он не мог унести вес, подобный моему, но зачем ему было пугать меня? Как буддистка я понимаю, что это было какое-то послание, но до сих пор не могу его прочитать и боюсь ехать в Монголию ещё раз...

Парадоксально, что, если сын Марии Павел занимается «прошлым людей», то его брат-близнец Пётр – культуролог по образованию, занимается будущим, он главный редактор портала развития городов будущего «Четвёртый Рим», эксперт по среде обитания больших городов и, кстати, автор проекта «Парк в Зарядье».

ТРИ ЧАСА ЖИЗНИ - НАПИСАТЬ ДОЛЬШЕ - ПРОЧИТАТЬ БЫСТРЕЙ

Трёх часов слишком мало, чтобы понять интригу пересечения судеб, загадки жизни и бытия. Достаточно, чтобы утомить хозяев. И слишком много, чтобы кошка Аграфена потеряла к любой персоне всяческий интерес.

Но, почему же я видела именно кошку?

Матушка Цивья, пока Мария и Шумит собираются, чтобы проводить меня, а заодно и совершить вечернюю прогулку, охотно рассказывает о своей жизни. Но, как говорит Мария, это уже совсем другая история.

Мы выходим на снег, преодолеваем столбики ворот внутреннего двора. Чудные! Чудные сугробы! Ах! Как же хороша Москва, когда падает снег!

Пока идем до метро, узнаю о тех, кто живет здесь. Это люди-звезды – Жанна Фриске, вдова Сергея Бодрова, Алла Йошпе и Стахан Рахимов, Георгий Юнгвальд-Хилькевич, и многие другие, которых я знаю и не знаю.

Краем глаза цепляю газетный киоск, замурованный на ночь серыми занавесами жалюзи.

Вспыхивает, как всегда некстати, яркая картинка детства. Мой первый репортаж. Он должен выйти в газете «Знамя коммунизма». Целая полоса «четырёхполоски»! Я уже получила за нее по корешку, пришедшему на почту, свои 14 рублей 50 копеек! Для девочки, ко-

торая учится в 9 классе – немыслимо огромная сумма! Утро. Снег. Я бегу, размаивая портфелем, в надежде, что увижу вот такие же покрытые снегом столбики, а за ними – киоск «Союзпечать». Где сидит, кстати, тетенька, которую зовут Мария Ивановна.

- Газета свежая есть?

- Есть!

- Покажите!

Листаю взволнованно. Вижу «Взлетную полосу», статью о летчиках, которые продали все во время ВОВ и с Дальнего Востока написали письмо Сталину, что готовы купить на свои деньги бомбардировщик, лишь бы попасть на фронт! Таких было 9 экипажей... Беру 10 экзemplаров для мамы, для учительницы, для себя и для друзей.

Та «Взлетная полоса» оказалась и моей взлетной полосой. С тех пор я – писатель.

А Мария, которая идет рядом под руку с красавцем индийским принцем? Хочет ли она сейчас приоткрыть занавес киоска и посмотреть, есть ли в продаже ее книги?

Тем временем мы добираемся до метро. Что-то еще не досказано.

Теперь точно Шмитовский проезд я буду называть Шумитовский.

Я спускаюсь по лестнице. Доброжелательно морщит носик Шумит. Я умиляюсь. Снежинка попала ему на лицо. Он такой забавный в шапке-ушанке и зимней московской одежде!

Мария машет сверху маленькой ручкой. Думаю, опять некстати, что небольшой размер кистей рук и стоп ног – явный признак дворянского происхождения.

Надо будет в следующий раз поговорить об этом. И еще о том, что же представляет собою понятие русской интеллигенции, русской культуры. Конечно, мы сами, а еще - отец Марии Арбатовой, преподаватель философии Иван Гаврилович Гаврилин, мама ласковая и надежная мама Цивья Ильинична Айзенштадт. И никто уже не сомневается, что индус Шумит Датта Гупта, племянник генсека компартии Индии, физик по образованию, финансовый аналитик по основному занятию, пишущий романы на английском, тоже связан с русской литературой. В соавторстве с Марией он написал по-русски сценарий фильма «Испытание смертью» о судьбе только что расстрелянного легендарного советского разведчика Алексея Козлова, своим подвигом остановившего ядерную войну в конце семидесятых. После премьеры фильма на Первом канале, с Олегом Тактаровым в главной роли, Мария и Шумит поняли, что огромное количество материалов осталось за кадром и написали по нему роман «Испытание смертью», вышедший в издательстве АСТ. В планах совместное написание ещё одного сценария, соавторы интересуются периодом создания ядерного оружия, и если сложится, то напишут ещё один исторический сериал на эту тему.

Вот только вопрос с кошкой остается нерешенным до конца.

И все-таки. Все-таки. Мягкое задумчивое хорошее настроение после встречи долго не покидает.

Приятно смотреть на красивых женщин! Особенно, когда они красиво работают, красиво живут, красиво улыбаются!

Светлана САВИЦКАЯ

ЧИСТЕЙШЕЙ ПРЕЛЕСТИ ЧИСТЕЙШИЙ ОБРАЗЕЦ



Очень часто бывает так, что в фамилии уже заложена суть человеческая. Елена Образцова может гордиться своей фамилией. А её фамилия, соответственно, может гордиться ею. Ведь в переводе с немецкого «фамилия» означает «семья». И мы подразумеваем семью, включая далеких предков.

Люди, хотя и не птицы, но петь пытаются. Но, чтобы петь так, как Елена Образцова, нужно сочетать в себе сразу несколько необходимых качеств: природное дарование, слух, необыкновенно тонкую, чувствительную душу и талант художника.

Великая певица нашей страны охотно согласилась ответить на несколько вопросов.

- С каких лет Вы начали петь?

- Очень рано. С пяти лет, может, раньше.

- Вы сразу определили свое направление в творчестве?

- Да. В консерваторию я поступила в 17 лет. И уже с третьего курса меня взяли в Большой театр.

- Что показалось Вам самым необыкновенным в жизни?

- Вот именно это и показалось. Вся жизнь, как сон. Ведь я родилась перед войной и пережила блокаду. А потом 40 лет работала в Большом театре, исполняя ключевые роли в постановках.

- Что-нибудь запомнилось из времен войны?

- Да, запомнилось. И воспоминания эти очень грустные, как будто все это проходило где-то в другой жизни. Помню, как кричала, хотела есть. Помню трупы. Много трупов. Они лежали везде. На улицах. Потом они лежали

прямо на лестницах, когда мы бежали по замерзшим ступенькам в бомбоубежище.

- Вам было страшно?

- Сначала. Когда началась война. Потом мы к ней привыкли. Потом было страшно, когда начался голод. К этому тоже привыкли. А еще очень пугалась мертвых людей, когда через них надо было перескакивать в бомбоубежище. Но и к этому привыкли и уже не боялись. Но никак не могла привыкнуть к тому, что рушились дома. И падали.

- К трехсотлетию Петербурга, в городе наведен порядок. Отреставрированы здания. Какие у Вас впечатления о современном Питере?

- Да, отреставрированы. Но это только косметический ремонт. Фасады, конечно, красивые. Только, по сути, все осталось прежним. Хотелось бы, чтобы было переделано и что-то внутри зданий. Я была там недавно. Проходила мимо старых домов. Из подвалов пахнет прошлым. Сырым, старым прошлым. Питер остался прежним, только его слегка припудрили к празднику. Это очень печально.

- Что Вы все-таки любите больше: Питер или Москву?

- Конечно, Питер. Это же мой родной город. Я в нем родилась. Но и Москву тоже люблю.

- А Подмоскowie?

- Я очень люблю Подмоскowie. У меня есть в Подмоскowie дача.

- Сажаете картошку, капусту?

- Нет. У меня растут деревья и цветы: ирисы, розы, клематисы. Среди цветов я отдыхаю.

- Наверное, в Вашей творческой деятельности Вам часто приходилось быть осыпанной цветами? Я знаю, Вы занесены в Большую Советскую энциклопедию как обладательница редкого меццо-сопрано.

- Скорее как лауреат всяческих премий. В 1962 году я получила первую премию Всероссийского конкурса вокалистов имени Глинки. 1970-й год принес 1-ю премию Международного конкурса имени Чайковского. В 1976 году были получены Ленинская премия и звание Народной артистки СССР.

- Какая живопись украшает ваш дом?

- Я люблю жанровые картинки.

- Кто нравится из современных художников?

- Очень дружна с А. Шиловым.

- Как относитесь к братьям нашим меньшим?

- У меня живет маленькая собачка редкой породы. Я её буквально ношу на руках. И очень люблю.

- Ваши пожелания нашим читателям.

- Хочу пожелать, чтобы все они были счастливы. И в семье, и на работе. Чтобы исполнялись надежды на светлое будущее. И, главное, чтобы руководители вашего города чаще думали о стариках.

- И... как с Вами связаться, чтобы отправить опубликованную статью?

- Меня очень просто найти. Пишите мне: Москва, Большой театр. Елене Образцовой.

Светлана САВИЦКАЯ

Память

СТАРЫЙ НОВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

Борух о Герше: «Памяти друга»



Как-то непривычно писать что-либо о человеке в прошедшем времени. Уходят внезапно дорогие сердцу люди. Уходят так неожиданно, что мы не успеваем сказать им ни «люблю», ни «прости». Слова благодарности за дружбу тоже остаются не услышанными. Как горько это понимание для нас, оставшихся жить. Сегодня я хочу рассказать о своем хорошем знакомом, известном мастере художественно-документальной публицистики Григории Рыскине. Щемит в груди от того, что не успел в критический момент уделить ему внимание, поддержать правильным словом, подать руку помощи.

С писателем Григорием Рыскиным мы не были закадычными друзьями в полном понимании этого слова. Оба родились в Ленинграде, но в разное время. Он — в тревожном и страшном одна тысяча девятьсот тридцать седьмом, я — в первый послевоенный год осенью, еще перед началом знаменитого Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками. Как говорится, почувствуйте разницу, а минус девять лет в возрасте, особенно в детстве, дело заметное. Да и жили мы в разных районах города. Григорий с матерью и отчимом обитал в центре города, а я с родителями и старшей сестрой ютился в одной из старых коммунальных трущоб Петроградской стороны. Свела нас судьба совершенно случайно уже во взрослой жизни.

Мне шел двадцать первый год, и я трудился штатным литературным сотрудником в многотиражке знаменитого на весь мир Ижорского завода, что раскинул свои большие цеха на огромной территории города Колпино. Историю моего знакомства с Рыскиным я кратко описал в первой книге своей

автобиографической прозы, вышедшей в свет в 2008 году в одном из украинских издательств, под названием «Черновик, не переписанный набело, или Крутые горки». Редакция в то время переходила на ежедневный выпуск рабочей газеты, и в помещении большой и единственной комнаты, где размещался весь коллектив, почти ежедневно проводились собеседования с потенциальными сотрудниками. В один из таких зимних дней в «Ижорец» заглянул и недавний бывший спецкор Туркменской республиканской молодежи Григорий Рыскин. Это был молодой, круглолицый тридцатилетний мужчина в солидных роговых очках и вдумчивым серьезным лицом питерского интеллигента. За плечами у Григория была учеба в педагогическом институте и стаж учителя не где-нибудь, а в детской колонии для малолетних преступников. В его уверенном взгляде угадывался зрелый опыт тесного общения с людьми. Чем мне тогда запомнился этот человек? Он и пробыл-то в нашей редакции не больше часа. Видимо, с главным редактором газеты не нашел общего языка, мы же этой деликатной темы не касались. Разговорившись с коллегой на отвлеченные темы, отправились мы с ним пообедать в заводскую столовую, и там — за столом — между нами состоялся душевный разговор. Странно, но Григорий, поварившись в редакционной тесноте такое короткое время, сумел сделать для себя кое-какие выводы. Меня же он по-братски предупредил:

— Тебе, старик, работать в этом «бедламе» будет не совсем комфортно. Хватает здесь недоброжелателей и завистников — сердцем чую. А мое сердце меня никогда не обманывает.

Я тогда серьезно не воспринял эту информацию, а уже спустя какой-то месяц — полтора, смог убедиться в полном провидении его слов... Из редакции «Ижорца» мне пришлось вскоре уволиться.

Следующая наша встреча с Григорием Рыскиным состоялась спустя полгода в редакции отраслевой газеты «Лесоруб» Ленинградского комбината «Ленлес». Я приходил туда устраиваться на работу, но, к сожалению, вакансий не было, и мне была предложена позиция внештатника с оплатой по гонорарному фонду. Уже выходя из стен «Лесоруба», в дверях я столкнулся с мужчиной, лицо которого показалось довольно знакомым. Те же очки, то же округлое лицо, знакомые черты, вот только взгляд мужчины выглядел довольно озабоченным. Чувствовалось, что Григорий куда-то торопится и не располагает временем для душевного разговора. Узнать-то он меня узнал сразу, только почему-то смутился. Видно, встретился я ему совсем не во время. Рыскин вырвал из блокнота листок бумаги и наскоро ручкой нацарапал свой номер телефона.

— Позвони на досуге, старичок! Найдем времечко погуглить о жизни! А сейчас у меня запарка. Извини...

Редакционная дверь захлопнулась, а я не спеша вышел на улицу. В «листочку» пиджака предусмотрительно была сунута бумажка с домашним телефоном знакомого. Думал, что в ближайший выходной обязательно позвоню коллеге по перу, но проходили дни, а бумажка с номером телефона продолжала покоиться в недрах одежды. И покоилась она до тех пор, пока я ее благополучно не потерял. Вот к чему приводит юношеская беспечность, но тогда я этого недостатка в себе никак не ощущал... Потерял и потерял. Журналистский мир узок. А ведь где и встретимся!

В очередной раз встретиться с Григорием Рыскиным мне посчастливилось при следующих обстоятельствах. Я был приглашен в одну компанию, «гвоздем» которой был питерский журналист Семен Юхнов. В свое время, когда я приехал из полуторагодичного сибирского вояжа, он пытался мне помочь устроиться на работу в редакцию, однако, не смотря на его протекцию, вакансий в городе не было. Ехать же в отдаленные районы Ленинградской области мне не хотелось. Наконец-то в этот вечер я увидел Григория раскрепощенным. Его глаза блестели и улыбка не покидала лицо. Он остроумно шутил и веселил всю нашу компанию. Именно в этой компании, где Григорий чувствовал себя своим человеком, мне удалось накоротке потолковать с ним о жизни.

— Журналистское ремесло, Борух, чревато тем, что очень легко скучиться и превратиться в дерьмо. Помни об этом и не иди на дешевый соблазн, — напутствовал меня Рыскин.

Это легковесное обращение ко мне «Борух» тогда слегка резало слух, но в той компании, состоящей из десяти человек, добрая половина которой состояла из евреев, я счел это обращение как акт доброжелательности и доверия. Мы в тот вечер очень долго разговаривали и с Григорием, и с Юхновым. Под хлебосольную обильную закуску хозяйки дома было выпито довольно много водки и я, хорошо поддатенький, с веселинкой в сердце, размахивая руками, «громко» ловил в вечерней темени «мотор», дабы добраться до дому. Тогда я еще и не предполагал, что эта моя встреча с Григорием и Юхновым окажется в Ленинграде последней...

Сложно устроен мир. Работаешь в прессе и друзья у тебя, как правило, из этой же области. А в конце шестидесятых годов я обзавелся семьей, порвал начисто с журналистикой и с головой окунулся в промышленное производство. В многотиражке платили мало, а там, куда я устроился на работу, я стал получать чуть не в два раза больше. Не сразу, конечно, а спустя некоторое время. И если раньше я по выработанной привычке нет-нет, да раз в неделю и заглядывал на посиделки в Ленинградский дом журналиста, то с отходом от литературного ремесла у меня этот интерес к нему просто сошел на «нет». Так, в заботах и хлопотах и проходила жизнь.

Где-то в начале восьмидесятых годов от шапочно знакомого журналиста я узнал о том, что Григорий Рыскин в свите Сергея Довлатова «соскочил» за океан и там начал жизнь с бе-

лого листа. Признаться, мысли об отъезде бродили в головах тогда у многих моих знакомых. У меня же все было вроде бы в порядке. Работа приносила стабильный доход, я уже трудился на командных ролях в области строительства, было благоустроенное жилье и участок земли в пригородной зоне. Чего еще желать? От добра добра не ищут...

Только и эта лодка благополучия в начале девяностых годов дала трещину. Развалился Союз, к власти пришли демократы. В Москве — впервые за очень много лет — пролилась кровь. Весьма неустойчивым оказалось и мое финансовое положение. Повсеместно в России замерла стройка, и я официально стал безработным. Нет, голодным и холодным я не остался, просто «волком-одиночкой» пришлось рыскать в поисках куска хлеба с маслом. Я стал организовывать частные элитные ремонты у питерских нуворишей, а в середине лихих девяностых, когда бандитский беспредел достиг своего апогея, подал документы на отъезд из России в Западную Европу...

... Говорят, что время — лучший доктор. Наверное, это так! Прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как я покинул родину и живу на чужбине. Жалею ли я об этом? Скорее всего, нет. Ведь на родине я потерял востребованность в пятьдесят зрелых лет, а здесь, в Германии, мне пришлось все начинать сначала... А с чего начинать? Конечно же, с хорошо забытого старого. Вспомнив о журналистике, я вновь взялся за перо. И в разных издательствах России, Украины, Германии стали выходить мои книги...

И вот однажды, гуляя с «мышкой» по интернету, я наткнулся на сайт книжной торговой сети «ОЗОН», где были выставлены к продаже и мои книги. И о, чудо! Внимание мое привлек портрет седовласого пожилого мужчины в толстых роговых очках. Странно, но я сразу же его узнал. Прошло немалое количество сорока лет с той посиделки, где мы последний раз общались с журналистом Григорием Рыскиным. Теперь мой старый питерский знакомец предстал совсем в другом качестве. С экрана компьютера на меня смотрел писатель Рыскин, а на обложке его новой книги было название: «Новый американец» Охваченный любопытством, я тут же зашел в поисковую систему, набрал имя коллеги и погрузился полностью в информационное поле о его сложной жизни. И первое, что я сделал, это на принтере тут же распечатал «Нового американца». Каково же было мое удивление, когда читая этот увлекательный роман, я обнаружил в Григории зрелого и яркого литератора. Какой искрометный язык, какая стройная последовательность изложения мыслей! Вчитываясь в строки из биографии Григория, я стал ловить себя на мысли, что у нас очень много общего. Григорий был ребенком войны, и его поднимала «айдеше маме». Отец был офицером, сложив голову в большой кровавой «мясорубке», и был похоронен в братской интернациональной могиле отважных защитников Отечества. Мой отец тоже прошел всю войну с первого и до последнего ее дня и вернулся с войны героем-орденоносцем. У Григория Рыскина было очень трудное послевоенное детство. По сути дела его воспитывала улица, ибо мама, его постоянно суесящаяся еврейская мама, была озабочена тем, чтобы ее любимый сынок был хорошо одет и сытно накормлен. А маленький Гриша раздвигал и завоевывал свою территорию под уличным солнцем смелостью, силой духа и кулаками.

Как ни странно, и мое далекое детство было списано с детства Григория, как под копирку, только с небольшой поправкой. Драчуном и забиякой я не слыл, а вот сыном улицы я был полноправным. Разница, пожалуй, была лишь в том, что Григория окружали сверстники, а я все больше общался среди пацанов постарше, поэтому меня жалели и оберегали. Вот тебе и разница в девять лет, а сценарий жизни обоих почти одинаковый. И во взрослой жизни оказалось много общего. И у того, и у другого имелась огромная тяга к перемене мест. Обоих магнитом тянуло в журналистику и, если Григорий, имея запасной «аэродром», то есть диплом педагога, мог совмещать журналистику с профессией учителя, то у меня такой возможности не было. К сожалению, вузовский диплом меня не кормил. Уйдя из журналистики, мне пришлось переучиваться и уже в зрелом возрасте получить технический диплом.

Это дало мне возможность закрепиться и остаться в строительной сфере вплоть до отъезда за «кордон».

На протяжении нескольких дней я, благодаря компьютеру, вгрызаясь в жизнь нового американца и ловил себя на мысли о том, что мне очень хочется поговорить с ним «живую». И я зашевелился. Обзвонил многие русскоязычные издания в России и Европе. В одном интернет-издании мне повезло: там публицист Рыскин размещал свои литературоведческие статьи. Я позвонил главному редактору с просьбой дать мне электронный адрес американского писателя. Редактор оказался весьма осторожным, адреса старого друга мне не сообщил, зато известил Григория Рыскина о том, что его ищет давний питерский коллега.

И вот, в один из весенних дней две тысячи десятого года я получаю от Рыскина письмо весьма сдержанного содержания. Григорий отлично понимал, что наши питерские пути где-то пересекались, но никак не мог понять, «откуда дует ветер»? Нужен был толчок в форме каких-нибудь воспоминаний. И я тогда написал Рыскину довольно длинное письмо, где вспомнил о минутах нашего первого знакомства, о мимолетной встрече в «лесной» газете и так далее. Ответ пришел незамедлительно. И содержание письма было в этот раз очень даже позитивным. У Григория оказалась острая память, он держал в голове такие мелкие детали, которые не отложились бы в памяти других. Мой старый знакомый вспомнил даже о ледяном пиве, которое мы с ним пили в заводской столовой в далекий зимний день шестьдесят седьмого года. Оказалось, что после этого случайного обеда кандидат в заводские журналисты целую неделю провалился на койке с тяжелой ангиной. Вот, оказывается, как тогда я ему удружил. Нарочно не придумаешь. Разве можно такой эпизод забыть?

А дальше... Дальше мы практически перестали писать другу электронные письма, все больше полагаясь на видеосвязь и телефонное общение. Не проходило и двух-трех дней, как в квартире не раздавались звонки из-за океана. Григорий подробно рассказывал мне о жизни в Америке. На восьмом десятке, когда уже все нормальные люди отдыхают на заслуженной пенсии, он продолжал трудиться на хлопотной должности «сулера», что в переводе с английского означает «управляющий домохозяйством».

— Не могу я, Борух, без работы. Привык к определенному уровню и укладу жизни, поэтому не хочу сбиваться с ритма. У меня большая квартира и она дорого стоит, а съезжать из этого района уже не хочу. У богатых свои привычки. Шучу! Расскажи-ка лучше о себе!

И вот так всегда! Себе! Хотелось мне заговорить о его новых книгах, как у Григория падало настроение:

— Никому, дорогой Борух, мои книги не нужны. Мне, правда, грех жаловаться на плодовитость. Двенадцать книг я издал, и больше половины из написанного мною — под издательский договор. Не каждому автору так везет. И тем не менее! Сегодня издание книг находится в загоне. Люди очень мало читают. Культура в массах тает, народ душевно черствеет и это повсеместно... Меня это очень тревожит...

Иногда в наших беседах проскальзывали и нотки восторженности. Вот как Григорий Рыскин рассказывал мне об интерне-журнале: «Семь искусств»: «... Ты знаешь, Борух, у Вас в Германии издается серьезный журнал «Семь искусств». Редактором в нем Евгений Беркович. Скажу я тебе, очень толковый журнал. И авторы там зрелые и вдумчивые. Читать приятно. Остальное все, или почти все — макулатура. Разве что еще можно отметить журнал «Иностранная литература». Я туда, кстати, отправил статью о шахматисте Фишере». Обещали хорошо заплатить».

Слушая коллегу и друга, я искренне радовался тому, что он не сидит дома «сиднем» на диване, а активно реализует себя как автор и много публикуется. Неповторимый тембр голоса Григория вряд ли спутаешь с кем другим. Телефонный разговор Рыскин всегда начинал так:

— Милый Борух! На проводе — старый Герш! Мир твоему дому!

А дальше все зависело от настроения. Если оно было добрым, Григорий рассказывал мне о том, что его волнует; если же его в данный момент грызла депрессия, он бывал немно-

гословен. Вот как он высказывался в эти минуты:

— Борух! Меня часто посещают мысли о том, кому нужна сегодня литература... Сегодня люди стали меньше читать. Писем мне никто из читателей и книголюбов не пишет. Создается такое впечатление, что с этим ремеслом пора завязывать. А что мы с тобой еще умеем делать? Я, правда, еще мастерством массажиста владею, но руки уже не те, да и глаза стали побаливать. Как таксист, я тоже уже по возрасту не годюсь. Статьи, правда, пишу на заказ, но и это штучные заказы. Скажи, дорогой, что делать дальше?

Признаюсь, я не знал ответов на эти вопросы и постоянно отшучивался. А в конце беседы с удовлетворением отмечал, что после моих шуток и анекдотов Григорий немного преображался и уходил от грустных мыслей.

...Я очень хорошо помню свой последний телефонный разговор со своим «старым новым американцем». Это было накануне дня Победы в мае нынешнего года. Поздравив друга с этим замечательным праздником, я сообщил Григорию о том, что уезжаю в недельную поездку по Дунайским странам. Рассказал другу о своих планах написать и опубликовать об этой поездке цикл путевых заметок. Долго мы говорили в этот вечер. Я посетовал Григорию на нехватку времени, сообщил другу о предстоящей поездке в Сибирь, о том, что еду собирать материал для второго тома автобиографической книги... Не преминул упомянуть и о том, что эта командировка сибирской стороной будет оплачена. В конце разговора я опять уловил в голосе Григория грустные нотки: глаза сильно устают, внутренние боли беспокоят. Я опять рассказал Григорию свежий анекдот, и он немного повеселел. В трубке раздались короткие гудки, а я, пристроившись на диване, увлеченно принялся дочитывать рыскинскую книгу под названием «Газетчик».

Лето у меня оказалось действительно напряженным. После вояжа в Венгрию, Словакию, Австрию и Чехию, я отправился в Россию, а вернувшись домой, угодил в больницу с радикулитом. Несколько раз порывался позвонить Григорию, но как назло мой ноутбук не вовремя вышел из строя. Так или иначе, я все равно наметил себе — позвонить в Америку, чтобы поздравить Григория с предстоящим католическим Рождеством, ведь этот праздник в конце декабря широко отмечается на всей планете. Сразу же после больницы я набрал номер приятеля, но к телефону никто не подошел. Через пару часов я повторил звонок и снова... тишина. Тогда я решил снова зайти в интернет, чтобы скачать повесть Рыскина «Записки массажиста». Зайдя на нужную страницу, меня чуть не хватил удар. Я не поверил глазам. Крупным черным шрифтом был набран анонс: «Тридцатого августа две тысячи двенадцатого года в Москве из окна квартиры на одиннадцатом этаже жилого дома выбросился американский писатель Григорий Рыскин». Меня охватила нервная дрожь, и я снова вцепился в телефон. Наконец мне ответили. На проводе была жена и муза Герша Рыскина — Нина. Она во всех подробностях рассказала мне об этой московской трагедии. И случилось это именно в тот день, точнее вечер, когда я сидел в пассажирском кресле «Боинга» и держал курс на Москву, где мне предстояла пересадка на Красноярск.

Вот так и уходят друзья. Уходят по-английски, не прощаясь. Ушли Довлатов, Петр Вайль, нет сегодня с нами и Григория Рыскина — талантливого писателя и яркого публициста.

В одной из своих статей я уже писал о том, что человек умирает дважды. Первый раз, когда его хоронят, а второй — когда его напрочь забывают. «Старому новому американцу» — писателю Григорию Рыскину эта участь, думаю, не грозит. Он уже сделал шаг в бессмертие, ибо его книгам уготована счастливая судьба. Все, что вышло из-под пера этого сильного автора, сиюминутной халтурой никак не назовешь. Это литература высокой изыскательной пробы. И его повести, рассказы, романы, эссе, литературно-критические статьи можно смело поставить в один ряд с Сергеем Довлатовым и другими признанными мастерами художественно-документальной публицистики. А это есть великое достояние русской современной литературы.

Борис БЕМ
Германия, Кельн, 2012

Слову. Во славу и вослед...



Елена Куклова

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

Николай ГУМИЛЁВ

Слово о Слове, сказанное поэтом Николаем Гумилёвым более века назад, не утратило своей актуальности и сегодня, когда мы перестали придавать значение тому, что и как говорим, утратив первозданный «вкус родимой речи».

Всё чаще и чаще в родной русский насильственно внедряются иноземные слова.

Такое уже было, и не раз, на всём протяжении своего существования русский язык вбирал в себя слова из разных языков мира: из тюркских, из германских, из греческого, из латыни, из французского. Происходили вполне естественные процессы, такие как метатеза, например, и мы считаем заимствованные слова – русскими, родными.

Известно, что заимствование иноязычных слов происходит тогда, когда в когнитивной базе языка-рецептора отсутствует соответствующее понятие.

То есть: предмет или явление есть, а слова – нет.

Но сегодня мы становимся свидетелями иного процесса: когда есть и предмет, и слово, его обозначающее, а нам насильственно навязывается иностранный термин.

Во что же трансформировался наш, некогда «великий и могучий», родной до слёз?

В sms-язык, в язык постов и комментариев, язык блогов и «ЖЖ», язык облегчённый – который и учить-то не надо: говори – как слышишь, пиши – как говоришь.

Косноязычие – ярчайшая примета нынешнего времечка. Косноязычие членов правительства, дикторов телевидения и радио, ведущих популярных телепрограмм и ток-шоу.

Всеобщее, полное, отвратительное и прогрессирующее.

И почти не осталось мест, где можно было бы услышать правильную русскую речь, почувствовать её вкус.

Из какой-то иной реальности, из того «оного дня», о котором пишет Николай Гумилёв, дошла до наших дней такая сценическая профессия как чтец – мастер художественного слова, профессия, коей и раньше-то обучали всего в двух-трёх театральных вузах, профессия, которая сегодня считается архаичной.

А жаль!

Изрядная доля ленности заложена в нас.

И блага цивилизации, зачастую, оказывают «медвежью услугу»: зачем читать, если можно посмотреть – режиссёр и актёры уже создали образы – знай себе – сиди да смотри.

Ни в коей мере не хочу приуменьшить значение искусства кино, которое по определению одного из вождей недавнего прошлого... является для нас важнейшим.

Но в мастерской артиста, чтеца, – мастера художественного слова – всё по-другому. Здесь к зрителю выходит только один актёр.

И целая плеяда образов, сплетается из голоса, из жестов, из взглядов, оживая в воображении зрителя, а он – чтец – как ваятель, помогает прочертить, проявить самые яркие, самые характерные черты этих образов.

Взрослела девочка...

Большеглазая, худенькая, с едва уловимой, только-только пробуждающейся грацией; в повороте изящной головки ли, во взмахе тонкой, по-детски художавой руки ли, во взгляде чистой талой воды ли – во всём юном облике пробуждалась женщина, и имя звучало мягче и льнуло к губам легко и ласково, летящее и тёплое – Елена.

Плыла сквозь время, в радужном ореоле девичьих мечтаний; тайных, сокровенных, тех самых, которые поверяются лишь подружкам да страницам дневника.

Парила над землёй, и мир с радостью распахивал свои объятия.

Но вместе с неуловимым пробуждением Женщины, в девочке пробуждалось нечто особенное.

То Необъяснимое, что неясной, без-причинной тревогой проскальзывает в цветные детские сны.

То, что выделяет её – одну среди многих других; то, чем избранница Необъяснимого отмечена с рождения.

Оно напоминает о себе в самые неожиданные минуты, предопределяя дальнейшую судьбу, и замирает сердце в груди, и становится тревожно и сладко...

Разглядеть Необъяснимое дано тому, кто сам обладает подобным.

Объяснить – не дано никому.

Это – искра Божья. Это – Дар.

Сначала был одесский Дворец пионеров.

Тот самый, который Воронцовский, бывший и настоящий.

Потом – студия при одесском Доме актёра (который, увы – бывший), где девочка попадает к учителю по призванию, к учи-



В гостях у Анастасии Цветаевой

телю с большой буквы — к Зинаиде Григорьевне Дьяконовой.

«Учителю на всю оставшуюся жизнь», как скажет сама Елена впоследствии.

Там же, в Доме актёра её услышит известнейший артист — чтец Дмитрий Журавлёв, приверженец классической школы, услышит и благословит на стезю чтицы: «Вы должны избрать путь чтеца».

Дмитрий Журавлёв и Зинаида Дьяконова останутся учителями и друзьями для неё на всю жизнь.

Первая программа чтицы, мастера художественного слова Елены Кукловой состоялась на сцене Одесской филармонии почти полвека назад (режиссер Евгений Купченко). Называлась она: «Пусть об этом расскажет песня».

А когда молодая чтица прочла поэму Маргариты Алигер «Зоя» в присутствии автора, между ними завязались тёплые, дружеские отношения.

В начале восьмидесятых, в феврале, Елена знакомится с Анастасией Цветаевой, которая высоко оценила чтение Еленой стихов Марины Цветаевой: «Она их не играет — она читает!».

В одном из своих ревью о цветаевской программе Елены Кукловой я писала:

«...Голос может быть отполированным до глянца, до лоска, и слова-бусинки будут катиться, скользить, но душа не отзовется ни на одно из этих бусинок-слов — им суждено скалиться и рассыпаться в пыль. Забвение — их удел.

Голос может околдовать, опутать, увлечь в тенета мягким бархатом тембра, но сердце останется ленивым и спокойным.

Но если голос впадает в стихи, то они обретают крылья, которые вознесут и душу и сердце зрителя.

Она читает Цветаеву.

Движения, жесты, взгляды уверенны, спокойны, отточены, — в них нет заученности, затёртости, да и в самой актрисе ничего наигранного, фальшивого. Она владеет высшей степенью актёрского мастерства: про-жи-ва-ет образ. Не играет, а проживает.

И сердолик, обрётённый юной Мариной на волшебном берегу Коктебеля становится, вдруг, различим и ощутим для меня — для зрителя.

И то, как с тонких перстов скатывается серебро.

И Огонь-Синь переливается в крови, и вот уже кажется,

что голос Марины звучит в зале...»

В репертуаре актрисы семь «цветаевских» программ, горячо и благодарно принимаемых публикой — больше девяти часов чистого времени, чистого — в прямом и переносном значении.

А сколько было гастрольных поездок, встреч, вечеров!

За всем этим кроется ежедневная, ежечасная тяжелейшая работа, кропотливый, тщательный отбор материала для программ и композиций.

Лепка образа: жесты, взгляды, интонации голоса — главного орудия чтицы.

Жанр, которому Елена служит верой и правдой вот уже более 45-ти лет, уникален, хотя и относится сегодня к увядшим...

Мастер художественного слова — звучит возвышенно, и не зря — высока миссия у артистов, работающих в этом жанре; возвышенно и... архаично.

А между тем, искусство это позволило многим слушателям по-новому взглянуть на творчество тех либо иных поэтов, позволило прикоснуться к тому, что замалчивалось, запрещалось — как, например, в случае с Мариной Цветаевой.

Уникальность жанра в том, что работают в нём артисты с наиглавнейшим, что есть у человека, с тем, с чего начиналось сотворение Мира, ибо все мы знаем, что в Начале было оно — Слово.

То самое, которое вот уже почти полвека звучит со сцены в программах любимицы публики, актрисы одесской филармонии, лауреата муниципальных премий им. К.Паустовского и Ив. Рядченко, чтицы Елены Кукловой.

То самое, о котором писал и которым владел Николай Гумилёв и его коллеги по «цеху», поэты Серебряного Века.

То самое, которое нам необходимо сохранить во что бы то ни стало, если хотим сохранить самих себя.

Людмила ШАРГА (Одесса, Украина)

P.S.: Медийная группа «Интеллигент», благодарит Елену Куклову, за прекрасное чтение стихов на презентациях своих изданий.

Фотографии из семейного архива Елены Кукловой

ЕДИНСТВЕННОСТЬ

Памяти Беллы Ахмадулиной



*Нет, я ценю единственность предмета,
вы знаете, о чем веду я речь.*
Белла Ахмадулина

29 ноября

В то утро я проснулась с ощущением, что случилось не-поправимое. Когда это чувство накатывает, то вернее его нет ничего. Кто ушел? В доме тихо, солнце играет на стене, отражаясь от зеркала. Прислушиваюсь к струнам, по которым пришла весть. Струны оборваны и уже никого ни с кем не связывают. Минута молчания.

Затем включаю телевизор.

“Она есть и будет”, — так должны были бы передать эту весть. Но не передали. И это стало подтекстом. Теперь уже навечно.

День двенадцатый

Ее жизнь прошла под знаком единственности, которая смилала меня в свою запретную зону много лет назад, когда я была еще студенткой первого курса Одесского государственного университета. Хотелось читать только ее и писать только о ней, и я отправлялась в “Горьковку”, как мы называли библиотеку им. Горького, чтобы вновь “услышать”: “Нет, я ценю единственность предмета, / вы знаете, о чем веду я речь...” Это “вы знаете”, столь многозначительно завершающее строфу, немедленно выстраивало весь подтекст отношений читателя, писателя, цензора и времени. Для поколения, которое втайне читало “Мы” Замятина, подобные мысли о единственности на страницах советских сборников, прямо или косвенно воспевавших коллективизм, были откровением. Невольно думалось: “А понимал ли цензор, когда пропускал такое?”

Об этом нельзя было писать в курсовой, но можно было размышлять. Толчком к размышлениям всегда были лекции одного из интереснейших и крамольных профессоров бывшего ОГУ Степана Петровича Ильева. Он был первым и чуть ли не единственным, кто утверждал, что поэма “Двенадцать” Блока была контрреволюционной. Сегодня его памяти посвящена ежегодная международная конференция по Серебряному веку в Одессе. Но в то время его докторская стояла под большим вопросом, как и все, что он делал. На его семинар по русскому символизму трудно было попасть, но кому посчастливилось, тот открывал для себя целый мир философских зна-

чений и серьезнейших смыслов за образами прекрасных дам, вздымающихся страусиных перьев, и всего, что простой читатель воспринимал как “красивость”. Благодаря его семинарам мне и открылась вселенная единственности Ахмадулиной во всей ее крамольной для того времени глубине.

Тот, кто наивно полагал, что все отличие поэзии Ахмадулиной от других в витиеватом, как многие считали, стиле, просто не умел посмотреть в корень того, что она делала. Стиль, с которым она была рождена и по которому ее сразу же узнавали даже и дилетанты, был далеко не декоративностью. “Старинный слог” (“Влечет меня старинный слог. / Есть обаянье в древней речи”) свидетельствовал об иной глубине. Это был язык, на котором она обращалась к миру, созданному волей Творца, чей образ подспудно выстраивал метафорическое пространство ее поэзии. Следы мифа о сотворении можно обнаружить уже в названиях некоторых ее стихотворений. Например, стихотворение “День: 12 марта 1981 года”. Ну, кто же так называет стихи, словно календарь составляет? Критика объясняла, что, мол, это Ахмадулина о природе пишет, в то время, как она сама утверждала в другом стихотворении: “Я нигде не выходила, / Я просто написала так: Я вышла в сад...”

Вчитываясь в стихи “День: 12 марта...”, вдруг понимаешь, что название их не о дате, точнее, не просто о дате. Дата в ее Саду — это уникальное имя дня, единственного в своем роде. Единственность — признак Божественного Сотворения, отличного по сути от бездушного механизма, штампуемого свою продукцию. И не случайно существительное “День” пишется в стихотворении с заглавной буквы, словно подчеркивая его тайную близость к Творцу. А в конце она почти прямо пишет об этом родстве Дня и Творца: “И Божий День — всезнающ и всевидящ”. Ясно, от кого достались Дню гены всезнания и всевидения... Даже система названия дня у нее почти библейская: День двенадцатый... Только к этому еще прибавляется месяц и год, словно после седьмого дня дальнейший отсчет времени берет на себя поэт, хранящий таинство древней речитворительницы. Речи, которая именно в силу своей связи с исконным Словом “бывает наших слов / и современнее, и резче”.

День двенадцатый в его различных проявлениях неотступно следовал за мной и манил загадкой следующего Дня, тринадцатого. Перелистывались страницы, перечитывались

строки, росла мечта о встрече. И наконец, когда ничего уже нельзя было остановить, когда желтый междугородний справочник услужливо открылся на той самой странице с заветным номером телефона — тогда вдруг поднялась трубка на том конце, и ее голос ответил:

— Слушаю.

Вот и все. Этого следовало ожидать. Что же теперь? Когда тебя слушают, нужно говорить. Я говорю. Получается какой-то шелест, как листья в саду. Она немедленно понимает. Оказывается, это и есть знак единственности, пароль, по которому можно попасть в Сад. “Я вышла в сад”... Называю свое имя. Представляюсь кое-как. Полное отсутствие знакомых. Что она подумает?

Сад шелестит в ответ какой-то звенящей листвой.

Есть тайна у меня

От чудного цветенья...

Я вслушиваюсь, боясь пропустить что-то важное. Нужно запомнить все-все, ведь это больше не повторится.

Либо ее голос звучит глуше, либо волнение приглушает слух.

— Верочка, приезжайте!

Это не ко мне. Там, наверное, какая-то другая Верочка, московская знакомая или родственница, которая в это же самое время звонит по какому-то другому телефону, которого нет в справочнике.

— Приезжайте! — повторяет она, еще не читая стихов и не зная обо мне ничего, что вне интереса Сада.

В трубке гудит, как при взлете.

День тринадцатый

...К ней можно было только по небу. Ну что ж... Кучевые кроны остались внизу вместе с Черным морем. Мы летели, летели, летели... Я летела с первой минуты ее приглашения, а мой муж присоединился ко мне уже в самолете.

На следующий день я стояла на пороге мастерской Бориса Мессерера, той самой, на Поварской, двадцать...

Был дом на Поварской

(теперь зовут иначе)...

Это было теплое и искреннее, чем я себе представляла.

...За окном — ливень, капли медленно скатываются по лбу и щекам. Почти как в ее “Сказке о дожде”, и на ум сразу приходит: “Дождь, как крыло, прирос к моей спине”. Это же приходит и ей на ум — ясно без слов. Она улыбается и приглашает меня в комнату. Там — стол длинный с креслами, и все разные.

— Присаживайтесь, — указывает она на кресла с какой-то озорной улыбкой.

“Наверное, я нелепо выгляжу”, — думаю, хватаясь за приглянувшееся кресло, чтобы поскорее с ним слиться. Все в дожде. Она по-прежнему улыбается, ставит чайник на плиту, чтобы согреть дождь. У меня в руках цветы из Сада (Господи, совсем забыла!). Она берет цветы, ставит в вазу, и мы говорим о Саде, о цветах, о Цветаевой...

— Семнадцатый год пришел как убийца и наследил на столетие вперед. Моя бабушка, между прочим, была революционеркой, но потом розовые очки упали и разбились вдребезги. Очки — полбеды. А вот осколки людей и культуры уже не собрать. И дело не в том или не только в том, какая политика или какая партия у власти, а в том, что есть “елабуга” — слепая старуха, я пишу ее с маленькой буквы в стихах, чтобы не задеть ни в чем не повинных жителей. Она ходит и душит, душит все лучшее, без чего земле не выжить, вот так, — она жестом перехватывает горло, волшебная флейта которого всегда выпевала стихи. От этого присутствие елабуги становится ощутимей. — Они и Бродского хотели порешить этой своей елабугой, да только ничего у них не вышло. Они весь пласт культуры хотят порешить, оторвать от корней, чтобы потом проще было вырвать с корнем тот дух, светлый разум, без которого нет ни нации, ни народа. А весь этот генетический слом? А отсутствие грамотности души, которую непременно хотят засунуть в потемки “советской власти плюс электрификации”?.. Вы ведь понимаете, о чем я толкую? Как же потом все это восстанавливать? А восстанавливать придется, настанет время! — Она выразительно смотрит на меня, чуть наклонив голову, и добавляет: — Время-то настанет, а вот как оно повернется к нам за все это оголтелое опустошение собственного поля?.. У Бродского был единственный выход сохранить себя — уехать. Он необыкновенно талантлив, необыкновенно. Я сразу сказала, как только его выслали из страны: “Он получит Нобелевскую, попомните мое слово!”

— Она умолкает на секунду, вглядываясь куда-то в глубь то ли себя, то ли пространства. — Обязательно, обязательно почитайте его стихи. И поверьте мне, он Нобелевскую свою получит, я вижу это. — Она снова задумывается. — Мне тут на днях одна женщина позвонила, стала со мной беседовать на темы экстрасенсорности. Мол, она чувствует и то, и это. Но об этом ведь нельзя так говорить, это нельзя так обсуждать. Это вообще нельзя обсуждать. Только с близкими, очень близкими. Вы понимаете, о чем я говорю? Вы понимаете, конечно, понимаете... А с Елабугой... Она везде, она следует за поэтом... Мы ездили с Борисом на то место... где Марина... погибла. Погибла, да! — Она вдруг вспархивает со стула и движется куда-то вверх, или мне кажется, что вверх. Я уже ничего не могу определить, нарушены все пространственно-временные координаты.

Через какое-то время или какой-то проблеск света или тени она возвращается с засушенным лепестком в руках.

— С цветаевского места, берите, это вам...

Я беру лепесток, разглядываю. Вот он какой, Сад-Лукоморье, весь в морщинах... Потом достаю стихи из папки, те самые, которые писались в тот бесконечный, неделимый День двенадцатый, и прошу разрешения почитать их ей вслух. Она кивает с улыбкой, и я читаю “Лунный путь” и “Стихи о Саде и Садовнике”, которые писала, размышляя над ее единственностью. Она моментально догадывается, в какой части Сада они были написаны. Она догадывается обо всем, будто даже не догадывается, а знает. Когда я заканчиваю чтение, она пристально смотрит на меня и говорит:

— Как ни удивительно, но вы ни на кого не похожи.

Потом она достает с полки “День Поэзии-1984”, извиняясь, что у нее нет нового сборника стихотворений, подписывает его: “Милая Верочка, примите мою любовь и дружбу!”, ставит дату, вкладывает лепесток между страницами и протягивает мне.

Дождь прекращается. Мне пора. Сегодня у нее поэтический вечер в Музее Маяковского, а день был щедро отдан мне. Пора и честь знать. Я поднимаюсь с кресла.

— Верочка, а я следила за вами, какое из кресел вы выберете, — с той же загадочной улыбкой говорит она.

Я молчу, выжидая.

— Кресло — Бориса Пастернака, — оповещает она все с той же озорной улыбкой. — Это очень хорошая примета, я загадала...

У нее счастливое лицо. Я немею. Что тут можно сказать? Хорошо, что она оповестила меня об этом после. Читать в кресле Бориса Пастернака стихи Белле Ахмадулиной — не слишком ли много для первого дня? Нет, не первого — тринадцатого. Да, именно тринадцатого: наша встреча состоялась 13 июля. Месяц убежал вперед, оторвавшись от марта, а число было последовательным. Ее замечание о счастливой примете касалось именно тринадцатого числа, которое оказалось “перекрестным” счастливой приметой пастернаковского кресла. Для меня же эта дата имела и еще один — скрытый — смысл: 13 ноября, накануне совершеннолетия моего отца фашисты разбомбили корабль, на котором он был практикантом, и в живых осталось только два человека. Он был одним из счастливых. Тринадцатое стало не только его вторым днем рождения, но и потенциально — моим.

— Ах, да, совсем забыла вас попросить об одолжении! — спохватывается она. — Когда вы вернетесь в Одессу, зайдите, пожалуйста, в библиотеку и попросите исправить опечатку в моем сборнике, вот на этой странице.

Она быстро пишет номер страницы и что следует исправить. Я, разумеется, сделаю это первым делом. Войду в надменный, с мраморными полами вестибюль, подойду к окошечку, в котором живой портрет библиотекаря-женщины строго смотрит на проходящих, и вымолвлю:

— Вот тут Белла Ахмадулина попросила исправить опечатку в ее сборнике.

Протяну листок с номерами страниц, написанными ее рукой, а библиотекарь только поднимет треугольник бровей и ответит назидательным тоном:

— Не положено. Автор должен прислать нам письмо на бланке с печатью и подписью, а иначе это будет считаться порчей государственного имущества.

После этого она непоколебимо застынет в рамке окна, только очки будут посверкивать, как две большие опечатки у нее на глазах.

— Не положено, — отрапортую я со вздохом в телефонную трубку.

— Боже мой, какая нелепость! — скажет она. И добавит задумчиво: — Верочка, поцелуйте море!

— Конечно.

С морем будет гораздо проще, чем с библиотекарем. Оно подставит свои хлюпающие губы и чмокнет меня в ответ.

Но это еще впереди. А пока я обещаю позаботиться об опечатке. Она действительно глупая — вместо “сада” напечатано “ада”...

— Так я жду вас вечером в музее, — повторяет она уже на пороге.

— Но там же, наверное, билеты невозможно достать? — волнуясь я.

— Что-нибудь придумаем, — обнадеживает она.

— Нас двое, — робко признаюсь я.

— Двое? А где ваш... спутник?

— Муж, — уточняю я.

— Муж? Где же он? Ведь был страшный ливень? Он, наверное, совершенно промок! Давайте его пригласим, пусть обсохнет. Ну, как же так!

Она расстроена, хочет немедленно бежать вниз, разыскивать моего промокшего мужа, который из деликатности не согласился зайти к ней со мной вместе.

— Его чаем нужно напоить, чтобы он не простудился, — приговаривает она, направляясь со мной к лифту.

Я еле отговариваю ее, убеждая, что, во-первых, у него есть зонт, а во-вторых, он просто хотел побродить по Москве, которую неплохо знает, а в-третьих...

В-третьих, мой муж сидел на ступеньках лестницы ее парадного и терпеливо ждал окончания дождя и встречи. Мокрый зонт стекал в углу, наплавав уже порядочную лужицу. Хорошо, что она не видела. “И как в ней уживаются эта высота и кажущаяся оторванность от всего обыденного с таким раскрытым всем болям и невзгодам постороннего мира сердцем?” — думаю, пока мы движемся с мужем в неясном мне направлении.

Вечером мы встречаемся у Музея Маяковского. Билетов, разумеется, нет, мы с Вадимом стоим у дверей, как она и велела. Она появляется, окруженная Сатурновыми кольцами поклонников, и направляется сразу к нам.

— У вас замечательный муж, — шепчет она мне на ухо. В роящемся зуде голосов ее шепот звучит как-то особенно веско. — Он редкий, — продолжает она. — Верочка, берегите его, не расставайтесь, будьте всегда вместе!

Рядом с ней — Борис Мессерер, ее замечательный и редкий муж. Это уже то, что я моментально отмечаю, взглянув на него, но в отличие от нее ничего не говорю. Да этого и не нужно. Она читает мои мысли и согласно кивает: все, мол, так.

Мы проходим в зал. Вернее, только мы и проходим. Все остальные проталкиваются, желая быть поближе к ней. Пока мы идем по вестибюлю и лестнице, я ощущаю какую-то странность, которую поначалу не могу определить. Действительно, что-то необычное, даже как бы сюрреалистическое было в нашем шествии. Только спустя несколько секунд до меня доходит, в чем дело: это не мы идем за ней, это она как бы сопровождает нас и при этом громогласно представляет меня налево и направо своим друзьям и организаторам вечера, которые отгородили нас от следующих за ней тесным полукругом зрителей. От смущения не знаю, куда деваться. Здороваясь с людьми, которые, наверное, принимают меня за кого-то, кем я не была, а она продолжает представлять меня, будто вечер не ее, а мой.

Потом она торжественно усаживает нас в первом ряду, который держат “для своих”, и наступает Сад...

Вот участь совершенной красоты:

чуть брезжить, быть отсутствия на грани.

А прочего всего — грубы черты.

Звезда взойшла не как всегда, а ране.

О День, ты — крах или канун любви

к тебе, о День? Уж видно мне и слышно,

как блещет в небе ровно пол-луны:

все — в меру, без изыяна, без излишка.

Ее торжественность, даже какая-то ритуальность, предшествовавшая чтению, была на самом деле уже частью того предстоящего действия, которое было “предстоящим” только для публики, но никогда не прекращалось в ней самой. Она была естественна на своей возвышенной сцене, как зритель был естествен в своем кресле. Интонации ее в жизни были теми же, что на сцене и бумаге. И безбрежность в любви и дружбе,

так шокировавшая и смутившая меня поначалу (чем я заслужила такое?), была тоже естественной для нее. Ей был чужд элитарный снобизм, и элиты она не признавала, в особенности когда это касалось талантов. Она была готова служить таланту, самоотверженно, искренне, независимо от того, принадлежал он к известному ей кругу или нет. Даже наоборот. К поэтам, идущим к ней “по знакомству”, она относилась особенно придиристо и не раз высказывала колкости в адрес детей литераторов, поступивших по связям в Литературный институт, а потом пытавшихся проталкиваться путем родительских связей. Она считала это одним из серьезных нарушений творческой природы и вытравливанием творческого потенциала культуры.

— На литературных приемах, выученных в вузе, поэзию не создашь, — говорила она мне, когда мы встретились спустя годы в Филадельфии, куда я эмигрировала с семьей во время перестройки. — И природу не обманешь. Она отомстит, когда посыплются книги этих искусственно выращенных статистов, которые, как в анекдоте, будут писать прямо и между строк одно и то же: “Что говорить, когда говорить нечего!” Это порочно. За пороки отцов будет расплачиваться культура.

А вечер продолжается. Впечатление, что в зале отключили всемирное тяготение и все парят, наслаждаясь и не до конца понимая, что происходит.

Пришла. Стоит. Ей восемнадцать лет.

— Вам сколько лет? — Ответила: — Осьмнадцать. —

Многоугольник скул, локтей, колен.

Надменность, угловатость и косматость.

Все чудно в ней: и доблесть худобы,

и рыцарский какой-то блеск во взгляде,

и смуглый лоб... Я знаю эти лбы:

ночь напролет при лампе и тетради.

По окончании вечера подходит к ней какой-то элегантный молодой человек, представляется, назвав кого-то из общих знакомых и выдав залп парадных словословий в ее адрес, галантно склоняется над ее запястьем. “Вот это да!” — думаю, разглядывая его из затемненного кресла у сцены. А он так же галантно засовывает руку в портфель и вытаскивает букет бумаг с отпечатанными стихами. Мне издали видны длинные аккуратные строфы, рельсами бегущие по листам. “Этот — настоящий, не то что я, самозванка”, — думаю с легкой завистью. Она вдруг вспыхивает и говорит ему что-то быстрое с еле сдержанным негодованием в голосе. Слов я не разбираю, но поэт быстро отходит, и его сменяет Борис Мессерер, наблюдавший эту картину поодаль. Он деликатно кладет ей руку на плечо и что-то шепчет на ухо. Она резко оборачивается в мою сторону и улыбается уже знакомой мне улыбкой.

— Верочка, Вадим, идите сюда, почему вы там сидите? Все уже закончено. Мы сейчас пойдем вниз, там все наши собираются. Вы не спешите куда-то?

У нас как раз была назначена встреча с родными Вадима, и я ей об этом честно сказала. Кроме того, войти с ней в зал, полный ее друзей, которым нужно будет снова представляться, было для меня тяжелым испытанием после такого дня. Я должна была унести свое тринадцатое чудо таким, каким оно было мне подарено в чистом виде, без примеси банкета. Она тут же это поняла.

— Ну что ж, раз так, то завтра непременно приходите к нам вдвоем с Вадимом. Договорились?

— Завтра мы уезжаем. У нас билеты на дневной поезд... Мы только на три дня с дорогой...

— Вот как... А вы утром забежите ко мне попрощаться, ладно?

— Непременно забежим. Спасибо!

Мы прощаемся, благодарим за вечер.

— Видели того поэта? — лукаво спрашивает она, пока мы спускаемся по лестнице.

Я киваю.

— Борис сказал мне, чтобы я так не сердилась, а то вы подумаете, что я какая-то бармалейка. — Смех вырывается на свободу, и мы все хохочем, снимая напряжение. — Терпеть не могу, когда ходят ко мне по знакомству, — говорит она, все еще храня смех в глазах. — Стихи свои суют, да еще и на моем вечере! Небось он и отсидел с одной только мыслью, чтоб стихи мне свои всучить. Вот вы бы так никогда не поступили.

Ну, откуда же она это знает?

— Знаю, — отвечает на мои мысли. — Я много чего знаю и вижу.

Внизу ее уже ждут, жестами показывая, что пора, мол, все уже в сборе.

— Белла, ну идем же, все давно ждут! — кричит ей какая-то дама.

Мы прощаемся, теперь уже окончательно.

На следующий день, как условились, едем к ней. Поднимаемся на скрипучем лифте, прямо на олимп, а она уже встречает нас на пороге, сияющая.

— Проходите.

Мы проходим, но присаживаться нет времени.

— Вы торопитесь, я знаю. Вот это вам.

Она протягивает мне листок — письмо, опечатанное на машинке.

— Что это?

— Предисловие к вашей будущей книге стихов.

Вот это да... Об этом ведь и речи не было! Я беру, совершенно ошеломленная, не зная, что сказать.

— Читайте, тут немного.

Беру листок из ее рук, читаю... Поначалу трудно собраться с мыслями, буквы никак не складываются в слова. Наконец-то прорываюсь через их лес к первому предложению: “Я не скучаю по своей молодости и радуюсь молодости других — мне не хотелось бы провиниться перед ними”.

— Я тут все о себе да о себе, — говорит, поглядывая на меня с усмешкой.

“Время, когда начиналась моя литературная жизнь, обнаруживало и поощряло новые имена и предавало их быстрой и шумной огласке. Кроме общих обстоятельств времени, мне сопутствовала пылкая доброжелательность старших маститых коллег. Энергия этой безукоризненной благосклонности и хранила, и опекала меня, как бы для своей надобности добывая мои первые успехи. Лишь много позже я поняла, что видимая поблажка судьбы на самом деле была важным и суровым испытанием. Меня любили липы Тверского бульвара, многие люди взяли на себя труд сочувствия и соучастия, но некая строгая неусыпная звезда следила за мною с тревогой и уже сожалением — хорошо, что я успела заметить и понять этот заботливый укоряющий взор”.

Она испытующе смотрит на меня, пока я медленно вчитываюсь. Понимаю почти сразу — это ее заповедь мне на весь мой дальнейший путь. Все начинается с заповедей. Без заповедей не двинуться в правильном направлении. Она делится со мной опытом, от которого как бы предостерегает меня в самом начале.

Читаю дальше. “Тех, кто щедро и расточительно помогал мне, да и всем, кто попадался на добрые их глаза, — давно нет на свете. Сумею ли я посмотреть их любовным и охраняющим взглядом на тех, кто молод, на Веру Зубареву, например?”

Останавливаюсь на этом вопросе. Почему она сомневается в том, что несомненно? Если написала это письмо, значит, может посмотреть на молодых “любовным и охраняющим взглядом”? Наверное, этот вопрос из ее собственного прошлого, когда она была такая, как я, и ей приходилось сталкиваться с вещами, которые и заставили задуматься над всем этим. В тот момент я еще до конца не понимала, до какой степени она распростерла над мной свои крылья ангела-хранителя и как решительно собиралась воплотить свою мечту увидеть мои произведения опубликованными. Я совершенно не предполагала, что спустя какое-то время, уже в Одессе, начну получать звонки с непонятными поздравлениями и на вопрос, с чем поздравляют, услышу:

— Как, разве ты не знаешь? Твои стихи вышли в “Смене” с предисловием Ахмадулиной!

Да, в то время как в Одессе будет готовиться сборник с ее предисловием, она, ничего не говоря мне, очевидно, чтоб сделать сюрприз, собственноручно отнесет мои стихи в редакцию.

Я, разумеется, немедленно звоню ей.

— Белла Ахатовна, я все знаю, мне сказали... Публикации еще не видела, знаю только, что это “Стихи о волке”. Спасибо! Я... я ничего подобного не ожидала.

— Ну что вы, Верочка, это пустяки. Стихи хорошие, это важно.

В этом — вся она. Достовернее, чем ее поступки, о ней не сможет рассказать никто.

Но это еще только в будущем. Пока же я продолжаю читать ее письмо, все отчетливее понимая, что адресовано оно по большому счету мне, а не издателю.

“Сначала я увидела ее стихи, воображение соотнесло их с морем и побережьем, с бликами, с хрупким чередованием блеска и тени. Прихотливый, независимый и несомненно ра-

нимый мир открылся мне, явилась мысль о возможном обидчике воздуха и моря”.

Мысль об “обидчике” удивила меня поначалу, но как я узнала уже позже, она была защитницей по природе своей и самоотверженно заступалась за всех угнетенных и обиженных, включая и животных. Азарий Мессерер, например, рассказал мне как-то, что она взяла вину на себя, чтобы не наказывали за то, что напроказничали. Кот по кличке Ньюар любил поохотиться на мышей ночью, но дверь на террасу была покрыта сеткой, и как-то он все же разорвал сетку, чтобы убежать на охоту. Утром, когда дырку обнаружили, “Белла заявила, что это она выходила покурить и не видела сетки на двери, пройдя сквозь нее”, вспоминает Азарий. Она выгораживала этого провинившегося кота так самозабвенно и истово, что всем стало смешно, и кота простили. Потом для него заказали специальное окошко в сетке, чтобы он мог свободно выходить из дому. “Она очень полюбила этого кота и часто спрашивала о нем”, — писал мне Азарий, и я вдруг вспомнила, как, уже будучи в гостях в Америке, в одном из наших разговоров она упомянула, что ощущала с детства, что была рождена для миссии защитницы.

— Мне в детстве всегда было жаль негров и бездомных собак, и когда я читала, как угнетают одних и издеваются над другими, то сердце мое просто разрывалось на части, — рассказывала она мне во время прогулки в Брин Атене. — Да, так переживала за них, что однажды все же не выдержала и написала стихи в “Пионерскую правду” об угнетенных неграх. А редактор мне ответила, что у меня доброе сердце, но, кроме негров, есть еще много объектов для жалости...

Взросление не изменило, а даже, наоборот, развило это защитничество в ней. Она писала письма многим политическим деятелям, заступаясь и за Синявского, и за Солженицына, и за Сахарова, и за Параджанова... Она рассказывала мне, как продумывала стиль каждого письма-прошения в правительство, в зависимости от того, кому и что писала, чтобы не испортить дела. Она придавала стилю не меньше значения, чем сути письма, поскольку от стиля иной раз зависела судьба того, о ком составлялось прошение. Она оттачивала свой поэтический стиль, чтобы не только улаживать слушателей с подмошников, но и искусно фехтовать им во имя спасения ближних за кулисами. Ее охранные грамоты, которые она щедро и смело писала, даровали ее “подзащитным” жизнь и свободу.

Но тогда, в мой первый визит к ней, я обо всем этом не подозревала — многое было скрыто от нас, живущих в провинциях. Я пришла к ней из полудетского неведения, за мной тянулся светлый Пушкин и город с “златоглавыми церквями”, на побережье которого плескались волны. Ее же Лукоморье было куда более тревожным, и девятых валов там было не счесть. Но она, как и мой отец, знала, как вести свой корабль в шторма.

“И сама милая Вера очень понравилась мне! Я верю, что она слышит голос своей звезды, предвещающей удачу, но оберегающей от суеты, вздора, поспешности. Ее стихи — изъятие ясной и суверенной души, грациозно существующей в осязаемом пространстве”.

Голос звезды, оберегающей от суеты, вздора, поспешности... Она словно прочитала напутствие, которое отец написал мне на моей первой тетради стихов. Оно заканчивалось следующими строчками: “Услышь, чего никто не слышит”. “Она слышит голос своей звезды”, — будто отвечая моему отцу, пишет она. Нет, это не обо мне тогдашней, и не обо мне сегодняшней. Это о том, как я должна идти свой путь, не предавая голоса своей звезды. “Не дай мне Бог бесстыдства пред листом / бумаги, беззащитной предо мною”.

Напутствие заканчивалось ее мечтой о выходе в свет моей первой книги.

“Я мечтаю и надеюсь, что у Веры Зубаревой выйдет книга. Чудесно, что это будет в Одессе! Само имя города кажется мне неопровержимо счастливой приметой”.

Я держу драгоценный листок, в котором очерчен весь мой путь — от заповеди до благословения. Впереди — годы жизни, труда и борьбы. Годы становления.

— Теперь я должна все это оправдать, — отвечаю на ее немой вопрос о том, что я думаю по поводу предисловия.

Она обнимает меня на прощание, и я уношу с собой ее свет навсегда.

Вера ЗУБАРЕВА
источник: Neva

Записки путешественника

ЕСЕНИН В ПЕРСИИ

Голубая да веселая страна.
 Честь моя за песню продана.
 Ветер с моря, тише дуй и вей —
 Слышишь, розу кличет соловей?

Почему поэт пишет о том, что продал свою честь за умение писать стихи? Нет ли в этом глубоко скрытого подтекста о событиях, которые действительно имели место в его жизни. Где? И когда? Где находится страна, на которую дует ветер с моря?

Обратимся за ответом в первую очередь к стихам Есенина. Мне, как поэту, известно, что настоящие стихи никогда не лгут.

Золото холодное луны,
 Запах олеандра и левкоя...
 И тебя блаженством ошафранит...
 Так вторично скажет листьев медь...

(строчки из стихотворения
 «Золото холодное луны»)

Свет вечерний шафранного края...
 Так спросил я, дорогая Лала,
 У молчащих ночью кипарисов

Кипарисы растут в субтропическом и тропическом климате северного полушария, распространены в широте Средиземноморья. Мрачная тёмно-зеленая листва кипариса вечнозелёного с древних времён уже служила эмблемой печали, а потому это дерево часто разводится в южном климате на кладбищах. Этот кипарис был посвящен у греков и римлян богам, преимущественно Плутону. Кипарисовые ветви клались в гробницы умерших; ими украшались в знак траура дома; на могилах обыкновенно сажались кипарисовые деревца.

Родина олеандра — обширная полоса сухих и полусухих субтропиков от Марокко и Португалии на западе до Южного Китая на востоке. Дикий олеандр часто занимает русла пересыхающих рек. Растение засухоустойчивое, но теплолюбивое, хотя и выносит зимние непродолжительные понижения температуры до 10 градусов. Идеально произрастает в условиях средиземноморского климата.

Левкой или Маттиола (лат. *Mattiolla*) — род однолетних и многолетних травянистых растений семейства капустные или крестоцветные (*Brassicaceae*), распространённых в Южной Европе, Средиземноморье и соседних регионах.

По Этимологическому словарю русского языка русское название «Левкой» пришло через нем. *Levkoje* или итал. *leucojo* из лат. *leucoion*, греч. — «белая фиалка».

Белая фиалка — вид, распространённый в Европе, на Кавказе, в Средиземноморье. Растёт в лесах, зарослях кустарников, до 1500 м над у.м.

Шафран — его ареал включает в себя Средиземноморье (Южная Европа и Северная Африка), Малую Азию, Ближний Восток и Центральную Азию вплоть до Западного Китая. Требуется открытого солнечного местоположения и проницаемой почвы. Используется в качестве пряности, пищевого красителя и натурального жёлтого красителя, добываемого из цветков. Известен в Греции с раннего Средневековья. Краситель добавлялся непосредственно в темперное связующее:

порошкообразный краситель смешивался с яичным белком и широко использовался для иллюстрирования рукописей. Из шафрана с белком также изготавливался золотистый лак для придания поверхности олова золотого оттенка — имитации золотого листа.

Отчего луна так светит тускло
 На сады и стены Хороссана?

И снова:

В Хороссане есть такие двери,
 Где обсыпан розами порог.
 Там живет задумчивая пери.
 В Хороссане есть такие двери,
 Но открыть те двери я не мог...

Хораса;н (перс. — *Xor;s;n* — откуда приходит солнце) — историческая область, расположенная в Восточном Иране. Название «Хорасан» известно со времени Сасанидов. Провинция Хорасан известна по всему миру производством шафрана и барбариса. Кстати, Хоросом называют один из главных церковных светильников, который имеет особый статус. Круглые хоросы для храмов изготавливались на Руси в Киеве еще в XII веке.

Древние хоросы изготавливались из дерева или металла, и представляли собой колесо из дерева или металла, которое горизонтально подвешивалось к потолку на цепях. На этом колесе укреплялись светильники — свечи, лампы. Иногда хорос выполнялся в виде полукруглой чаши, в углубление которой ставилась лампада. Позже форма хоросов стала усложняться, их стали украшать орнаментом и различными символами. В древнеславянской мифологии Хорс — бог солнца, Поклонение к нему пришло к славянам из Персии. Празднование весны — прыжки через костёр (вспомните сказку «Снегурочка»), поджигание и пускание с холма огненного колеса — всё это суть — древнее поклонение Хорсу — Солнцу. Когда-то я писал об этом боге в своей азбуке славянской мифологии:

Хорс
 Колесо сияющего света
 Медленно плывет по небесам...
 Всюду жизнь теплом его согрета
 И готова к новым чудесам!
 Слава Хорсу — диску золотому,
 Светом пробудившему весну!..
 Солнцу люди рады по-простому,
 Словно в марте первому блину:
 На полях водят хороводы,
 На холмах колеса жгут огнем -
 В честь его блистающей свободы
 В небе день рождающей за днём!

И русское слово «ХОРОШО» (искаженное «Хоросо») — того же происхождения. «Хорошо» — значит «солнечно», «утренне», «светло». Так что есенинская луна в данном случае светит на Хорасан отраженным светом Хорса (Солнца), возвращая Солнечной стране то, что принадлежит ей по праву — солнечный свет.

Читаем дальше есенинские «Персидские мотивы» :

Я спросил сегодня у менялы,

Что дает за полтумана по рублю...

Туман - счетно-денежная единица Ирана. Золотая и серебряная монета, содержащая 10 иранских риалов. Тума;н, тома;н, (по англ. toman) — официальная денежная единица Персии с 18 века до 1932 года. В середине XIX в. 1 персидский туман стоил 4 рубля. Банкноты выпускались имперским банком Персии. В 1932 году была проведена денежная реформа, туман заменён иранским риалом по курсу 1:10. Хотя в настоящее время государственной валютой остаётся риал, цены в розничной торговле указываются, как правило, в туманах. Это делается для удобства и позволяет отбрасывать лишнюю ноль при расчётах. В некоторых случаях под туманом понимают примерно один доллар. Таким образом, давать всего один рубль за целых полтумана – это форменный грабёж со стороны менялы!

Итак, поэт ведет речь о стране, где произрастают шафран, олеандр, левкой и белые фиалки. То есть: это страна сухих и полусухих субтропиков, с засухами и пересыхающими летом руслами рек. В тоже время рядом находится морское побережье. Страна, где даже самой лютой зимой температурой никогда не опустится ниже минус 10 градусов. Горы этой страны не превышают 1500 метров. Здесь много открытых, незалесённых солнечных песчаных мест (проницаемые почвы). В этой стране популярны шафрановые красители, а в пище – шафрановые пряности. В этой стране на кладбищах принято сажать кипарисы. Древним символом этой страны является бог солнца Хорс, а её главной национальной валютой - персидский «туман».

Вся эта информация следует исключительно из стихов Есенина. При этом официально считается, что Есенин всё это написал в Баку, ни разу не посетив Персию. Но перед нами – никакой не Баку, перед нами именно Персия! Женщины в этой стране ходят поголовно в чадре (в Баку, на пятом году советской власти – поголовно в чадре? Нонсенс!). И как это понимать?

Понимать это можно так, что цикл стихов «Персидские мотивы» написан Есениным намного раньше, не в 1924 и 25 годах, когда на самом деле он создал поэму о 26 бакинских комиссарах (там действительно реалии Баку), а... осенью 1920 года! «Листьев медь», «вечерний шафранный край» - это осень!

Известно, что первый приезд Есенина в Баку состоялся в августе 1920 года. Приехал он вместе со своими друзьями: поэтом Анатолием Мариенгофом и большевиком Григорием Колобовым. Именно здесь, в Баку, Сергей Александрович закончил поэму «Сорокоуст», которая являлась важным, этапным произведением в его творчестве. По свидетельству Т. Ю. Табидзе, во время своей первой продолжительной поездки на Кавказ (июль-сентябрь 1920 г.) Есенин на очень короткое время, где-то в августе, заезжал в Тифлис, еще находившийся под властью меньшевиков (см.: Белоусов В. Персидские мотивы. М., 1968, с. 10-11).

Так же известно, что в 1920 году, когда Есенин и братья Кусиковы арестовывались ЧК, помощь поэту оказал Блюмкин, обратившийся с ходатайством отпустить его на поруки. Этот инцидент произошел в Москве в конце сентября 1920. А где был Блюмкин перед этим? На первом съезде народов Востока, состоявшемся 1–8 сентября 1920 г. в Баку, который в западной литературе часто именуется как «Бакинский съезд»... В мае 1920 года Волжско-Каспийская военная флотилия под командованием Федора Раскольникова и Серго Орджоникидзе направляется в Энзели (Персия), с целью возвращения российских кораблей, которые увели в Персию эвакуировав-

шиеся из российских портов белогвардейцы. В результате последовавших боевых действий белогвардейцы и занимавшие Энзели английские войска отступили. Воспользовавшись этой ситуацией, в начале июня вооружённые отряды революционного движения дженгалийцев под командованием Мирзы Кучюк-хана захватывают город Решт — центр остана (провинции) Гилян, после чего здесь провозглашается Гилянская Советская Республика. Блюмкина направляют в Персию, где он участвует в свержении Кучюк-хана и в приходе к власти хана Эхсануллы, которого поддерживали местные «левые» и коммунисты. После переворота Блюмкин участвовал в создании Иранской коммунистической партии (на базе Социал-демократической партии Ирана «Адалат»), стал членом её Центрального комитета и военным комиссаром штаба Красной Армии Гилянской Советской Республики. Он представлял Персию на Первом съезде угнетённых народов Востока, созванном большевиками в Баку. Примечательно, что среди делегатов было 50 женщин, а помимо Блюмкина, выступавшего от иранской делегации, участвовал в съезде известный в то время политический авантюрист – разведчик Джон Филби (отец легендарного советского разведчика Кима Филби), выдававший себя за араба. Но самым знаменитым гостем Бакинского съезда, безусловно, был видный турецкий политический и военный деятель Энвер-паша, скандал вокруг участия и выступления которого стал чуть ли не главным событием тех дней и вошел в историю съезда отдельной страницей.

Кстати, не следует забывать о том, что отношение к северным иранским территориям у России и раньше было, мягко говоря, не сторонним. В начале XIX века североиранские прикаспийские провинции Гилян и Мазендеран принадлежали Российской Империи, однако через несколько десятилетий их вернули Ирану. В условиях бесконечных внешних войн их удержание на далёких южнокаспийских берегах стало для русского правительства непосильной задачей. В сентябре 1920 г. правительство РСФСР принимает решение о сворачивании своей военной операции в Персии и приступает к переговорам с шахским правительством. Блюмкина это событие в Персии уже не застало - в сентябре 1920 г. он поступил в академию генштаба РККА.

Увы, до сих пор мало кто обращает внимания на тот факт, что в своих автобиографиях Есенин неоднократно писал, что в 1919-21 гг. много ездил по стране и перечислял места, где ему довелось тогда побывать – Мурманск, Соловки, Архангельск, Туркестан, Киргизские степи, Кавказ, Персию, Украину и Крым. Великий поэт никогда не страдал топографическим непониманием. Кавказ – это Кавказ. Персия – это Персия. Он знал точно, о чем писал.

Косвенно это подтверждается статьёй Льва Троцкого памяти Сергея Есенина в газете «Правда» № 15 за 1926 год: «Поездка по чужим странам, по Европе и за океан не выровняла его. Тегеран он воспринял несравненно глубже, чем Нью-Йорк. В Персии лирическая интимность на рязанских корнях нашла для себя больше сродного, чем в культурных центрах Европы и Америки». Так что «Персию» отнюдь не стоит считать опиской или поэтическим преувеличением.

По воспоминаниям великого русского актера Василия Ивановича Качалова о своей первой поездке в Персию (именно в Персию, а не в Баку!) рассказывал ему при их личной встрече сам Сергей Есенин. Для поэта тот краткий вояж стал дверью в иной мир — удивительный, непохожий на все предыдущее. И все это он гениально отобразил в своих «Персидских мотивах», созданных явно по свежим впечатлениям — либо еще в Персии, либо по дороге домой. Есенин вполне мог быть в Персии с середины августа до начала сентября и вернуться в Баку вместе с Блюмкиным.

И укор самому себе («честь моя за песню продана») может относиться именно к тому, что он напросился на поездку в Персию, что-то пообещав за это власть имущим. И это его мучило.

О том, что такая поездка Есенина по тем временам была вполне реальна, говорит и тот широко известный факт, что другой великий поэт, Велимир Хлебников, оказавшись в сентябре 1920 года в Баку, замыслил пробраться ещё дальше на восток, в Персию. И вскоре его замысел был осуществлён. В начале 1921 года советская Россия сформировала в Баку Персидскую красную армию (Персармию), которая была направлена в Персию для оказания помощи повстанцам. Хлебников был приписан к армии в качестве лектора. Путешествие в Персию стало очень плодотворным для Хлебникова. В этот период он создал большой цикл стихотворений, а также начал поэму «Труба Гульмуллы», посвящённую его впечатлениям от Персии, которая была завершена в конце 1921 года. В целом Гилянская Советская республика просуществовала недолго — с июня 1920-го по сентябрь 1921 года.

И всё-таки вероятность того, что в августе 1920 года Сергей Александрович так и не смог достичь желанной Персии существует. Если после Баку его видели в Тифлисе, то это совсем не по пути в Персию, а скорее ближе к Черному морю. Если в сентябре он был уже в Баку, то на весь предполагаемый персидский вояж (вместе с дорогой туда и обратно) и на написание стихотворного цикла у поэта оставалось недели две, не более того. Это в принципе возможно, но выглядит не очень убедительно и чрезвычайно рискованно.

И по поводу своей строчки о чести, проданной за песню. Очень уж она напоминает один из рубайатов поэмы «Хайя-миада» Эдварда Фицджеральда:

**«Мои кумиры, ваша в том вина,
Что жизнь моя навек посрамлена:
В стакане — имя доброе мое,
А честь моя за песню продана».**

В марте 1857 года, в библиотеке Азиатского общества (Калькутта) английский санскритолог Кауэлл обнаружил серию персидских четверостиший Омара Хайяма и выслал их английскому поэту Эдварду Фицджеральду, в дальнейшем прославившемуся на весь мир именно благодаря переводам четверостиший Омара Хайяма (англ. The Rubaiyat of Omar Khayyam).

Строки и фразы из этой поэмы использовались во многих литературных произведениях, среди которых: «Шахматная доска» Невилла Шюта, «Весенние пожары» Джеймса Миченера, «Указующий перст» Агаты Кристи, «О, молодость!» Юджина О'Нила. Аллюзии, связанные с текстом Фицджеральда, часты и в коротких рассказах О'Генри. Весьма популярны были эти четверостишия и в литературно-богемной среде России начала двадцатых годов. Естественно, увлекался их чтением и Есенин...

И всё-таки. Если несмотря на все приведенные аргументы и предположения в действительности поэту так и не удалось побывать в Персии, уровень его духовного проникновения в реалии персидской поэзии таков, каким он может быть либо у человека, реально жившего на Востоке, либо у гения. И если первое как бы под вопросом, то второе очевидно.

Сам я к Есенину отношусь как к близкому, родному человеку. По даче в Мардакянах (пригород Баку, где поэт проживал в 1925 году) он — сосед моей сестры. Бывая у сестры, конечно, еду к морю и каждый раз — мимо барельефа Есенина работы Фуада Салаева с запечатленными словами поэта: «Прощай, Баку!...» Так же называется и последняя песня Мус-

лима Магомаева. Словами Сергея Есенина он попрощался с родным городом и бакинцами... О том и моё стихотворение, написанное однажды много лет назад:

МЕЖДУ ВЕТРОМ И ВЕТРОМ

**«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...»
Сергей Есенин.**

**(Эти слова высечены на барельефе
возле дома, в котором жил поэт, —
рядом с дорогой, ведущей к морю.)**

**Бродивший по Нью-Йорку и Парижу,
Воспевший грусть и яблоневый цвет,
«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» —
Однажды в прошлом произнес поэт.
И в веке новом, явленном пока мне,
Как путь на море или путь домой, —
«Прощай, Баку!», начертанное в камне,
Не раз мелькало за моей спиной.
Я уезжал и возвращался снова —
Всё в тот же край, где маялись ветра,
Ветшал мой дом, и шелестом былого
Мне вновь напомнил два печальных слова
Последний тополь моего двора.
Прощай, Баку! Покуда сердце бьётся,
Покуда жив, покуда вижу свет,
Поверь, твой сын к тебе ещё вернётся,
Как к песне возвращается поэт.**

За время, проведенное в Азербайджане, Есенину довелось познакомиться со многими выдающимися людьми. Однажды он подружился с великим азербайджанским поэтом Алиагой Вахидом. Тот неоднократно приглашал нового друга на литературно-музыкальные встречи — меджлисы. Там Есенин впервые услышал мугам и сравнил его с исполнением произведений Баха «Мне очень нравятся ваши стихи, но о чем они?» — спросил однажды поэт. Вахид ответил: «О чем может писать поэт? О любви, о жизни, о смерти».

Алиага Вахид (1895 - 1965) дружил с другим великим азербайджанским поэтом — Сулейманом Рустамом (1906 - 1989), очевидцем того времени, стихи которого «о любви, о жизни, о смерти» мне посчастливилось слушать в середине восьмидесятых в присутствии их автора там же, в Шувелянах (это рядом с Мардакянами) на даче известного поэта и переводчика, моего учителя, Владимира Кафарова. И шумело море, и шуршал песок в виноградных лозах... Три дня и три ночи...

Есенин жил в Мардакянах вместе со своей женой Софьей Андреевной Толстой на служебной даче Петра Ивановича Чагина, второго секретаря ЦК и главного редактора газеты «Бакинский рабочий», своего друга. В этой же газете печатались его свежие стихи. Я помню «Бакинский рабочий», потому что и мои стихи через 60 лет после того тоже печатались там.

Именем Есенина в Баку названы улицы и парки. В Мардакянах работает дом-музей его имени. Здесь, в Баку, всегда будут помнить русского поэта, признавшегося однажды: «Не могу долго жить без Баку и бакинцев...»

Последнее и самое продолжительное пребывание поэта на азербайджанской земле пришлось на конец июля — начало сентября 1925 года. Всего за несколько месяцев до трагического ухода из жизни.

Эльдар АХАДОВ

Записки путешественника

“ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?”

Стихотворение «Что в имени тебе моем?» написано А. С. Пушкиным в 1830 году и посвящено Каролине Собаньской. Особых споров стихотворение (и посвящение) у пушкинистов и комментаторов не вызывало. Оно публикуется почти во всех изданиях поэта, занимая видное место в циклах любовной лирики Пушкина. Данное исследование ставит целью определить принадлежность этого лирического шедевра к циклу крымских стихов поэта, чтобы придать ему конкретно определенное наполнение. Смысл, таким образом, не меняется, но углубляется, приобретая романтический оттенок. О том, что стихотворение посвящено Каролине Собаньской, есть авторитетное свидетельство М. А. Максимовича, литератора, хорошего знакомого Пушкина. Максимович рассказывает о своем пребывании в Крыму в 1836 году: «... мы посетили знаменитую южнобережную княгиню Голицыну ... под ее защиту явилась в то лето из Одессы покинутая и обиженная графом Виттом — для него покинувшая своего мужа, графиня Собаньская, в альбоме которой видел я стихи, некогда написанные ей Пушкиным: «Что в имени тебе моем?»»

Каролина Собаньская — дочь киевского предводителя дворянства графа Ржевуского. Она вышла замуж за Иеронима Собаньского, с которым не жила, а с 1821 года находилась в почти официальной связи с Иваном Осиповичем Виттом, начальником военных поселений в Новороссии, организатором тайного сыска за декабристами и просто довольно мерзким человеком. Собаньская по инициативе Витта была причастна к тайному сыску. В 1836 году она, расставшись с Виттом, выходит замуж за драгунского капитана Чиркновича. А в преклонном возрасте становится женой французского литератора Жюля

Лакруа. Кстати, сестра Каролины Эвелина Ганская также была женой французского писателя — знаменитого Оноре де Бальзака.

Стихотворение «Что в имени тебе моем?» написано четырёхстопным ямбом и состоит из четырех строф. Я предполагаю, что в какой-то степени оно связано с южными путешествиями поэта и, в частности, с Крымом. В первой строфе возникает развернутая метафора, где шум моря по прихотливой звуковой ассоциации представляется поэту похожим на имя лирического героя:

**Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег
дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.**

Здесь речь явно идет о Черном море. Волны, которые ласковы, характерны поэтике Пушкина: «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду, // На утренней заре я видел Нереиду...», «Мне моря сладкий шум милее...». В элегии, которая первоначально называлась «Таврическая звезда»: «Где дремлет нежный мирт и темный кипарис, // И сладостно шумят полуденные волны». Довольно часто поэт вспоминает Черное море романтически:

**Я помню море пред грозою;
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!**

В незавершенном отрывке «Когда порой вспоминаешь...» есть сравнение южного моря и сурового Балтийского:

Тогда забывшись я лечу
Не в светлый край, где небо блещет
Неизъяснимой синевой,
Где море теплою волной
На пожелтевший мрамор плещет.

Стремлюсь привычною мечтою
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там.
Печальный остров...

При описании Балтийского моря (незавершенная поэма «Вадим») лексика у поэта совсем иная:

Суровый край! Громады скал
На берегу стоят угрюмом;
Об них мятежный бьется вал,
И пена плещет; сосны с шумом
Качают старые главы
Над зыбкой пеленой пучины...

Таким образом, можно предположить, что метафора «...Волны, плеснувшей в берег дальный ...» – описывает Черное море.

Вторая строфа – тоже развернутая метафора:

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Эти строчки могли ассоциироваться с надписями на ханском кладбище в Бахчисарайском дворце. Европейские языки Пушкину и его современникам были хорошо знакомы, а «узор надписи надгробной» – скорее всего арабская вязь эпитафии на мусульманском памятнике вроде той, о которой поэт писал еще в «Бахчисарайском фонтане»:

Есть надпись: едкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ее чертами
Журчит во мраморе вода.

Разумеется, могильные камни с арабской вязью Пушкин видел и на Кавказе, о чем он писал в «Путешествии в Арзрум»: «За городом находится кладбище. Памятники стоят обыкновенно в столбах, украшенных каменною чалмою. Гробницы двух или трех пашей отличаются большой затейливостью, но в них нет ничего изящного, никакого вкуса, никакой мысли». Это описание реалистическое, лишенное романтической приподнятости и эмоциональности – можно, пользуясь словами С. Фомичева, назвать «документальным реализмом». Вспомним, как изображалось ханское кладбище в «Бахчисарайском фонтане»:

Я видел ханское кладбище,
Владык последнее жилище.
Сии надгробные столбы,
Венчанны мраморной чалмою,
Казалось мне, завет судьбы
Гласили внятной молвою.

Именно в Крыму, в Бахчисарае, поэт впервые ощутил, прочувствовал Восток. Поэтому можно утверждать, что стихотворение «Что в имени тебе моём?» имеет крымские корни, основано на крымских воспоминаниях. Не случайно в письме к Собаньской, написанном через несколько дней после создания стихотворения, Пушкин пишет: «Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму. Там смогу я совершать паломничества, бродить вокруг Вашего дома, встречать Вас, мельком Вас видеть...»

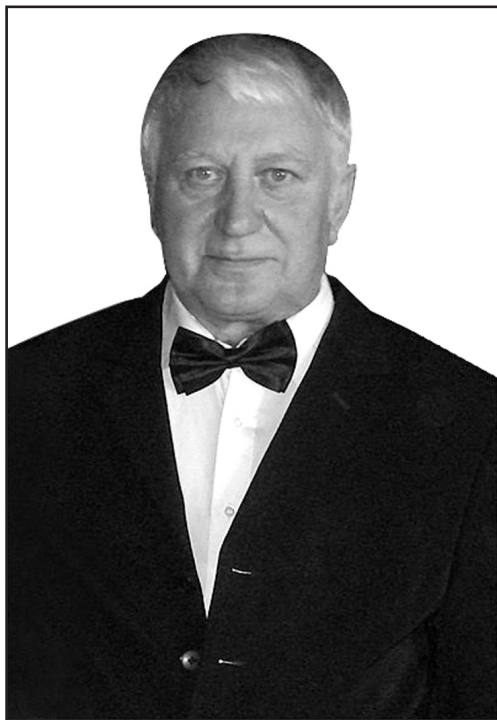
Следующие две строфы:

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его, тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

Главное в этом стихотворении – тема памяти. Его можно рассматривать и как аллюзию из Ветхого Завета. «Память – это память перед Господом, и перед лицом его пишутся памятные тексты, будь то книга или имена на камнях для ритуальной одежды... Таким образом, воспоминания в Ветхом Завете – это акт связи между Богом и человеком. Связь, которая может быть живой, актуальной, личной». (В. Аверин. «Воспоминание как сюжет: Библия – Пушкин – XX век.») А память о поэте, связанная с Крымом, как и память о самом Крыме, вместившем в себя новые впечатления, новую любовь, возможно, не одну, отложились, отполировались временем и послужила почвой для многочисленных и разнообразных поэтических проявлений в последующие годы жизни.. Темы, так или иначе связанные с Крымом, навеянные путешествиями по этому «волшебному краю», еще не один раз согреют душу Пушкина. Так, вернувшись через 10 лет к южным воспоминаниям, к той поре и той любви, поэт создает изумительно светлый и легкий образ неосуществленной, но памятной любви.

Аркадий БРОНШТЕЙН
Кандидат филологических наук



Сергей Тимошенко

Историк, поэт, коллекционер, член Петровской академии наук и искусств, член Союза краеведов России, заместитель председателя Челябинского областного общественного фонда культуры, заместитель председателя Челябинского областного русского культурного центра. Эксперт Челябинской областной общественной палаты. Награжден почетными грамотами губернатора Челябинской области, министерства культуры Челябинской области и Международного союза славянских журналистов. Лауреат Уральской премии имени В.П.Бирюкова, автор поэм «Челяба», «Кесене», «Пётр и Феврония», книги «Уральские сказки» и стихотворных сборников. Персональный сайт <http://timoshenko-ural.ru>.

ТАЙНЫ АРКАИМА

ОГНЕННЫЙ ВОСХОД

Г.Б. Здановичу

Когда-то в красочной долине,
Вблизи слияния двух рек
Построил город дивный
Неординарный человек.

Вели все направления зданий,
А также улиц и дворов
К месту молений и мечтаний
И почитаемых костров.

К центральной площади сходились
Все очень сложные пути,
Там люди у огня толпились,
Связь с божеством стремясь найти.

Круг в самом центре Аркаима
Был местом изучения звезд,
Там с башни в мир необозримый
Жрецы прокладывали мост.

Был создан город для обрядов
И совершенства ремесла,
В нём стен надёжная ограда
Народу множество спасла.

Когда опасность приближалась,
Все устремлялись в Аркаим,
А воины вдали сражались
С очередным врагом своим.

Воде все с детства поклонялись
И читли трепетно огонь,
Умениям разным обучались
Подростки родственных племён.

В быту многосемейных общин,
Обычаев царила власть.
Здесь не имели личных вотчин
И жили без привычки красть.

Все люди были равноправны
В стремление выйти из нужды,
Но их характер своенравный
Смиряли мудрые вожди.

Дарила бронза многим радость,
И часто в формах стыл металл,
Гнал город-храм из жизни праздность,
Но о спокойствии мечтал.

Был Аркаим похож на карту
С ближайших невысоких гор.
Вдоль речки всадники с азартом
Скакали на степной простор.

Здесь каждый житель край свой милый
Любил за огненный восход,
Прекрасное вселяло силы,
И даль влекла к себе народ.

В ней просыпалась низина,
Увалы горные и степь,
На горизонте в дымке синей
Виднелась солнечная цепь.

Так Аркаим встречал обычно
Явившийся с рассветом день,
И многих радовал привычный
Вид площади, жилищ и стен.

Когда-то в красочной долине,
Вблизи слияния двух рек
Построить город дивный
Смог гениальный человек.

ПРОЩАНИЕ

Г.Б. Здановичу

Степь солнце в полдень раскалило,
Вода вся высохла во рву.
Порывы ветра шевелили
Чуть пожелтевшую траву.

Стал Аркаим совсем безлюдным
И гордо ждал свой смертный час,
День оказался очень трудным.
Всё было здесь в последний раз.

С собою семьи уносили
Лишь то, что можно увезти,
Дома, в которых они жили,
Остались в городе пусты.

Все на него теперь смотрели,
Чтобы проститься навсегда.
Лишенья дольше бы терпели,
Но надвигалась беда.

Народ знаком был с миром дальним,
За положеньем звезд следил
И с обречённостью печальной
Ждал откровения светил.

Жрецов гаданья подтвердились
Явлением больших неведом,
Леса сгоревшие дымились,
Повсюду бедствовал народ.

Жара с апреля наступала,
Не стало слышно летних гроз,
В долине засуха стояла.
Зимой усилился мороз.

Покинуть город звёзды звали,
Остаться в нём никто не мог.
Людей иные земли ждали
И пыль неведомых дорог.

Мужчины с обликом печальным
Повозки нагружали в путь,
Готовились к скитаньям дальним,
Ведь прежней жизни не вернуть.

Пять колесниц готовы быстро
Народ в походе защитит,
И каждый лучник, сделав выстрел,
Мог щит врага стрелой пробить.

Люди давно у стен стояли,
Сигнальный рог вдруг затрубил,
Развязки все с тревогой ждали
И час прощанья наступил.

Семь факелов больших по кругу
Неслышно всадники зажгли,
И, дав условный знак друг другу,
К стене их с грустью поднесли.

Вдруг кучи хвороста и сена
Кострами стали в один миг,
А город превратился в сцену
Для бывших жителей своих.

Фигуры скорбные застыли.
Огонь взметнулся по стене,
Их лица пламя осветило,
И плач раздался в тишине.

Пожар зажёг вдоль Аркаима
Семиконечную звезду,
И пламя в ней неудержимо
Тянуться стало в высоту.

Уже всю горели бревна
На внешней городской стене,
Но частокол полоской ровной
Пока темнел ещё в огне.

А в город полетели стрелы
С огнём для брошенных жилищ.
Кострами крыши их горели,
Дым, извиваясь, рвался ввысь.

Искало пламя жертвы с жаждой.
Пылал пустынный Аркаим,
Теперь он расставался с каждым,
Кому был с детства дорогим.

Народ стоял у стен горящих
Запоминал все и молчал,
Но в память жителей скорбящих
Вползала медленно печаль.

В дыму не видно было улиц
И даже городских ворот.
Людей цепочки разомкнулись,
И первый ряд открыл исход,

Чем дальше семьи уходили,
Тем больше таял круг живой,
Гнал ветер в след им клубы пыли,
И слышен был собачий вой.

Беду почуяв, ржали кони,
Но груз с покорностью везли,
А замыкавшие колонну
Уже к дороге подошли.

Толпа все время удалялась,
Оставив навсегда Урал,
Жара по-прежнему держалась
И тихо город догорал.

НОЧЬ НА ГОРЕ ШАМАНКЕ

М.С.Т.

Спит город мёртвый под луною,
Две речки медленно текут,
В долине каждую весною
Людей былые дни влекут.

Между двух гор гуляет вечность
И звёзд особый льется свет,
Здесь в плен людей берёт беспечность
И воплощаемость примет.

Видны с горы Шаманки тени,
Гурьбой идущие в ночи,
Они хотят нащупать стены
И от ворот найти ключи.

Стремятся призраки к могилам
Своих родных во тьме порой
И вспоминают город милый,
Танцую в полночь под горой.

Чуть позже, при сиянье звездном
Я вдруг с вершины увидел,
Как путь какой-то странник поздний
Над Аркаимом освещал.

Потом наездники явились
И сразу усаkali в даль,
Лишь факелы во тьме светились,
Но скоро их огонь пропал.

Мне долго в тот момент казалось,
Что всё ещё огни плывут
И всадники, в седле качаясь,
С собой уйти меня зовут.

ЧУДО ЛЕТНЕЙ НОЧИ

Дремала старая долина.
Здесь был когда-то Аркаим.
Полночный свет полоской длинной
Ковром казался дорогим.

Луна с улыбкою катила
Великолепный желтый круг,
И землю ярко осветила,
Затмив серебряных подруг.

Но звёзды холодно смотрели
На щедрость всех её красот
И с безразличием горели,
Собой украсив небосвод.

Я долго слушал поздней ночью
Волшебный звездный перезвон
И видел, как Луна хохочет,
Землян смущая хрупкий сон.

Здесь гость любой увидит чудо
И с пробуждением скрытых сил,
С волнением стремиться будет
Понять язык ночных светил.

В тот миг чудеснейший, наверно,
Когда гул звезд воспримет слух,
В мир бесконечный, многомерный
Живых сердец прорвётся звук.

Узревший вечность, по-иному
Жизнь станет всю воспринимать,
Его к свиданию ночному
Вид звёзд далёких будет звать.

Дремала гордая долина.
И круг, что в прошлом – Аркаим,
При освещенье лунном дивном
Мне стал казаться неземным.

Аркаим был основан около 4000 лет назад. А спустя 500 лет он прекратил свое существование. Организованный уход его жителей совпал с крупной экологической катастрофой – взрывом вулкана Санторин в Эгейском море.

Переводы



Евгений Фельдман

Родился в Омске в 1948 году. Закончил Омский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков и исторический факультет) и аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета. Член Союза российских писателей и Союза переводчиков России. Единственный за Уралом профессиональный поэт-переводчик. Стаж творческой деятельности – более 40 лет. Перевёл свыше 60.000 стихотворных строк из англо-шотландской классической поэзии. Больше всех в России перевёл из Редьярда Киплинга (треть всего творческого наследия Киплинга-поэта), Роберта Бернса (две трети; для сравнения – С.Я.Маршак около 36%) и Джона Китса (чуть более половины творческого наследия). Впервые перевёл и подготовил для печати сборник стихов Артура Конан Дойля «Песни действия». Трёхтомная антология «Семь веков английской поэзии» – вышла в московском издательстве «Водолей Publishers» (2007) – на 15% состоит из переводов Евг.Фельдмана. В издательстве «Фолио» (Украина, Харьков) в переводе Евг.Фельдмана вышла любовная поэма Джона Китса «Эндимион» (2008). В этом же издательстве в переводе Евг.Фельдмана вышла книга – Роберт Бернс «Былые времена» (2009). В 2010 году в издательстве «Фолио» вышли книги – Редьярд Киплинг «Кабульский брод» и Омар Хайям «Рубай». В 2010 году Евгений Фельдман стал Лауреатом литературной премии имени И.А. Бунина, а в 2013 году – кавалером ордена «Трудовая доблесть России»

Бен Джонсон (1574-1637)

АЛХИМИК

Ты горы златые владыкам сулишь,
Но беден ты сам, как церковная мышь.

Роберт Хейман (1575-1629)

ПЛАЧУЩАЯ ВДОВА

Скончался твой супруг.
Ты горько слёзы льёшь:
Да, больше ты его
до слёз не доведёшь!

Роберт Хит (1620?-1650)

О ТОМ, КТО
СЧАСТЛИВЕЙ ВСЕХ

Кто же всех счастливей? Тот,
Кто не знает, что живёт.
И не знает сам того,
Что не знает ничего.

Роберт Хейман (1575-1629)

НА УРОДА, КОТОРЫЙ
ЛЮБУЕТСЯ СОБОЙ,
ГЛЯДЯ В КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

И сам ты крив, и зеркало кривое...
Да тыфу на вас! Ко всем чертям – обоим!

Роберт Хейман (1575-1629)

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ
СУПРУГА

Пока я не умер, ты пой ай-люли,
Сама веселись и меня весели.
Когда же уйду я далечко-далечко,
Рыдать или петь – пусть подскажет сердечко.

Роберт Бернс (1759-1796)

ЭПИТАФИЯ
ДОЛГОВЯЗОМУ ПАРНЮ,
УРОЖЕНЦУ ЭЙРА

«Шотландскою милей» когда-то, поверь,
Дразнили мы плоть эту тленную,
И если не к Чёрту попал он теперь,
То Бог им промерит вселенную!

Роберт Бернс (1759-1796)

ОБРАЩЕНИЕ К СМЕРТИ,
КОТОРАЯ ЗАКЛЮЧИЛА
В СВОИ ОБЪЯТИЯ
ГРИЗЕЛЬ ГРИМ,
УРОДЛИВУЮ ВЕДЬМУ
ИЗ ЛИНКЛАДЕНА

Ты с ведьмой тощю, как жердь,
Легла здесь до конца времён,
И этим подтвердила, смерть,
Насколько вкус твой извращён!

Джон Коукли Леттсом (1744-1815)

ЭПИГРАММА НА
ДОКТОРА ЛЕТТСОМА,
СОЧИНЁННАЯ
ИМ САМИМ

Тем пациентам отворял я жилы,
Тем пациентам ставил я компресс.
Те десять дней, те десять лет прожили...
Ни к тем, ни к тем я лишний раз не лез.

Уильям Гаррисон Эйнсворт (1805-1882)

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛУ
СТАРОГО ВОДОХЛЁБА

В сей жалкой могиле почил водохлёб.
Когда бы я мог, винопийца,
Осиновый кол я б загнал ему в гроб:
Он хуже, чем вор и убийца!

Воздвиг миллион, собирая гроши,
И труд был достойно увенчан:
Всё это сынок, веселясь от души,
Спустил на вино и на женщин!

Генри Джеймс Байрон (1834-1884)

СОЛДАТ

Солдат, дисциплиной завязанный в узел, –
Вперёд! – и вражину в бою отволтузил!
Но враг – даже слабый –
над ним всемогущен,
Когда он несобран, развязен, распущен.

Уильям Моррис (1834-1896)

НАДПИСЬ НА ИЗГОЛОВЬЕ
СТАРИННОЙ КРОВАТИ

Ветер-шатун,
Мороз-колотун –
На Темзе-реке,
А ты – вдалеке
От зимней стыни
В моей теплыни.
В доме старинном
Думай в невинном
Глубоком сне
О лете, весне
Зеленолистой
И голосистой
Лесной капелле,
В душе и теле
Без тревожненья.
Оставь сомненья,
Люби меня
До утра дня.
Я немало
Перевидала:
И смех, и слёзы,
И мир, и грозы.
О них смолчу я.
Одно хочу я
Сказать: о люди,
В добре и в хуе
Есть откровенье –
Отдохновенье!

Томас Гарди (1840-1928)

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛУ
ПЕССИМИСТА

Полсотни с лишним лет прожил
Я без жены, ребята,
И жаль, что так не поступил
И мой отец когда-то!

Уолтер Александр Рэли (1861-1922)

ЖЕЛАНИЯ ПОЖИЛОГО
ЧЕЛОВЕКА,
ВЫСКАЗАННЫЕ ИМ
НА ЕЖЕГОДНОМ
ЧАЕПИТИИ В САДУ
БУКИНГЕМСКОГО
ДВОРЦА
В ИЮНЕ 1914 ГОДА

Хотел бы я в племя людское влюбиться,
Хотел бы любить его глупые лица,
Хотел бы считать его поступь прогрессом,
Хотел бы ему я внимать с интересом,
Хотел бы, представлен персоне отдельной,
Увидеть, что счастлива та беспредельно!

Неизвестный автор

БАРОНЕССА ФОН
ШТЕЙН И ПОЭТ ГЁТЕ

Фон Штейн, дворянка,
Встаёт спозаранку.
Когда встаёт Гёте,
Навряд ли поймёте.

Неизвестный поэт

НА ПРЕКРАСНОГО ЮНОШУ,
ОСЛЕПШЕГО ОТ МОЛНИИ

Провиденье к страдальцу благосклонно,
Был к избранным красавец отнесён:
Он стал слепым, подобно Купидону,
Но от судьбы Нарцисса был спасён.

Неизвестный автор

ЭПИТАФИЯ САТИРИКУ

Того очернил и ославил того,
А этого – просто похерил.
В сатирах он Бога щадил одного,
Поскольку он в Бога не верил!

Неизвестный автор

ВРАЧ НА ТОМ СВЕТЕ

Он прибыл на Стикс, и Плутон
Воскликнул: «Немедленно вон!
Коль я пропущу тебя сдуру,
Ты мне оживишь клиентуру!»

Неизвестный автор

Красавица Марта от кори страдала,
От туберкулёза она увядала,
Но всё же скончалась прелестница,
Когда поскользнулась на лестнице!

Неизвестный автор

БЕДНЫЕ ЖИВОТНЫЕ!

По ТРИДЦАТЬ лет живёт ишак,
У бара не замедлив шаг.
По ДВАДЦАТЬ лет живёт овца,
Не зная джина и пивца.
По ВОСЕМНАДЦАТЬ тянет бык,
Что лишь к воде одной привык.
ПЯТНАДЦАТЬ лет живёт Полкан,
Не тяпнув рома и стакан.
ДВЕНАДЦАТЬ лет живущий кот
Лишь молоко и воду пьёт.
Живущий ДЕСЯТЬ лет петух –
Не алкоголик, не питух.
От ишака до петуха
Все в этом мире без греха.

Но СЕМЬДЕСЯТ нетрезвых лет
Живёт иной пропащий дед,
И, лазя в зланные места,
Иной субъект живёт до СТА!

Роберт Льюис Стивенсон (1850-1895)

ГОРОДОК ИЗ КУБИКОВ

Кубик на кубик, – а что же потом?
Выстрою крепость и выстрою дом.
Дождь на дворе и весь город промок.
Дома я выстрою свой городок.

Станет горою высокий диван.
Мягкий ковёр – голубой океан.
Гавань – в углу; заплывают сюда,
Вдоволь по морю поплавав, суда.

Маленькой башней дворец увенчал.
Краше дворца я ещё не встречал!
Вниз по ступенькам к причалу бегу,
Вслед кораблям я машу на бегу.

Эти уплыли, а те пристают.
Слышу, как песни матросы поют.
Вижу, король к ним пожаловал сам
И леденцы подарил храбрецам.

Всякой игре наступает конец.
Крепость я рушу, дома и дворец.
Но неужели исчез без следа
Мой городок – навсегда-навсегда?

Нет, не исчез, но остался во мне.
Вижу его наяву и во сне.
Где бы я ни был, – он в сердце моём,
Мой городок на ковре голубом!

Роберт Бернс (1759-1796)

«Я С ЖЕНОЮ,
ВИДИТ БОГ...»

Я с женою, видит Бог,
Лет не замечаю.
И другим не ставлю рог,
И себе – не чаю.

Никого я не гноблю,
Сам не унижаюсь.
Попрошаек не люблю,
Сам не одолажусь.

Без нужды не лезу в бой,
Ближних не увечу.
Острый нож ношу с собой:
Надобно – отвечу.

Не судимый, не судья,
Завистью не жуен,
Никому не нужен я,
Мне – никто не нужен!

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ-КОНКУРС «ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИРА-2013»



НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИРА».

В конце марта 2013 года вышел в свет первый номер литературно-публицистического журнала «Эмигрантская лира». Его электронная версия доступна по адресу <https://sites.google.com/site/emliramagazine/>. Основные рубрики журнала: поэзия диаспоры, поэзия метрополии, поэтические переводы, малая проза, поэтическая эссеистика, география русского зарубежья, поэтическая жизнь русского зарубежья, интервью, поэтическая критика, творческий портрет, по страницам «Журнального Зала», письма читателей.

В Первом международном поэтическом интернет-конкурсе «Эмигрантская лира-2013», прошедшем с 1 ноября 2012 года по 8 февраля 2013 года на сайте <http://webemlira.ucoz.ru/>, приняли участие 137 авторов из 18 стран (Австралия, Беларусь, Германия, Греция, Израиль, Казахстан, Канада, Латвия, Литва, Молдова, Нидерланды, Новая Зеландия, Португалия, Россия, США, Украина, Эстония, Финляндия).

В конкурсе поэтов-эмигрантов приняли участие 70 человек (51 % от общего числа участников) из 12 стран (Австралия, Германия, Греция, Израиль, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Португалия, США, Украина, Эстония, Финляндия). Квалификационное жюри рекомендовало к участию в конкурсе «поэтов-эмигрантов» 46 подборок стихов (65,7 % от всех полученных подборок этого конкурса).

В конкурсе поэтов-неэмигрантов «Неоставленная страна» приняли участие 67 человек (48,9 % от общего числа участников) из 7 стран (Беларусь, Ка-

захстан, Латвия, Литва, Молдова, Россия, Украина). Квалификационное жюри рекомендовало к участию в конкурсе поэтов-неэмигрантов «Неоставленная страна» 38 подборок стихов (56,7 % от всех полученных подборок этого конкурса).

В финальное жюри, ответственное за определение победителей интернет-конкурса, вошли члены финальных жюри фестивалей «Эмигрантская лира» разных лет и организаторы интернет-конкурса:

Анастасия Андреева (Бельгия), исполнительный директор интернет-конкурса «Эмигрантская лира», Вилли Брайнин-Пассек (Германия), Андрей Грицман (США), Александр Мельник (Бельгия), президент ассоциации «Эмигрантская лира», организатор одноимённого поэтического фестиваля и интернет-конкурса (председатель финального жюри), Александр Радашкевич (Франция), Наталья Резник (США), Даниил Чкония (Германия), Сергей Шелковый (Украина), Михаил Этельзон (США).

Александр МЕЛЬНИК

Победителями интернет-конкурса «Эмигрантская лира-2013» являются:

Конкурс поэтов-эмигрантов

ПЕРВОЕ МЕСТО

Четыркин Михаил

Португалия, г. Порту



Это кажется странным, но даже строфа
Здесь не хочет рождаться. Лежу – и софа
Заменяет покорному телу луга и аллеи,
Так на ней обитаю – лишь выпью вина,
Съем копеечный коржик. И вновь тишина.
И опять – как вчера и наемдни –
страну пожалею.

Не сказать, что тут худо:

в квартирах – ковры,
Можно выкроить деньги на банку икры,
Можно к Новому году потешить
себя «Амаретто»...

Но какой-то в мозгах тут безудержный мрак,
И сквозь евроремонт проступает барак,
И на мягкое сев, ощущаешь углы табурета;

Высочайшим указом сменили конвой –
Почему же ночами всё слышится вой
– Или так специфично себя

проявляет пространство?
Или, может быть, это от игрищ ума?
Или, может быть, здесь неизбежна сума
Арестанта, и злобная ругань,
и общее пьянство?

Почему тут для счастья жуют эфедрин,
Почему Достоевский и М. Е. Щедрин,
До молекул истлев, остаются

в плеяде пророков?
Почему здесь всё меньшему хочешь – Ура! –
Закричать, и лишь чёрного цвета дыра
Жизнь глотает в себя, без причин,
объяснений и сроков...

Это выглядит странным, но здесь умереть
Многим кажется легче, чем чайник согреть,
Чем пойти по грибы,

или в зиму заквасить капусту,
И ты можешь смотреть

в небе майский салют,
Или как трое пьяных прохожего бьют,
Или как, что в душе, что на улице,
грязно и пусто...

Я лежу словно в высохшем русле реки,
Я не чувствую пальцев замёрзшей руки,
И немеет лицо от касаний

небыстрого снега,
А на площади глухо стучат топоры,
И Чума не ушла, и всё длятся пиры.
И, набита битком, погребальная едет телега.

* * *

Эмоции – их словно одолжили,
И бдение – как в счастье забытьё

– В энергосберегающем режиме
Течёт существование моё.

Там, где-то вне, – бои и ураганы,
Площадный гомон, гвалт в очередях,
Там в стрессе и Курилы, и Багамы...
– А тут покой, с томлением в груди.

У вас опять соседи заблажили?
Вы бьётесь как об лампу мотылёк?
В энергосберегающем режиме
Становишься от этого далёк.
Пускай чуть-чуть стремления бумажны,
Пусть млеет плоть, от зноя окосев,
Здесь можно кушать устрицу отважно,
Под пальму предварительно присев.

Иду неторопливо по бульвару,
Павлин пузато хохлит в тени,
Расставленные будто для загара
Приклеены вдоль пирса корабли...

Вспугнуть бы мысли... – нет, не запуржили,
Не стали нервно суживать круги...
В энергосберегающем режиме
Спокойствием заполнены мозги.

Здесь снега нет, гранёного стакана,
Никто, глумясь, не выгонит взашей,
Не бьёшь на стенке тапком таракана,
И жадин, вроде, нет, и алкашей...

Вас в подворотне матом обложили?
Вам до полочки денег бы занять?
– В энергосберегающем режиме
Таких событий даже не понять.

Пожмёт холерик дёрганно плечами,
Зевнёт флегматик – Рай для дураков... –
А я смотрю как океан качает
Флотилию из белых облаков,

И чайка, словно точка от пунктира,
Скользит в невероятной вышине...
И предо мной лежит основа мира,
Без всякой платы отданная мне.

* * *

Что за небо здесь... падаешь в ту синеву
– А как будто взлетаешь неслышно...
Ты прости... Я другим стал. Я просто живу.
Очень просто живу. Так уж вышло.

Я люблю всё, что было. Устав вспоминать,
Не ищу в проходящем печали.
Я иной. Ты меня не захочешь узнать.
Да, скорей, и узнаешь едва ли.

Лёд растаял. Морозные стёкла слюды
Слишком долго мне были глазами...
Может быть, здесь налили мне чистой воды,
Может, доброе что-то сказали...

Позабудь. Я настолько сейчас далеко
(То извечная участь изгоя)...
Позабудь меня... Мягко. Негромко. Легко...
Будет светлое. Будет другое.

Будет всё. Кроме горестей. Кроме беды.
И, наивно молитвы читая,
Вновь мы встретимся в небе.

У синей звезды.

Или падая...
Или взлетая...

ВТОРОЕ МЕСТО

Канаки Катерина

Греция, г. Салоники



Качается, катится ритм однотонный,
и летнего ветра разбег
полощет, как ткань занавески вагонной,
пейзаж меж прищуренных век:

я вижу надежды дырявое донце,
развилку железных дорог,
где падает мячик вечернего солнца
за чахлый сосновый лесок,

и деревце машет обломанной веткой,
как будто замешанной в том,
что я остаюсь анархисткой, поэткой
и чем-то, что будет потом, –

когда зарастут подорожником тропы
и шрамы затянет травой,
и нищие земли Восточной Европы
забылются над головой.

О них, отродясь не выдавших покоя,
песчаное слово в горсти:
не дай им, господь, ни царя, ни героя,
дай только цвести да цвести.

В них детство моё не померкло поныне,
их голос весь мир пропитал,
их образ во мне – как мазут на штанине,
горячих коснувшейся шпал,

он так же привычен, как взору несносен,
и тут уж стирай не стирай,
когда золотится за кронами сосен
ещё не потерянный рай.

* * *

Вчерашний вулкан, обращённый в цветок,
земля, претворённая в море.

Рыбак поднимает пастушеский рог,
кочевник садится в рыбацкий челнок
и тает в туманном Босфоре.

В июльской ночи, на тяжёлой волне
какая созвездий мережу,
ты всё ещё нянчишь свой сон обо мне,
и я, как дитя, вырастаю во сне,
тобою провижу и брежу.

Из зарослей знаков, из сладких помех
в эфире прижизненной встречи
я слышу густое дыхание всех
в тебе погребённых наречий,
я помню их мирт, кипарис и шалфей,
их бронзу, кремь и овчину, –
пусть имя твоё на ладони моей
сведёт их лады воедино.

...Смотри, что за труд мне завещан тобой,
смотри, не жалея:
в стотысячный раз неумелой рукой
писать на странице твоей черновой
строку Одиссеи.
Мне мало чужих непреложных шагов,
затем и крошится о тuff берегов,
как необожжённая глина,
всё счастье напева, но крепнет любовь –
и длится былина.
Сквозь плоти адамовой красный песок,
смеясь, пробивается тонкий росток
кудрявого ветра морского,
твой утренний голос, твой сбивчивый слог,
твой образ: от света – до слова.

* * *

Как влага из надтреснутого блюда,
как серая апрельская вода,
моя земля расплэскана повсюду,
и я её такой не позабуду,
какой она не будет никогда,

но всё-таки мерещится и мнится
(в замызганном автобусном окне,
с потёкшей позолотой на ресницах,
с деревьями по левой стороне

и низкими заборами по правой,
где чёрные оттаявшие травы
топорщатся застенчиво и зло,
и треплется на проволоке ржавой
асфальтовое мутное тепло).

Потворствуя неведомой стихии,
в размякшей почве жалость хороня,
опять плодит всемирная Россия
нежданных чад, похожих на меня, –

и им легко сносить её немилость,
как будто впрямь поблизости, в дыму,
в пыли за гаражами, притаилась
иная – та, что блазилась и мнилась,
но так и не явилась никому.

ТРЕТЬЕ МЕСТО

Шмеркин Генрих

Германия, г. Кобленц



ХВОРЬ-СТОРИ

(История болезни)

«Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...»

А. Блок

Улица. Фонарь. Аптека. Вата. Йод.
Пенициллин.
Русь. Маца. Начало века. Дело Бейли-
са. Тфиллин.
Грязь. Безграмотность и серость. Мази.
Грелки. Порошки.
Царский гнёт. Черта. Оседлость. Боль-
шевицкие кружки.

Отречение. Аврора. НЭП. Угар. Раз-
дача польт.
Волны красного террора. Луначарский.
Мейерхольд.
Фары. Свастика. Аптека. «Фойер!».
Шмон по погребам.
Бабка. Яйка. Курка. Млеко. Конферен-
ция. Потсдам.
Жертвы культа. Куба – наша. Гул Гула-
га. Мао – враг!
Космос. Кузькина мамаша. Кукуруза.
Пастернак.
Эрмитаж. Библиотека. Коммунизма
громкий клич.
Всё для блага человека. Лично Леонид
Ильич.
Перестройка. Ломка сиречь. Пуца.
Ваучер. Форос.
Бледный Михаил Сергеевич – в белом
венчике из роз.
Мерседесы. Джипы. Пробки. Стены
древнего Кремля.
Из-под ксерокса коробки. Конституция.
Семья.
Лязг челябинских колоний. Горизонты.
Вертикаль.
Храм Спасителя. Полоний. Накось-
юкось! Газ-центральный.
Патриоты. Ипотека. Бандюки. Базар-
вокзал.
Снова улица. Аптека. Сердце. Печень.
Веронал.
Мозг обидами изранен. К инородцам –
нелюбовь.
Чемодан – вокзал – Израиль и, увы,
аптека вновь.

ПЕЙЗАЖ

Чахлые оконца.
Оспенные стены.
На замшелых крышах –
Трубы да антенны.
Друг напротив друга –
Чёрные подъезды.
Вдоль бордюра – мазды,
Форды и фиесты.
Будка с телефоном.
Тротуар. Сберкасса.
Синий указатель:
«Обердорферштрассе».
Люк водопроводный.
Мальборо окурков.
За стеклом – поникший
Пожелтевший турок.
В урне – чей-то тапок.
На витрине – булки.
Вот и вся природа
В нашем переулке...

ХИТ ПОД ФАНЕРУ

«Тучки небесные, вечные странники...»

М.Ю. Лермонтов

К дымкам быстро держась поближе,
сквозь толпы рыжих облаков,
Летит фанера над Парижем, покинув
отчий город Псков.
Сквозь мелодраму листопада, сквозь
ветра злую пастораль –
Над сквером имени де Сада, над
Монпарнасом и Пигаль...
Куда, – от славы и гордыни, от

притяжения кулис, –
Куда летишь, кружась в унынье,
осенний мой фанерный лист?
Ты был Эдипа колымагой и
Хлестакова багажом,
Ночной послевоенной Прагой и
Вифлеемским шалашом.

Ты был Варшавой-католичкой, лесной
поляной, бережком,
Морской пучиной, электричкой и
ленинским броневиком.
Шмат театральные декораций,
привыкший к блеску пышных фраз,
Запечатлённый папарацци и
перекрашенный не раз.

Фанерный шут, смешная птица, кого
ты хочешь удивить?
Где собираешься крутиться? Что
собираешься ловить?
...Я тоже, если разобраться, хлебнул
порядочно дерьма –
Частица старых декораций к
спектаклю «Горе от ума».

Бывал шестёркою кабацкой и
комсомольским рысаком,
Катился по миру колбаской, с людской
лаской не знаком.
Фанеры глас мне с неба слышен, она
грохочет всё сильней,
И над заманчивым Парижем я
пролетаю вместе с ней...

Конкурс поэтов-неэмигрантов
«Неоставленная страна»

ПЕРВОЕ МЕСТО

Пагын Сергей

Молдова, г. Единцы



Квёлый воздух моего захолустья,
беглый почерк над деревьями дыма.
Вот и дней зимы – многогустье,
вот и сны мои дождливые – мимо.

Пахнет хлебом и горелой щетиной –
верно, борова палат по соседству,
чтобы в праздник пожевать свеженины.
Все знакомо... Как обычно... Как в детстве.

И подумаешь: открытия, бойня
революций, крах великих империй –
чтоб я снежной колеёю сегодня
пёр дрова колоть к бабе Вере.

Потеплело... В небе чуть запотевшем
рек вороньих шелестенье и бремя.
И качнулось тихим снегом пошедшим
вертикальное, Господнее время.

* * *

Гений места селится в тишине,
и свистит, строгая корявый посох.
И пчелиным воздухом по весне
наполняет здешние абрикосы.

Знает все о грозах и о траве,
и, росы не тронув, во тьме гуляет,
и ночные бабочки в голове,
как стекло, прозрачной, светясь, порхают.
И однажды в горестном сентябре,
прошагав уныло сухой крапивой,
ты найдешь то место на пустыре
меж прудом загложшим и старой ивой.

И в стихи пытаюсь сложить слова,
ты заснешь на куртке под веткой голый.
А во сне из посоха – все листва...
А во сне из воздуха – пчелы, пчелы...

* * *

Во времени все больше вещества,
оно густеет, принимает формы
окна ночного,

ветки,
рукава

висящей куртки,
бабушкиной торбы

с пучками трав от хворей и от ран...
И вот однажды в нежилом тумане
ты обретёшь спасительный каштан,
невесть откуда взявшийся в кармане.

И если что-то липы гнёт окрест -
прозрачное и жгучее, как солнце, -
так это ветер из нездешних мест,
так это вечность над тобой несётся.

ВТОРОЕ МЕСТО Чернышова Светлана

Россия, г. Большой Камень



ЧЖЭЭ

ярко мое оперение
голос мой хриплый
чжээ чжээ
когда-то маньчжуров слушала
повторяла чжээ чжээ
горы мои маньчжурские медные
чжээ чжээ
ветров дребезжащих
луженных озерным оловом жечь

когда-то слушала бабкин идиш
шепотом повторяла
получалось плохо
когда-то слушала мамин плач
шепотом повторяла
хорошо получалось

когда-нибудь сын забудет
мой голос скрежещущий
чжээ чжээ

услышит сойку
вспомнит
мое
яркое оперение
глаз таежную влагу

из-под дрожащего века
капля
смолы

ЗАВЕЩАННАЯ ЗЕМЛЯ

1

сколько ни повторяй: «Москва, Москва»,
киснет во рту чурекская пахлава,
купленная на мор.вокзале,
хрустят на зубах изюм, песок,
здравствуй, последний город Владивосток.
чайки на пирсе затеяли свару, внахлест кричат,
будто десять маленьких татарчат,
злая, с мазутными зраками татарча,
вновь прибывающих с корабля встречай.

2

Какая разница, где приговоренному говорить
и где чужая речь обжигает глотку,
обветривает лицо...
Вот и Владивосток - завещанный мне отцом,
бабкой, что ни бельмеса по-русски,
кричала как выпь,
когда было больно, но больше молчала, и мне
молчала: «молчи, какая разница - где умирать».
а ты говори, говори,- повторяла мать,
будто проклятые слала в придачу к
завещанной мне земле.

3

завещанная земля - суглинки, солончаки,
питает венозное русло моей речевой реки,
и пишет меня - уже на пожизненный срок
(без права амнистии) город Владивосток,
и, если молчанье сжимает спазмами грудь,
безъязыкая, голосом не своим говорю:

не потому ли, что мир груб-
гроб - не расправить плеч,
голос, как из-под земли глух,
и глинозем - речь?
не от того ль не язык - кость,
что разглядел Творец
в шкуре овечьей мою злость,
в стаде своих овец?
пастбища ль, кладбища - вкус трав
схож - молоко, кровь.
не для того ли, землей став,
я не сыщу слов,
коим росой по щекам течь
и не попасть в рот,
чтобы стучала моя речь
глухо о мир-гроб.

* * *

Когда другой страны не знаешь,
свою ваяешь - из того, что
Господь послал... Возьмешь суглинок,
песок на берегу реки -
как куличей, домов налепишь,
по крышам - голубей;
на церкви
пристроишь из пахучих шишек
в слезах смолистых куполки.
Когда другой страны не будет -
и за творца, и за чурка
толчешь, размешиваешь.
В глину вдыхаешь маленькую жизнь
из отголосков колыбельных,
снов тополиных, слёз кукушки -
и удивляешься, как в слепках
смех оживает твой и плач,
когда растрескавшимся горлом
нашептывает репродуктор
о камне, об огне, о плоти,

нафаршированной свинцом.
И быются, сотрясая стены -
глухие глиняные стены -
глухие глиняные волны
другой страны,
другой земли.

ТРЕТЬЕ МЕСТО Моисеев Андрей

Россия, г. Москва



НОЧНОЕ ПРОЩАНИЕ

Ветер то плачет, а то смеется.
Пусто на улице. Лишь фонарь -
Голая лампочка бьется, бьется,
Будто качает ее звонарь.

Сколько я помню себя на свете,
Этот скрипучий фонарь ночной,
Улица эта и этот ветер -
Пели и плакали надо мной.

Если мне было порой несладко,
Душу лечили они, как встарь -
Ветер мне слезы сушил украдкой,
Слушал, кивая, меня фонарь.

Ах, мои милые домочадцы,
Снова я с вами наедине.
Думал ли я, что пора прощаться
Выпадет ночью осенней мне?

Не по своей уезжаю воле.
Ночь неуютна, темна, сыра.
Эй, отдавайте швартовы что ли!
Что вы там тянете до утра?

За переезд заплачу монету,
Только с собою не заберу
Даже не нужную больше, эту
Голую лампочку на ветру.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕУЛОК

Зимой темнеет рано. Поземка за окном,
И улица укрыта мертвецким полотном,
Но где-то в этом мире, охваченном тоской, -
Последний переулок на карте городской.

Я знаю этот адрес, и в том моя беда -
Мне нужно непременно, немедленно туда.
Пускай заносит вьюга мой белый силуэт,
И двери головами качают меня в след.
В Последний переулок несет меня январь,
Туда, где не зажжется подстреленный фонарь,
Где местные бандиты с ментами заодно,
Но маяком далеким горит одно окно.

И я, примерный мальчик из правильной семьи,
Ташу туда сомнения и комплексы свои -

Сквозь темноту и вьюгу на свет того огня,
В единственное место, где кто-то ждет меня.

О том, что будет дальше, я думать не хочу.
Быть может, канделябром я в темя получу,
Быть может, я нарушу все прежние табу,
Быть может, поменяю решительно судьбу.
И эта неизвестность находок и потерь
Меня сильнее гонит, чем вьюга и метель.
В безумном нетерпенье, расталкивая снег,
Шагаю все быстрее, перехожу на бег,

Я чувствую, врываясь
в скопления темноты,
Как за моей спиной взрываются мосты,
Я как солдат в атаку, бросаюсь сгоряча,
В отчаянии что-то беззвучное крича.

Последний переулочек, рубеж последний мой,
Ты стал моей последней надеждой
и тюрьмой,
А снег уже по пояс, я спотыкаюсь, но
Не делается ближе проклятое окно!

...Когда всё это было? Прожив немало лет,
Я до сих пор гадаю – приснилось или нет?
Последний переулочек закончился давно,
И всё, что будет дальше –
тем светом сожжено.

ПАДАЮТ ЯБЛОКИ

Падают яблоки в старом саду.
Ветер тяжелые ветви колышет.
Дождь барабанит устало по крыше:
«Лето прошло – и я тоже пройду».

Долгая песня подходит к концу.
Сколько всего было в этом сюжете –
Яблони в белом и розовом цвете,
Ветер, что гладил тебя по лицу,

Пение птиц и жужжанье пчелы,
Шелест листвы и ночная прохлада.
В жизни размеренной старого сада
Всё сочтено – от ростка до пины.

Всё повторимо в кружении лет,
Только нельзя управлять временами –
Те, кто сажал эти яблони с нами,
В памяти нашей, но рядом их нет.

Сад, ты ведь тоже их помнишь, мой брат!
Помнит кора их усталые руки,
Новые листья, вернувшись на круги,
Нежное что-то о них говорят.

Будто бы ветер читает тетрадь,
Только листвы не понять языка мне...

Падают с яблони спелые камни,
Некому больше их собирать.

Победителями поэтических конкурсов Четвёртого Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира-2012» Татьяной Перцевой из Финляндии (конкурс поэтов-эмигрантов) и Александром Хинтом из Украины (конкурс поэтов-неэмигрантов) были определены лучшие стихи по всем конкурсным номинациям (Т.Перцева - номинации «Там», «Здесь» и «Эмигрантский вектор»; А.Хинт - номинация «Неоставленная страна»).

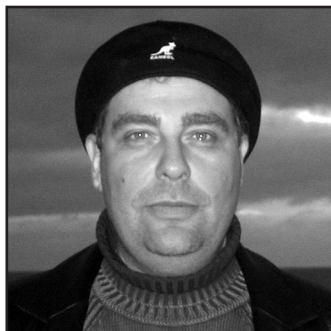
Лауреатами интернет-конкурса «Эмигрантская лира-2013» за лучшее стихотворение в номинации являются:

Номинация «ТАМ»

Гари Лайт

(США, Чикаго)

за стихотворение «Июльский вечер.
Патриаршие пруды.»



Июльский вечер. Патриаршие пруды.
Крылов, опешивший от бурных изменений,
витиеватый монолог местоимений,
окуроч, не доставший до воды.
Какой загадочный вершился разговор
о судьбоносности Москвы конца столетия
двух граждан США тридцатилетних -
полёт истории и мистики укор.

Желая символизма избежать,
минуя тень скамейки знаменитой,
не замечая в ней повадки неизжитой,
он продолжал её в обратном убеждать:
что всё произошедшее вчера,
в квартире за углом на Малой Бронной,
не что иное, как брожение гормонов,
Москве присущая извечная игра.

Она была почти убеждена,
но за чертой означенного стажа,
осознавала - происходит кража,
и в роли жертвы вновь окажется она.
А он уже цитировал строку,
сорвавшуюся раз у Пастернака,
не замечая опустившегося мрака,
и в нём фигуру с древней шпалой на боку.
К тому же, в тусклом свете фонарей
та, что была с ним, не отбрасывала тени...
В стране прогресса всевозможных
неврастений
он вдруг умолк и повернулся к ней.
Она, с трудом выдерживая взгляд,
вернула сумерки из тьмы
на Патриарших,
увы, она ничуть не стала старше,
прощая его третий век подряд.

Номинация «ЭМИГРАНТСКИЙ ВЕКТОР»

Михаил Четыркин

(Португалия, г.Порту) за стихотворение
«Что за небо здесь... падаешь в ту синеву...»
Стихотворение опубликовано выше.

Номинация «ЗДЕСЬ»

Анна Креславская

(Нидерланды, г.Хаарлем)

за стихотворение «Осенние цезуры»



ОСЕННИЕ ЦЕЗУРЫ

старая баржа чем ты ее ни грузи
пахнет соленым простором да
ворвань старой
сердце вздымает и вал шевелит баргузин
боль перебором вроде цыганской гитары

много ли соли в премудрости разных широт
море прессует волною песок расторопно
столько хочу написать тебе только вот
сяду за комп и куда подевались все тропы

стопы толковостей голени беглых стихов
вроде мелькнули и нет их растаяли в пене
я накопила такую к двуногим любовь
даже простила Медее себе и Елене

Ева вот только змея бы её укуси
что ей тогда не сиделось
в незнание да холе
ветер размеренно веет до самой Руси
плачет навзрыд оттого
что я с севера что ли

волны раздули забытого холод и жар
что это вдруг если слово сказать позабыто
критик прочтет белозубый
ему бы всё ржать
ржа одолела старуху с разбитым корытом
шиито и крыто куда ни поткнись
и не ткнусь
я и не тшусь размораживать прошлые боли
старая баржа уже отпустила свой груз
ворвани рыбы простора премудрости соли

Номинация «Неоставленная страна»

Светлана Чернышова

(Россия, г. Большой Камень) за стихотворение
«ЗАВЕЩАННАЯ ЗЕМЛЯ»
Стихотворение опубликовано выше.



Легенда об одиноком городе

Территория нынешнего Кривого Рога богата удивительными и зачастую противоречивыми находками, иногда полностью меняющими представление о физической и духовной истории нашей планеты. Одно то, что городу немногим более двухсот лет, а место, где он находится богато черноземом, железными рудами, что именно здесь сливаются две реки Ингулец и Саксагань — довольно странно. Ведь все есть, что в привычном понимании, нужно для жизни. Но почему же древние игнорировали его, почему лишь остатки святилищ, могильников и курганов? Почему по всем найденным артефактам мы видим, что здесь находились только избранные представители, которые совершали определенные культовые обряды, служители древних, в наше время неизвестных или мало известных религий и культов.

«Странность» места налицо. Притом, как по историческим событиям, так и по геологическому строению некоторых зон. Например, в Терновском районе находится «астроблема» (кратер от падения некоего космического тела), диаметром около двадцати километров. На протяжении долгого времени учёные спорили о происхождении этого кратера. Некоторые считали, что его природа естественна (движения земной коры), но в то же время находятся доказательства, притом неопровержимые, о падении внеземного тела. На этом месте были найдены кимберлитовые трубки. По всем признакам в них должны были находиться алмазы, но на удивление их там не было, трубки оказались пустыми. Есть, в чем-то довольно дерзкая, гипотеза: о «двойном ударе», одновременном воздействии сверху и снизу. В момент падения метеорита, или даже обломка кометы, произошло встречное движение земной коры, возможно проснувшегося вулкана. Гипотеза, наверно, и в правду невероятная, но кто знает?

Справка:

В пределах города выявлены поселения и стоянки от позднего палеолита (около 20 тысяч лет назад) до раннего железного века. На учете также 43 кургана с эпохи бронзы — до средневековья. Один из крупнейших курганов Украины — «Царева могила», высотой более 12 метров — исследован в 1907-1908 гг. В.И. Гошкевичем. В начале третьего тысячелетия до нашей эры на месте кургана было святилище, там проводились ежегодные обряды в дни летнего солнцестояния «повторение прецедента» акта сотворения Мира. При раскопках были найдены ритуальные ножи эпохи бронзы, киммерийские стелы, половецкие скульптуры. Фото артефактов были опубликованы в сборнике «Антика Евразии» (1928 г.) автором Ириной Фабрициус. Сейчас на месте кургана находится карьер глубиной 150 метров.



В городе и окрестностях в разное время были исследованы 16 святилищ различных эпох и культур.

Пространственное расположение объектов святилищ, датированных одной эпохой, дает возможность предположить, что между ними была пространственно-визуальная и, возможно, ритуальная связь.

Те, кто изучал историю Кривого Рога, приходили к неразрешимым вопросам. Но почему же все кажется таким загадочным? Может, потому, что нынешние жители планеты просто не в состоянии понять духовность, цели наших предшественников? Все, проведенные раскопки говорят о том, что древние более половины своей жизни тратили на то, чтобы правильно уйти. Понимая, что земная жизнь — ничтожна, что это всего лишь миг, и что самое страшное здесь — это осквернение души. Они знали о соблазнах об искушениях, но они, по всей видимости, были духовно куда более развитей нас, нынешних, окруженных компьютерами, высокими технологиями и др.

Справка:

На территории Криворожского района найден уникальный памятник истории и археологии — древнее захоронение, которое ориентировочно относится к эпохе поздней бронзы, вероятно 14-12 века до н.э.

«Мы нашли уникальные артефакты. В их числе — гранитные стелы, высотой от 2,5 — до 4,6 метров, на одной из них выбито человеческое лицо. Возле этой стелы был найден скелет, предположительно (возможно), жреца. Также мы обнаружили огромных размеров гранитную глыбу, которая могла служить в качестве жертвенного камня. Здесь же нашли части от амфор и фрагменты лепной посуды эпохи бронзы, и амфор скифского времени», — рассказал замдиректора Криворожского историко-краеведческого музея Александр Мельник.

Открытие такого уникального комплекса, как святилища и прилегающего к нему грунтового могильника, есть уникальный памятник Днепропетровщины — так считает старший научный сотрудник отдела археологии Днепропетровского национального исторического музея Лариса Чурилова.

«Если ведущие археологи Украины подтвердят функциональное и духовное значение данного объекта, то его смело можно будет назвать уникальным памятником духовной культуры Европы», — говорит замдиректора Криворожского историко-краеведческого музея Александр Мельник.

Земляные и каменные насыпи и валы имели явную духовную, ментальную цель, скорее всего — это коридоры, по которым должна пройти душа, чтобы перейти в иной мир. Сейчас разговоры о других измерениях и параллельных мирах приобрели ореол сказки, фэнтези. Древние так не считали. Служители культов и верований четко знали, что нужно сделать здесь при жизни, чтобы этап земного существования не оказался крахом души, их философия, вполне практична.

Справка:

В экспозиции музея представлен также череп с отверстием от трепанации размерами 13 — на 8,5 см. (самое большое из известных на Украине на сегодняшний день) датируется XX веком до нашей эры. Трепанация проводилась с помощью каменных и бронзовых инструментов. Существуют два аспекта проведенных операций. Медицинский: избавление от болезни. Культурный: для усиления экстрасенсорных способностей служителей существовавших на то время верований и религий.

Мы знаем, что в нынешней медицинской практике такого вида операция — огромный риск, никто не даст гарантии на успешное ее завершение. Но как объяснить, что большинство таких операций в древности оказывались удачными, что человек жил после них десятки лет. Не говорит ли это о высочайших духовных знаниях, имеющих вполне практическое применение?



Справка:
Хотелось бы отметить наиболее редкие археологические находки:

Золотая насадка жезла вождя (ближайший аналог был найден в Варнинском могильнике - Болгария) — одно из самых древних изделий, найденных на Украине, датируется началом IV тысячелетия до нашей эры (находится в фондах криворожского историко-краеведческого музея).

Не менее интересной находкой являются орнаментированные топорики-жезлы, изготовленные из амфиболита и диабазы, датируются XXII-XVIII веком до нашей эры. В эпоху средней бронзы территория нынешнего Кривого Рога являлась центром по изготовлению жезлов. Здесь проводилась их инициация (в святилищах совершались обряды, которые предавали им магическую силу). Жезлы изготавливались по индивидуальному заказу (одинаковых не существовало). Пройдя этапы инициации, они доставлялись вождям, верховным жрецам и т.д. — являлись символом власти и силы. На топориках хорошо сохранился рельефный орнамент (прослеживаются геометрические сюжеты: древо жизни, колоски, цветы и т.д.). Орнаменты носили культовый характер и не являлись декором.

Уникальный инвентарный комплекс, который сопровождал погребение сарматской жрицы: ряд украшений из гагата и золота. Золотая фибула, изготовленная из испанского золота, а стеклянная вставка, темно-фиолетового цвета — изделие греческих ремесленников и использовалась в качестве ларца, в котором хранился порошок. Спектральный анализ порошка показал, что его основным компонентом является серебро. Золотая фибула во время церемоний была на теле жрицы, и считалось, что порошок, находившийся в ней, обладал магической силой. Найденное изделие датируется первой половиной второго века нашей эры. В обязанности жриц входило возрождение сил природы, они участвовали в определенных ритуальных обрядах, установлено, что жрица происходила из племени сираков (восточный бассейн Дона). Когда жрица умирала, отправлялись посланники за новой жрицей.

Уникальный инвентарный комплекс, который сопровождал погребение сарматской жрицы: ряд украшений из гагата и золота. Золотая фибула, изготовленная из испанского золота, а стеклянная вставка, темно-фиолетового цвета — изделие греческих ремесленников и использовалась в качестве ларца, в котором хранился порошок. Спектральный анализ порошка показал, что его основным компонентом является серебро. Золотая фибула во время церемоний была на теле жрицы, и считалось, что порошок, находившийся в ней, обладал магической силой. Найденное изделие датируется первой половиной второго века нашей эры. В обязанности жриц входило возрождение сил природы, они участвовали в определенных ритуальных обрядах, установлено, что жрица происходила из племени сираков (восточный бассейн Дона). Когда жрица умирала, отправлялись посланники за новой жрицей.

И вот тут мы задаемся вполне понятными вопросами? Не слишком ли много жриц, ларцов, золотых насадок и прочих находок выпадает на наш скромный, довольно молодой город? Почему же эти древние обитатели не построили здесь что-то более подходящее для жизни, нежели алтари и могильники? Мы находим у Геродота (греческого историка, считающегося отцом истории) в его описании о Скифии, упоминание про некий город Лейн (в переводе, обозначающий город одиночества или одинокий город). При переводе, который сделал известный археолог-краевед Александр Мельник, птолемеевской системы координат в привычную, нашу, город Лейн, оказывается, был на территории нынешнего Кривого Рога. В районе «Царевой могилы» найдены следы римской кладки. Мельник считает, что есть два варианта расположения Лейна, вероятно его остатки поглотил карьер, либо это место — район нынешнего Всебратского, недалеко от святилища «Горка».

Справка:

Из ныне сохранившихся, большой интерес представляет комплекс «Горка», который округлой в плане формы (вал, ров, центр), диаметром — 120 метров. По своим размерам занимает третье место в Европе, возможно, принадлежит к кругу памятников Кельтской культуры.

Геродот не уточняет, какой именно этот город, но по описанию понятно, что окружали его крепостные стены. И вот новая загадка. Если был город, то должны были иметь место горожане, люди, которые там проживали. Но вокруг ничего, кроме степи на многие-много километров. Никакой связи дорогами, никакой привычной инфраструктуры. Так что это за Одинокий город? Все же, задавая вопросы, мы, иногда, получаем ответы. На месте нынешней телевизионной вышки, при ее строительстве, было обнаружено святилище, которое, по

всей видимости, носило разовый характер. По масштабам постройки, понятно, что для его создания понадобилось огромное количество людей. Притом собрать их на тот момент по степям не имело никакой возможности. Значит, они пришли, притом издалека. Соорудили бассейн в плане, напоминающий яйцо, поставили посередине столб, возле него алтарь прямоугольной формы. Выложили прилегающее пространство плитами из сланца. Совершили обряд жертвоприношения и разошлись. Что это? Неужели ответ на вопрос? Похоже. Не удивительно, что территория города Кривого Рога прямо-таки кишит находками, древними артефактами. Просто это место у древних было священное, не пригодное для жизни, а скорее для проведения обрядов. Место сакральное, для избранных. Именно поэтому город назывался Лейн (одиноким), не было в нем привычных базаров и ремесленников, а вот мастера, по всей видимости, были, которые изготавливали ритуальный инвентарь. Для вождя, может, для царей или других правителей того времени. И были служители культа, а говоря нашим, современным языком духовные наставники, проводники, монахи, отвечающие за равновесие природных сил.

Справка:

Геологическое строение Кривбасса сходное с аналогичными железорудными бассейнами Африканского континента, именно поэтому в разное время были произведены геологические разведки по поиску кимберлитовых трубок, для подтверждения гипотезы о наличии алмазов и золота.

В районе Кривого Рога были найдены алмазы четвертой категории, изумруды, аметисты, яшма, горный хрусталь, нефриты, «тигровый глаз», «соколиный глаз», «кошачий глаз» и т.д. Всего 96 подделочных и драгоценных камней, большинство из них не ювелирного качества.

А еще на глубине 500 метров был найден кусок железной руды, когда его разломали, то с удивлением обнаружили окаменелые остатки листа. Этому нет объяснений, потому, что по геологическому формированию залежей железных руд, мы выходим на ту дату, когда растений на Земле, по известным и привычным для нас понятиям, просто не было.

Может, когда-нибудь, мы, современные, окруженные техникой и информацией, погрязшие во всех «прелестях» и искушениях нашего мира. Мы, такие самоуверенные, но давно потерявшие связь с природой, придем к тому, что хранили и чем жили наши древние — силе духа. И Одинокий город откроет нам свои тайны о сотворении Мира, а, может, научит ими управлять, чтобы сделать его еще более гармоничным и наполненным. Кто знает, когда это будет, и случится ли вообще. Но так хочется верить в саму мечту об этом.

Андрей ДЮКА

Член Национального союза журналистов Украины

(Благодарю за помощь в написании статьи Александра Мельника — зам. директора Криворожского историко-краеведческого музея и Виктора Тополя — художника, члена Национального союза художников Украины).



ОТКРОВЕННАЯ БЕСЕДА



Андрей Дюка

Порой не страшно многословие, страшно недосказанность, которую используют для придумывания и извращения объективной информации.

Лером

Возможно, это покажется интересным, но в моем маленьком провинциальном городке Костомукше живут люди, связанные с украинским городом Кривой Рог.

Нашему представителю из Кривого Рога Андрею Дюка очень захотелось вывести меня на откровенную беседу. Вот, что из этого получилось:

Андрей: Сергей, само участие в Духовном творчестве, тем более просто по зову вдохновения, удивляет очень многих людей. Ты хорошо ориентируешься в масштабных соотношениях, а так же в исторических эпохах, потому я у тебя хотел спросить вот о чем. Как можешь оценить работу различных литературных объединений и движений, частных инициатив, в разных эпохах и как сейчас этому способствуют на различном масштабном уровне? Сергей, попрошу тебя отвечать на мои вопросы развернуто.

- За определенный период, а это с 1985- и 2000-х прошли сложные социальные, экономические и иные трансформации в общественном сознании, в социальном бытии. Были прерваны множественные связи и возникли иные структурные соединения. Если в СССР поддерживалась любая общественная самостоятельность, а частная инициатива порой могла быть наказана, например, если она входила в социальные противоречия к советской системе и того общественного мировоззрения, то с антисоветской перестройкой все полностью переменялось почти наоборот. Притом нельзя однозначно сказать, что теперь у частной инициативы появились прекрасные возможности. Возник куда еще более жесткий финансовый барьер, а социальные неравные возможности не дают равных прав не только в выборе жилья, но и на реализацию даже нечто талантливого. Вроде любой человек уже может под свои проекты или свое личное творчество ходить и ПРОСИТЬ средства, но опять же никто таких людей у себя не ждет. Самостоятельно даже двум-трем творческим людям организовать очень сложно, тем более сохранять поступательное развитие коллективного творческого процесса. Другое дело, когда человек или коллективы оказываются под реальным покровительством различного уровня государственных структур, корпоративных или культурных, через которые проходят сейчас все активы и финансовые потоки. Помогают вроде на добровольных началах, но потом все же направляют мероприятия или творчество так, как это нужно им – финансово или материально обеспечивающим. У творческих людей бывают и взаимные интересы с той системой власти, которая доминирует или господствует. Встречи в узком кругу, с разными творчески увлеченными людьми не прекращаются никогда, но самим начать некую публичную реализацию своих идей и творческих способностей – это и сейчас очень сложный шаг. Людей разделили по фанатизму и эгоизму, притом на этом же объединяют, создавая так сказать иллюзию полной свободы в творчестве. Есть и более сложные взаимоотношения внешних людей и внутренних по некому этносу или геополитической конфигурации. Порой очень грустно, что сейчас пытаются предоставить ложные данные об экономическом, моральном или нравственном, образовательном, культурном, техническом, научном и духовном уровне в Российской Империи. Именно НА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ примерах, например, экономике не на реальном дебет - кредит внешний и внутренний, а на урожайном периоде, где

и тогда, конечно от части, но страдали от голода, т. к. как имперская и постсоветская системы построены на недостатках у большинства и излишках у меньшинства. Так же и не надо отрицать, что перед приходом весны появляются почки, как перед неким бурным рассветом в прогрессе. Так и в Российской Империи с конца 19-го и в начале 20-го века, стали появляться великие у нас словесники, художники, музыканты, ученые, но которые нигде не признавались! Более того многие были в имперской системе изгоями, под строгим надзором, а именно в Советской эпохе из них и сформировали реальную уже российскую науку, культуру, военно-патриотическое воспитание. Именно при Советах ввели всеобщие причастия к передовому на тот период просвещению, здравоохранению, к физическому и духовному развитию. Надо раз и навсегда понять, что культы верований порой никакого отношения к духовности НЕ ИМЕЮТ, а люди делающие благие или прочные поступки, внушения, кто производит не материальные блага - это люди ДУХОВНЫЕ, конечно же одни от павшего духа, а другие от нетленного. Я лично считаю, что не следует исключения выдавать за правило! Притом этими исключениями хорошей жизни, подменять как ПРАВИЛО, т. е. массовый уровень развития общества. Отыскивать в иной системе нечто порочное, которое там тоже осуждалось или было тайным, скованным, но уже выдавать это за как ПРАВИЛО в иной системе. Мне очень неприятно, когда начинают передергивать уровнем развития у разных стран, но совершенно по разным эпохам. Сейчас очень любят рассказывать или показывать, мол, как жили с началом массового саботажа или с антисоветской же перестройкой или в тяжелые неурожайные и военные Советские времена, с тем как сейчас живут в других странах. Почему бы не показывать параллельно по всеобщей исторической летописи, например, как жили в Норвегии и в СССР буквально 30 лет назад!? Да и в целом надо так и оценивать уровень развитости, а не доказывать глупости по «трагизму» в Стране Советов, как будто в той эпохе все только и помогали СССР. Сейчас все почти забывают, что Страна Советов противостояла массовым внутренним реальным врагам и вредителям и противостояла всему тогда развитому ИНОМУ миру!!! Однако Советская система первой разрушила монополию развитой семерки стран на присвоение ими всего, в том числе и права на интеллектуальную, культурную и прочую монополию, высвободила огромное количество других стран и народов от колониализма и дичайшего неравноправия. И не надо представлять, что это Советы закрылись за «Железным занавесом», напротив это от их всеобщего наступления закрылись тогда страны Западного блока! Разве только в СССР тогда шли преследования инакомыслящих и была цензура, внешняя и внутренняя? Ведь один из самых первых советских фильмов «Броненосец Потемкин» был сразу же во многих странах под строжайшим запретом, не говоря о других вещах! Вызывал и искренний восторг, и восхищение у многих людей посетивших Советский Союз, мол, как тут великолепно живут люди, какие тут во всем успешные предприятия и добропорядочные люди, не говоря о всеобщей прекрасной безопасности. Все это было, как и советскими учеными, спортсменами, работниками культуры восхищались по всему тогда миру! Теперь же только одно, как якобы советские граждане или командировочные артисты только и делали, что тогда восхищались западными ценностями. Порой в СССР было намного сложнее, а потому и почётней, получить заслугу, чем стать чемпионом мира или Олимпийских игр! В Советской системе, отсутствовала нерав-



Сергей Пашков

ноправная среда, потому там на много меньше было предвзятости, тем более я лично и не знал такого слова как коррупция, проституция! Я не носил в советский период «Розовых очков», видел и негативные там вещи, притом которые открыто там и жестко критиковались, либо просто высмеивались. В современных уже постсоветских СМИ, все настолько перекошено в предвзятости, а отсутствие часто последовательности осуждения чего-либо в СССР, но уже даже восхваления этого же, но уже в постсоветской системе, это и есть извращение ценностей. Можно ведь реально оценивать уровень советского морального духа, просвещения, технического развития, культуры и так далее, т. е. по реальному общему показателю, а не по продовольственной корзине или по колбасе на душу населения. Иначе не понять, как тогда якобы глупые и бездуховные советские люди выстояли в блокадном Ленинграде? Именно реализованные идеи социального равноправия и равной ответственности при утратах, равный уровень развития для каждого, но уже при росте общего благосостояния в СССР, имеют место во многих странах мира! Современные же партии власти, только у себя в странах, притом поэтому якобы и надо считать их не навязанными или якобы не взятыми извне? Мир до сих пор пользуется советскими наработками и специалистами, а у себя мы уже не можем назвать российский пылесос, утюг и даже чайник! Эта очень сложная и серьезная тема, где надо все взвешивать ЗА и ПРОТИВ и всесторонне освещать любой предмет исследования, а не носить «Розовых очков» на современную реальность и освещать уже предвзято иную сторону или крайность этой же советской эпохи. Доминанты меняются не только в политике, от национальных или культовых особенностей, поэтому я пытаюсь настроить авторов, на чистое творчество!

- То есть сейчас, когда провозглашена частная собственность, то отдельной личности стало еще сложнее реализоваться, а коллективы оказываются под влиянием тех структур, которые, по сути, сейчас и имеют финансовые и материальные активы?

- Надо честно признавать, что суды, силовики, политика любой партии власти, идеология либо верования, прокуратура, чиновники, конечно и издательские ресурсы – это практически всё и есть рычаги государственной власти и управления массовым сознанием, притом любой социальной системой бытия и сознания! Потому, когда людям в настоящее время внушают, что эти институты в их государстве независимы, а например, в СССР был тоталитаризм, то такие заявления, в большей степени – лукавство! В редких или исключительных случаях некие личности, которые имеют реальные возможности, конечно же могут нечто и реализовывать, тем более если их интересы совпадают, например, с современными уже реальными господствующими силами. Порой творческое лицо или творчество игнорируется. Разные люди либо находятся свободно в некоей социальной системе, а другие вынужденно, то есть они просто адаптированы или приспособливаются, а в иной системе вещей все зеркально может уже соотноситься! При игнорировании, законодательно - это принцип бездействия. Могут оценивать нечто как даже полезное и необходимое, но не помогают этому! Хотя при этом можно даже слышать заявления, мол, это специально и для блага было создано некой системой государства.

- Как же тогда объяснишь, что ты фактически в одиночку, на личном энтузиазме сделал такой международный проект, которого никогда не было вообще в мировой литературной практике?

- Сам порой удивляюсь, как мне удаются многие вещи... Хотя серьезные вещи, по сути, я и не делаю один!

Хотя продумываю на лет пять или даже на десять вперед то, чем начну заниматься, прекрасно понимая, что порой именно те, кто ближе ко мне, именно они и будут всячески саботировать (игнорировать), вредить и осуждать. Чтобы шел поступательный процесс, притом в любом деле, нужны три вещи. Первая и главная вещь – это надеяться только на свои возможности, а не на свои желания, но при этом, чтобы тыл в семье был надежным и верные люди не сомневались в тебе, в твоём деле. Такие не должны переключить само направление к цели, а только на их личный эгоизм, некий личный круг знакомых,

на мелочный быт. Второе – это надо вырваться из тех кругов или так скажем масштабного окружения, за которым многие вредные, предвзятые действия и бездействия не будут иметь никакого уже серьезного влияния. Третье – это категорически не касаться политических, национальных, корпоративных и прочих аспектов в творчестве, т. к. можно найти даже прекрасное финансирование, но утратить самостоятельность. Есть другие приемы, когда можно добиваться серьезных успехов, в том числе и в творчестве или в помощи творческим людям. Я готов был помогать многим в реализации нечто подобного, но когда люди хотят просто быть командирами и распорядителями в моих делах, то я просто сам таких игнорирую, но никому и никогда не мешал и не мешаю делать тоже или на много лучше. Очень часто слышу, мол, благодаря кому-то этот проект появился или развивается, но при этом объявляются разного рода самозванцы, а любители сплетен не обращают внимания на выходные данные изданий! Я специально создал «Провинциальный Интеллигент 1», т. к. в городе практически все захотели делать газету «Провинциальный Интеллигент», но как оказалось без меня..., посчитав основателем другое лицо. Когда прошло полгода и поняв, что убрав из основания не тот «Камень», все у таких развалилось, притом увидев, что на моем основании идет серьезное строительство, такие объявили, мол, это я у них все забрал!? Уже давно оставил и «ПИ 1» и готов сотрудничать с адекватными людьми, из любого места на земле, если они захотят делать совместно ИХ газету «Интеллигент», но не указывать, как мне это делать, а слушать и участвовать реально в проекте! Притом я адекватен, но к адекватной любой критике!

- Это все интересно, но можно ли на примерах вашего города или республики Карелия, страны или мирового масштаба конкретно как-то продемонстрировать отношения к тебе и медийному проекту «Интеллигент»?

- В городе Костомукше и в целом в республике Карелия, если мягко сказать, я – человек НЕУДОБНЫЙ. Притом всем не удобен, кто имеет различное уже стереотипное отношение к различному бытию и сознанию. Вот взять наш провинциальный городок, по сути, в котором издаются наши международные издания, которые известны и признаны во всем почти русскоязычном литературном мире. Это вообще нонсенс, т. к. такого никогда в мировой литературе то не было, а не то, что в нашем городке! Притом издания международного уровня, но ни одной копейки НАРОДНЫХ – бюджетных средств не только не было на это выделено, но и тех, кто помогал, всякими путями переключали на другое финансирование! Вроде очевиден принцип: мол, кто финансирует, тот и может в его целях и задачах использовать то, что ими же финансируется, а если таких взаимоотношений нет, то это как-бы и не интересно, а потому игнорируется. Хотя ведь по логике получается, что я, как и те, кто просто как-то финансирует или помогает проекту, имеют ПОЛНОЕ ПРАВО использовать этот проект лично для себя! Однако, я и те, кто стал участвовать уже в проектах «ПИ 1», медийной группы «Интеллигент», не использовали и не используем это в личных целях! Вот недавно преобразованное у нас «некое» городское издание начало тратить бюджетных средств еще больше, чем было ранее, но использует эти народные средства для личностного тщеславия в неких разборках с конкурентами. Корпоративные СМИ, издания неких культов верований, по сути, вешают за народные средства, но, конечно же, внушают лишь свои приоритеты. Поэтому в таких соотношениях никому не выгодно публично нас даже признавать! Мол, есть такое чудо, когда по сути один человек с помощниками создал, а теперь уже говорить, что достиг и ведет кучу изданий международного уровня. Притом именно не для себя, а во благо реальных городских, республиканских и истинных государственных интересов, не получая от различного уровня государственных структур никакой поддержки! Более того, такой проект всячески предается забвению. Вот еще пример: недавно прочитал уже на разных республиканских информационных ресурсах Республики Карелия об объявленном неким (не будем называть) республиканским изданием конкурсе. На одном ресурсе даже увидел, что в своем комментарии написал

читатель карельских «Ведомостей» Виктор. «Система такого конкурса явно заимствована у медийной группы «Интеллигент», – но он, не понимая, всех взаимоотношений, задается вопросом, мол, почему на уровне республики нигде не представлен такой интересный международный проект «Интеллигент»?

Все просто: многие республиканские издания сидят на средствах бюджета, пусть их порой печатают большими тиражами и скидывают в почтовые ящики, но эти издания интересуют лишь немногих в республике, а за её пределами вовсе почти никого не интересуют. Зато все они худо-бедно, богато ли, но финансируются через разные каналы и естественно они ПОДКОНТРОЛЬНЫ, хотя даже могут печатать и острую критику властей. Действительно СТРАНОВАТО, когда очень плотно в соотношении одного издания, с одной республики, с аналогичным почти конкурсом, прошла информация на республиканских информационных ресурсах, а об известном во многих уголках мира, нашем издательском проекте и его конкурсе, в республике нет информации. Тут сразу должно быть понятно, что и реклама, которая дана на многих республиканских ресурсах к одному изданию, свидетельствует об том, что такое издание подконтрольно и имеет некое бюджетное финансирование! Мы же просто не в «ИХ СИСТЕМЕ», потому нас нигде и нет на этом уровне информации, но есть важное уже НО! Наш проект давно вышел за пределы города, республики и даже страны, т. е. вышел из «близких кругов» влияния, потому информация о нашем конкурсе была представлена на столичном и международном уровне. Представлена на русскоязычных информационных ресурсах США, ФРАНЦИИ, ИЗРАИЛЯ, УКРАИНЫ, БОЛГАРИИ, АВСТРАЛИИ..., в российских городах МОСКВА, САНКТ - ПЕТЕРБУРГ, ЧЕЛЯБИНСК, ОМСК и в других городах. Притом с населением в несколько раз больше в одном из таких городов, чем во всей Карелии! Даже при националистических активных тенденциях на Украине, по телеканалам Одессы и Кривого Рога, пусть коротко, но была дана информация о нашем конкурсе и нашем проекте в целом. Зато нельзя представить, что по конкурсу этого карельского республиканского издания, о котором я тут лишь обозначил, будут публиковать информацию ресурсы, которые уже не подконтрольны чиновникам из Карелии. Хотя и нашему проекту ни один ресурс не подконтролен, но только о нашем конкурсе «Герой нашего времени» рассказали на своих страницах многие солидные международные ресурсы, а это и есть тот факт, что у проекта серьезное международное признание и уважение! Ведь только у нашего издания, сформированы и работают в разных странах и регионах официальные ПРЕДСТАВИТЕЛИ, чего нет у Карельских СМИ. Другое дело, ведь в нашем международном конкурсе было отмечено шесть человек из Карелии, некоторые из них были тут же выдвинуты на более серьезный национальный конкурс – «Золотое перо Руси», и там также были высоко оценены. Это Ольга Бурыгина из поселка Чула и Наталья Ахонен из города Питкяранта. Четверо участников этого проекта в этом уже году были награждены орденами «Трудовая доблесть России». Например, один такой знак отличия был присвоен нашему спонсору Медведеву Андрею. Всего за первых только два начальных месяца этого года, наш проект принес много самых высоких наград, как для города Костомукши, так и для республики Карелия в целом. Любому в моем городе и Карелии должно быть ЯСНО, что надо развивать и удерживать проект «Интеллигент» именно на мировом (международном) уровне, т.к. через этот проект есть реальный выход на другие регионы, столицу, на мировой уровень. Поэтому именно у республики и города должна быть ОСТРАЯ заинтересованность в налаживании деловых и взаимовыгодных с проектом отношений. Все же мои попытки заинтересовать хоть кого-то тут в городе или в Карелии, оказались тщетным занятием и более того, унижительным! Вся история нашего проекта пишется в разных Российских регионах и странах, где указывают даже в названиях статей, мол, «Нет пророка в своем отечестве», имея ввиду мой город и Карелию. Например, в московском издании высказывается к таким отношениям, что Пашков - это не представитель Карелии, а он

представитель мира, так как не вмещается в такое масштабное соотношение. В Австралии, такое игнорирование считают нелепым, но публикуя от нас, у себя в Австралии карельских авторов, благодарят, что и мы миру открыли русскоязычных авторов из Австралии!

Андрей, вот ты сам прекрасно знаешь и понимаешь, как сложно организовать только на уровне города презентацию местного издания, даже имея средства! Однако без каких либо тут затрат и даже усилий со стороны учредителей и редакторского состава нашей медийной группы по всему миру постоянно проходят активные презентации, притом с концертами и при серьезном участии людей! По нашим презентациям лидирует американский город Нью-Йорк, то есть и презентации нашего проекта это не разовая рекламная акция, а уже постоянная! Люди всюду сами собираются и делают вокруг нашего проекта прекрасные презентации, притом с интереснейшим творческим общением, уже и со своим местным колоритом! Тем они подчеркивают их причастность к такому мировому проекту, но не теряют и своих особенностей.

Ни один Союз Писателей или некие республиканские СМИ, издатели, чиновники не имеют возможности эффективно продвигать уже вне своей республики своих авторов и то, что не вошло так сказать в культурное международное наследие. Даже значимые культурные достижения и мероприятия не продвигать, если у городов или республик, страны нет более масштабного информационного ресурса, либо сотрудничества с такими ресурсами! Если кому-то начать серьезно создавать аналогичный ресурс, какой уже у нас, то на это уйдет огромное количество всяких затрат, от времени и до реальных финансовых вложений! Хотя создать - это вовсе еще не означает, достигнуть пика лишь на отрезке времени, такой серьезной величины, а затем опять свернуться на меньшие масштабы. Можно конечно пытаться выдать желаемые масштабы заинтересованностью одного или двух человек в других регионах к некому карельскому изданию. Притом, можно в упор не замечать нашего фактора и серьезного международного статуса. Небрежно заявлять, мол, да любой это сейчас - то сможет, полно такого у нас, но ничего реального не предоставив. Возможно, конечно показать свои интернет ресурсы, на которые просто забредают отовсюду, но эффективности в реальном поднятии некоего статуса у местного ресурса нет, а так - формальный обмен ссылками. Можно отмахнувшись заявить, мол, да никому это не интересно и никому это не надо! Если и участвуют за пределами Карелии республиканские издания, или творческие коллективы, авторы, например, в выставках или неких фестивалях, конкурсах, организуют это у себя, то такие мероприятия опять же ведут к различным затратам, но реального влияния, за пределами Карелии, от этого то же нет никакого! Уничтожена система советского поступательного роста личности или коллективов, притом с национальной особенностью в культуре, а сейчас разделяет опять же фанатизм и деньги, оправдывая Американскую глобализацию. Мы же не только печатаем авторов из Карелии у себя в международных изданиях, мы активно публикуем их всюду: в США и в Австралии, на Украине и в крупнейших городах России! Ведь в нашем медийном проекте участвуют не только учредители престижных фестивалей, конкурсов и литераторы, но и непосредственно издатели и лица, входящие в редакторские советы разных изданий! Даже я одно время входил в совет редакторов американского журнала. Состоял в редакторском совете с прямым наследником Александра Сергеевича Пушкина, который был полным ему тезкой по Ф.И.О! Мы согласовали постоянное сотрудничество с учредителями известного по всему миру национального конкурса «Золотое перо Руси», а именно со Светланой Савицкой и Александром Бухаровым. Это серьезное профессиональное уже признание, которое и нами и ими неоднократно отмечалось! Ведь от четырех полосной провинциальной газеты постоянно шло и идет развитие проекта, что отмечается и учредителями этой национальной премии и всеми у кого есть зрение. Также сотрудничаем и с Александром Мельником – организатором конкурса «Эмигрантская лира». Приходят к нам предложения и с других серьезных фестивалей и конкурсов, выступить у них

с издательской поддержкой. И нам и другим ресурсам такое сотрудничество придает только солидность и укрепление позиций международного статуса русского языка на мировой арене! За время нашего проекта, точней благодаря ему, некоторые участники из простых авторов выросли уже по творческому признанию у себя в регионах, странах и лито. Естественно, они благодарны проекту и активно производят обмены авторскими материалами, включаются и другие страны, регионы с их уже информационными ресурсами. Андрей и ты с нами стал сотрудничать, а как следствие на страницах альманаха «Саксагань» публикуются авторы из разных регионов России, в том числе из Карелии; в весеннем выпуске там снова готовится к публикации подборка карельских авторов. В свою очередь, авторы из вашего украинского города стали публиковаться не только в медийной группе наших международных изданий, но публикуются в Австралии, в Омске, в Красноярске, то есть это совершенно тоже уникальные взаимоотношения, которые позволяют из различных мест на земном шаре вести глобальные литературные обмены и направлять эти течения. Так, город Кривой Рог становится открытым для мира, хотя в нем тоже, как и у нас в Карелии, есть националистические элементы, которые хотят закрыться для других и не предоставлять реально и без предвзятого фанатизма того, чем можно гордиться. Мы готовы сотрудничать на взаимовыгодной основе с любыми русскоязычными изданиями, вести дружественные открытые и равноправные обмены, что в нашей Карелии оказалось невозможным!

- Чтобы все это осмыслить и понять, нужно время для тех людей, кто пока мыслит эгонистически или гораздо меньшими масштабами, кто не так прозорлив, но пытается представлять все в перевернутом соотношении. Некоторые не только игнорируют, но и распускают сплетни: мол, да легко делать все это, дайте кучу денег и все накачаем с интернета. Сергей, в изданиях «Интеллигент», где можно увидеть известных людей, прочитать материалы мирового уровня, также и очень много молодых, но талантливых авторов и творческих личностей. Какие тут ведутся соотношения и как они могут выстраиваться с Карелией?

- Да, можно уже сказать и то, что у нас появился элитный журнал, в котором публикуются известные художники, музыканты, режиссеры и актеры. Пишутся серьезные критические статьи об оперных выступлениях, мы публикуем интересные материалы о балете и его солистах – бывших и нынешних, об известных международных конкурсах, известных писателях и творческих личностях, о кино, географических, исторических и прочих фактах. Этот журнал и есть «Интеллигент. Нью-Йорк». Хотя у нас и в газетных вариантах есть прекрасные материалы, но мы действительно сформировали такой элитный журнал. С медийной группой изданий «Интеллигент» сотрудничают лица, у которых прекрасные отношения с известными личностями, так сказать мирового уровня. Редакторский коллектив не только использует разные связи и свои личные отношения с такими людьми, но и свой высокий профессионализм. Порой приходится вести переговоры с родственниками уже умерших известных людей, либо согласовывать с журналистами или непосредственно с известными людьми материалы, которые мы готовы у себя опубликовать и которые они готовы нам предоставить. Опять же самое удивительное то, что известные люди России и зарубежья, зная порядочность и международный уровень наших изданий, гораздо охотнее идут с нами на сотрудничество, чем в той же Карелии. То есть и в этом аспекте все перевернуто настолько, что некоторые провинциальные творческие личности считают, что именно с ними почтут быть опубликованными за честь люди с мировым именем, а некоммерческий проект – это мешок с валютой. (Смеюсь).

Хотя, например, любой обычный художник из других мегаполисов мечтает быть опубликованным в издании, в котором публикуют художников с мировым именем. Возможно, его работы, напечатанные у нас, оказались бы в фонде Михаила Шемякина или в мастерской Никаса Сафронова, в

квартире Георгия Шишкина во Франции и так далее. Вот как может не привлекать авторов из нашей республики Карелия то обстоятельство, что издания медийной группы «Интеллигент», читают и изучают в мировых библиотеках, таких как: Оксфордская библиотека в Великобритании, библиотека Конгресса США и так далее? Все опять же просто, ведь за людьми, которые делают проект «Интеллигент», только их высокие идеалы и тяжелый бескорыстный труд на общий показатель наших реальных международных достижений. У нас нет никаких бюджетных финансов, указующих перстов чиновников и руководителей разных организаций и партий. Я понимаю, что не всегда, будучи чиновником, можно определить, что этот человек или такой-то проект может стать не только для города, региона, столицы, страны, но и для мировой культуры чем-то значимым, даже просто своей удивительной уникальностью. Однако это не первый проект, получивший высшие оценки, но остался и остается не признанным в городе и в республике! Это свидетельствует о массовой подмене ценностей и закономерных отношений к тому, что есть реально ДОБРАЯ ВОЛЯ, а не освобождение членов общества от того, чтобы просто делать добро. Ведь через личную неприязнь, а именно за мои добрые дела для города и республики Карелия, меня тут преследуют и игнорируют. Через такое личностное отношение ко мне, не только авторы в городе и в Карелии теряют интерес к творческому росту, но и сама республика не может открыто гордиться заслугами и заслуженными людьми, кто добился успеха и признаний через наш проект! Я со всей ответственностью заявляю, что любые нелепые обвинения в мой адрес, а именно: «Пашков не любит город или Карелию» – часто исходит от тех людей, которые не только и сотой доли реально не сделали для города и Карелии за счет своих средств, но только за счет других нечто для себя лично тут получают и имеют! Именно все больше таких слухов приводит меня к мысли перестать делать доброе здесь, т. к. я не желаю себе и другим зла! Конечно с теми, кто стал постоянно из Карелии с проектом сотрудничать, с ними останутся нормальные взаимоотношения. Я никогда и не претендовал на ведущие роли, на некое ко мне внимание или признание, тем более я не обижен судьбой. Пусть в республике Карелия и даже в нашем городе я – НИКТО, но я реально сделал то, о чем даже в фантазиях не смеют мечтать многие! Андрей, я и тебе благодарен, что ты вывел меня на такую откровенную беседу, очень рад, что руководство города Кривого Рога с радостью приняло саму идею такого международного сотрудничества.

- Спасибо огромное Сергей за интересную беседу и за наше интересное сотрудничество, за наших авторов, которых открываю для себя уже в разных странах и регионах России и даже в других регионах Украины!

Ты безусловно, очень талантливый и неординарный человек. Все идет именно от тебя. Ты объединяешь даже издания и придаешь им невидимую, но явно присущую целостность. Ты – дирижер оркестра. И этот оркестр – творческие личности. Сергей я лично все же считаю, что можно радоваться тому, что уже удалось! Это уже огромное достижение!

Спасибо тебе, Сергей, за преданность искусству, творчеству и за твою «некоммерческую» (хотя представляю, что без этого не обходится ни один проект)

Когда люди над собой несут плакат «Дайте нам денег, мы гении», то так и уходят с грустными улыбками. Не понимая, что ничего так и не создали, в ожидании длинного рубля.

Есть люди готовые тратить кучу средств, но на иллюзорную значимость, при этом отказывая в помощи реальным талантам, притом так сказать, опасаясь, расти вместе с интересным кругом творческих людей.

Хотя преступно наблюдать государственным лицам, что человек делая и сделав уже столько для города, Карелии, притом действительно значимые вещи, при его жизни, ими же предан забвению. Вам, же Сергей, СПАСИБО!

С глубочайшим уважением!

Андрей ДЮКА

Наши награды в 2013 году

Орденом «Трудовая доблесть России» награждены:



Андрей МЕДВЕДЕВ



Акатерина АСМУС



Елена ЛИТВИНСКАЯ



Евгений ФЕЛЬДМАН

Дипломом «Трудовая доблесть России»:

За активное участие в судьбе Родины, особые заслуги в труде, патриотизм и ратный труд во славу России награждены
Вячеслав БАРЫБОВ, Сергей ПАШКОВ

Дипломом «Золотое перо Руси»:

За профессиональное издательское дело награждены
Сергей ПАШКОВ, Дина ЛЕБЕДЕВА, Наталья КРОФТС

Дипломом «Золотое перо Руси» Всероссийский конкурс «Мой любимый край»

1 место в номинации «Поэзия» - Майя ШВАРЦМАН
За профессиональный уровень подготовки детских работ

1 место в номинации «Проза» - Наталья АХОНЕН
За высокий художественный уровень и профессионализм

2 место в номинации «Проза» - Ольга БУРЫГИНА
За высокий художественный уровень и профессионализм

1 место в номинации «Поэзия» - Вячеслав БАРЫБОВ
За высокий художественный уровень и профессионализм

2 место в номинации «Поэзия» - Елена ЛИТВИНСКАЯ
За высокий художественный уровень и профессионализм



Презентации

Набоков и Интеллигент



Вновь Набоков саркастически взирал поверх пенсне, со своего огромного метрового портрета, вглубь зала, в который всё заходят и заходят люди, так настойчиво повторяющие... «интеллигент». Ему — интеллигенту «до мозга костей» — как никому другому, лучше всего знакомо это слово... И всё же о чём они говорят?

Нет, это не тот, который «совесть общества», человек глубокой внутренней культуры и самостоятельного мышления, это вообще не человек... Оказывается, так остроумно называется газета, журнал, даже целый литературный проект.

Как и год назад в кафе «Набоков» в одно из мартовских воскресений собрались друзья и авторы международного медийного литературного проекта «Интеллигент».

Повод для встречи, однако, был, и не один. Во-первых, в этом году проекту исполняется пять лет. Шутка ли, начавшись в костямушском ЛИТО с провинциальной четырехполосной газеты, благодаря издательским амбициям новых представителей, «Интеллигент» смог превратиться в проект международного уровня, объединяющий несколько газет и журналов, а также многие другие литературные издания России и зарубежья. В конце концов, он реализовался усилиями многих увлечённых людей, бессребреников — это и литературные редакторы, и региональные представители, но всегда есть кто-то, кто становится главным организующим началом, кто болеет чуть больше за общее дело. Очень точно сказала краснодарский поэт Анна Мамаенко: «Сегодня здесь не присутствует ещё один человек, без которого этого всего не было бы...». Она говорила о Сергее Пашкове, учредителе медийной группы изданий «Интеллигент». Именно благодаря его организаторским способностям, энтузиазму, а также колоссальному издательскому опыту проект состоялся в таком качестве.

Вторым поводом послужило новое издание — журнал «Интеллигент. Избранное». В журнале печатают только лучшие газетные материалы «Интеллигента». Уже во втором номере, публикацией, по достоинству было оценено творчество краснодарских поэтов. Было заметно, что журнал, определённо, понравился и дизайном, и полиграфией, и содержанием. Авторы разглядывали свои экземпляры, положив на ладонь, как будто взвешивали, не веря в его реальность, в глазах читалось уважение и гордость. Выступили авторы этого номера поэты: Андрей Насонов, Анна Мамаенко, Сергей Аболмазов, который задал философскую ноту своими стихами и Николай Гранкин разрядил обстановку и плотный метафорический ряд классических стихов, чтением хайку. Наибольший отклик у зрителей нашло такое трехстишие: «смотрим с жабой/ друг на друга/ ну не красавцы».

Третьим поводом стала публикация в рамках краснодарской страницы в газете «Интеллигент. Москва» подборки авторов ЛИТО «Ладомир» из города Гулькевичи. На презентацию прибыли: Иван Кротов — создатель и бессменный руководитель ЛИТО, представивший одноименный альманах объединения и новый выпуск журнала микролитературных форм «Микролит», публикующий хайку, танка, моностихи и др., а также член объединения Андрей Атоян — человек, энергичный, улыбчивый и обаятельный, несмотря на почтенный возраст. На страничке были опубликованы представительные подборки семи членов объединения.

Четвёртым поводом послужило желание пообщаться, поделиться новостями и творческими удачами. Многие авторы показали на сцене свои новые произведения, читали стихи: Николай Анисимов, Мария Петелина, Любовь Лукьяненко, Любовь Пахомова, Татьяна Шкодина и другие. В общей сложности выступили 20 человек в разное время публиковавшиеся в Интеллигенте.

Расходились нехотя, несколько раз возвращаясь, как-будто хотели что-то ещё сказать... А что же Набоков? Взгляд великого писателя потеплел, и, показалось, промелькнула улыбка.

Андрей НАСОНОВ

Презентация в Некрасовке



Центральная универсальная научная библиотека им. Н.А. Некрасова вот уже 16 лет успешно реализует проект «Москва многонациональная», в рамках которого представители разных национальностей знакомят читателей и гостей Библиотеки с культурой своих народов. А с 2008 года при библиотеке работает литературная студия, проводятся практические занятия, встречи с поэтами, бардами, чтецами, музыкантами.

Они могут принять участие в российских ежегодных поэтических конкурсах, телевизионных программах, литературных вечерах.

В апреле 2013 года в пресс-центре Некрасовки состоялась презентация изданий Медийной группы «Интеллигент».

— Журнал «Интеллигент», который был сегодня представлен читателям, отвечает современным требованиям качества литературного слова, — отметила кандидат педагогических наук, Генеральный директор Национальной универсальной научной библиотеки имени Н.А. Некрасова Чувильская Оксана Александровна.

— Перед русскоязычным обществом всего мира стоит первоочередная задача сохранить «интеллигентность» нравственную, чему полностью отвечает рабочая медийная группа «Интеллигент». Наш девиз — вытеснять накопившиеся негативы позитивами, которые иногда мало известны или замалчиваются. Эта идея получила дальнейшее развитие в 14-1 Международной конференции МАИНБ(10-х Федоровских чтениях), состоявшейся здесь в декабре 2012 года по теме «Наш ответ на вызовы времени», — убежденно выступил с докладом Президент Академии Интеграции Науки и Бизнеса (МАИНБ) Яков Захарович Месенжник.

— Позитив, как положительный пример и как некий вектор деятельности в творчестве и жизни отмечает издания «Интеллигент», — отметил учредитель проекта «Золотое Перо Руси» Александр Николаевич Бухаров, — приятно осознавать, что друзья, которых мы не видим воочию, являются нашими соратниками по духу, работают плодотворно, качественно.

Ответом было яркое выступление Эммануила Виторгана, он прочел небольшое стихотворение Александра Володина:

Правда почему-то потом торжествует.
Почему-то торжествует.
Почему-то потом.
Почему-то торжествует правда.
Правда, потом.
Но обязательно торжествует.
Людам она почему-то нужна.
Хотя бы потом.
Почему-то потом.
Но почему-то обязательно.

Подготовлено Пресс-службой
библиотеки им. Н.А. Некрасова

Презентация в Омске



К проекту «Интеллигент» в г. Омске постоянный широкий интерес читательской публики. Люди часто спрашивают, как и где можно найти газету «Интеллигент», есть ли сайт в интернете?

7 апреля в уютном зале литературного музея им. Ф.М. Достоевского состоялась очередная, третья по счёту, встреча «Интеллигента» с авторами и читателями. Встречу вёл представитель медийной группы «Интеллигент» в Омске, поэт Вячеслав Барыбов. Во вступительном слове он передал привет всем присутствующим от издателя «Интеллигента» Сергея Пашкова, рассказал о путях развития медиа-группы за последний год; напомнил, что нынешний 2013 год – юбилейный и юбилей будет справляться общественностью в г. Москве осенью. Ещё было сказано о достижениях «Интеллигента»: кроме существующих двух газет, в медиа-группе с 2012 года созданы и начали издаваться два журнала – «Интеллигент» Избранное и «Интеллигент» Нью-Йорк. В 2012 году на страницах медийных газет отметились 19 омских авторов. Пятеро из них – повторно, в основном – стихами. Было опубликовано несколько статей: Алла Далматова написала об артисте В.Я. Дворжецком, судьба которого долгие годы была связана с г. Омском; Александр Лейфер – председатель Омского отделения Союза российских писателей опубликовал статью о драматурге Александре Вампилове; Валерий Гиндин – об А.Н. Радищеве.

После вступительного слова ведущего молодой поэт Дмитрий Юферов талантливо исполнил под аккомпанемент гитары три песни собственного сочинения, что вызвало заслуженные аплодисменты.

Ведущий встречи раздал всем авторам их авторские экземпляры. Встреча продолжилась чтением стихов, выступили: Андрей Козырев, Игорь Егоров, Евгений Фельдман. Яков Большаков прочитал прозаические миниатюры собственного сочинения.

Настоящим украшением встречи явилось выступление Анастасии Мист с несколькими джазовыми стандартами на английском и французском языках.

В своем выступлении для аккомпанемента Анастасия использовала перкуссионные инструменты: шейкер и кастаньеты. На вечере прозвучали такие композиции как: “Les yeux ouverts” (С открытыми глазами), “Nature boy” (Обыкновенный парень) и L-O-V-E (ЛЮБОВЬ). Выступление Анастасии вызвало восторженные аплодисменты.

Заключительным аккордом встречи явилось вручение награды Евгению Фельдману. Ведущий Вячеслав Барыбов сказал буквально следующее: «Всероссийская общественная организация Героев, Кавалеров Государственных наград и лауреатов Государственных премий «Трудовая доблесть России» за многолетний самоотверженный труд в области литературного перевода наградила нашего земляка Евгения Давыдовича Фельдмана Памятным знаком отличия, Орденом «Трудовая доблесть России» I степени. От имени всех присутствующих и от себя лично я поздравляю вас, Евгений Давыдович. Я имею честь представлять эту организацию в г.Омске и уполномочен вручить вам свидетельство и Орден. Носите его гордо и достойно. Вы его заслужили. С сегодняшнего дня вы официально вошли в интеллектуальную элиту России».

Орден был вручен под аплодисменты присутствующих.

Кавалера ордена приветствовала Эльвира Рехин, поэт-переводчик, член Союза российских писателей. Со словами благодарности в адрес ВОО «Трудовая доблесть России» с ответным словом выступил Евгений Фельдман.

Официальная часть встречи закончилась, а присутствующие ещё долго обсуждали сегодняшний разговор, обменивались визитками, просматривали газеты и журналы «Интеллигент».

Снова Нью-Йорк



Уже стало хорошей традицией делать презентации изданий медийной группы «Интеллигент» в Нью-Йорке (США).

Понятно, что там за океаном, наши соотечественники не только населяют по стране, в которой они родились, но и их там объединяет русская культурная среда, в частности русский язык.

Потому когда к ним «пришел» проект медийной группы «Интеллигент» у русскоязычных авторов и читателей появился прекрасный повод чаще встречаться, обмениваться новостями, показывать свое творчество и участвовать в публикациях наших изданий. 10 апреля Ирина Акс и член редакторского совета нашего проекта Екатерина Асмус провели увлекательное и динамичное мероприятия по презентации новых изданий медийной группы «Интеллигент», которые уже появились в США и в которых уже отметились публикациями русскоязычные авторы из США. Выступления поэтов, разбавляли прекрасными выступлениями бардов. Всех очень воодушевили выступления под аккомпанемент гитары от Екатерины Асмус, Володи Кошечева, Василия Кольченко. Развитие проекта только укрепляет мост между русскоязычными людьми по всему миру и, как отметила Ирина Акс, радует и то, что проект все больше объединяет лучших представителей творческой интеллигенции во круг медийного проекта «Интеллигент».

До новых встреч в Нью-Йорке!

Украина



г. Одесса

Санкт-Петербург



Ближайшие презентации пройдут в Эстонии, Великобритании, Санкт-Петербурге, Москве... Следите за новостями на нашем сайте: provintelligent.ru